

Игорь Волгин,
поэт

Ему, как это ни невероятно, исполнилось 70 лет. Известный писатель и историк, телеведущий, он пользуется неизменной любовью самой широкой аудитории. А в литературу входил как поэт. Поэтому мы вместе с поздравлениями представляем читателям «ЛГ» новые стихи Игоря Волгина и задаём ему несколько юбилейных вопросов.

стр. 6

Уже не по силам

Современный капитализм, сторонники которого все двадцать последних лет любили рассуждать о его «исторической победе в холодной войне», элементарным образом сам надорвался в борьбе с реальным социализмом.

стр. 3

Счастье побывать в Волгограде

Спектакли волгоградского Нового Экспериментального Театра напомнили о том, что театр может не только удивлять, но и заставить плакать.

стр. 8

Люди со стороны

В селе Тотыма – конфликт. С кавказцами. Дошло до самосуда. Почему? Что чаще всего становится главной причиной возникновения тлеющей и время от времени вспыхивающей неприязни местного населения и приезжих? Вспомним Кондопогу, московские и питерские межнациональные разборки – да мало ли их вершится ныне. И сколько гастарбайтеров нужно России?.. Об этом читайте статью «Люди со стороны».

стр. 13

Уважаемые читатели!
Сообщаем вам о переезде отдела распространения ОАО «ИД «Литературная газета».

По всем вопросам, касающимся подписки, приобретения ранее вышедших номеров «Литературной газеты», томов книжной коллекции «Великие тайны истории» и книг издательского дома, просьба обращаться по многоканальному телефону: (495) 688-80-78.

Новый адрес: **129110, Москва, ул. Щепкина, 47/1, 2-й этаж, офис № 6.** Проезд до станции метро «Проспект Мира»-радиальная, 5 минут пешком в сторону СК «Олимпийский», вход в здание с ул. Щепкина.

На этой неделе наш сайт www.lgz.ru посетили 17 004 человека. Заходите!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Газета основана в 1830 году при участии А. С. ПУШКИНА
Издание возобновлено в 1929 году при поддержке М. ГОРЬКОГО

EUROPE: D – 2,20 €; A – 2,30 €; B – 2,30 €; PL – 12,90 PLN; L – 2,30 €; CZ – 75,00 CZK; H – 720 HUF; SP – 2,50 €; I – 2,50 €; GR – 2,5 €; CYP – 1,35 CYP; TR – 5 M. TRY; CH – 3,50 CHF; GB – 1,80 GBP; DK – 20,00 DKK; S – 25,00 SEK; NOR – 23,00 NOK; E – 15 EGP; USA – 2,50 \$; C – 2,5 CAD

Международное издание

Выходит по средам

Уроки русского

Валентину Распутину
К 75-летию

*За то, что с нами ты живёшь,
Заздравно выьем по бокалу.
Мне чудится, что ты плывёшь
В рыбацкой лодке по Байкалу.*

*Там, за кормом, перевал,
У ног твоих груздей корзина,
И «пошевелевает вал»
Свободный ветер Баргузина.*

*Светла байкальская вода,
И зачарованна, и странна.
А голова твоя седа,
Как горный снег Хатар Дабана.*

*Минуты, капая с весла,
Соединяются с судьбою.
Страна Сибирью приросла,
А слово русское Тобюю.*

*И в «глубине сибирских руд»,
И в городском столпотворенье
Благоговенен честный труд
«И дум высокое стремленье».*

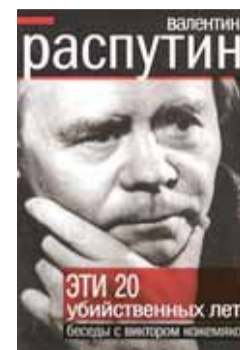
Владимир КОСТРОВ

Продолжение темы на стр. 4

Федор ЕВГЕНЬЕВ

«ЛГ»-РЕЙТИНГ

● Валентин Распутин, Виктор Кожемяко. **Эти двадцать убийственных лет.** – М.: Алгоритм; Эксмо, 2011. – 320 с. – (Серия «Политические тайны XXI века»). – 5000 экз.

Книга представляет собой сборник бесед Валентина Распутина с известным публицистом Виктором Кожемяко, которые начались без малого 20 лет назад. «За эти годы Россия переживала и продолжает переживать нескончаемые трагедии – расстрел парламента и чеченскую войну, гибель «Курска», взрывы жилых домов и на станциях метро, крушение самолётов, дефолт, принятие закона о продаже земли, беспредел преступности, разрушение русской культуры и нравственности...» – говорится в предисловии к книге. По мнению составителей, издание представляет собой «пророческий взгляд писателя на самые болевые современные проблемы и будущее России».

● Андрей Каравашкин. **Литературный обычай Древней Руси.** – М.: Российская политическая энциклопедия, 2011. – 552 с. – 1000 экз.

Обычно древнерусскую литературу рассматривают эволюционно, с точки зрения основных этапов её истории. Между тем уже в XX веке появились попытки представить средневековую книжность как «систему целого». Настоящее издание посвящено не эволюции, а неизменяемой сущности восточнославянского искусства слова. Русская средневековая словесность не выработала системы жёстких правил, не знала теоретической риторики и нормативной поэтики. Книжники XI–XVI вв. обращались к литературному обычаю постольку, поскольку усвоили особые приёмы работы и следовали образцовым текстам, являясь одновременно выразителями оригинальных смысловых интенций. Автор предлагает читателям прикоснуться к секретам мастерства и литературной техники Средневековья.

● Борис Корнилов. **«Я буду жить до старости, до славы...»** – СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2012. – 528 с. – 5000 экз.

Как известно, Борис Петрович Корнилов (1907–1938) до старости не дожил – его расстреляли. Но слова у него была уже при жизни. Он был одним из самых ярких поэтов поколения, входившего в литературу в конце 1920-х годов. Песню «Нас утро встречает прохладой...» на его слова пела вся страна. После гибели поэта эту песню стали объявлять как народную. В книгу, разделённую на четыре части, входят избранные стихотворения и поэмы Корнилова, а также новоявленные материалы из архива Пушкинского Дома, дневники Ольги Берггольц 1928–1930 годов – периода их брака с Корниловым, письма, воспоминания родственников, литературоведческие эссе, а также материалы следственного дела поэта из архивов ФСБ. Книга проиллюстрирована редкими и неизвестными фотографиями и автографами.

ПОЗДРАВЛЯЕМ!

«Фигаро» для Василия Ланового

ИТАР-ТАСС

Любимец публики, народный артист СССР Василий Лановый стал лауреатом российской национальной актёрской премии «Фигаро» имени Андрея Миронова. Церемония прошла в Санкт-Петербурге. Среди лауреатов нынешнего года Людмила Чурсина, Олег Басилашвили, Нонна Гришаева и другие. Каждый из номинантов получил статуэтку Императорского фарфорового завода. Участники вечера поздравили избранный президент России Владимир Путин, который в своей приветственной телеграмме подчеркнул: «Получить столь высокую профессиональную награду – премию «Фигаро» – заветная мечта и опытных мастеров театра, и одарённых дебютантов».

ПРЕМЬЕРА РУБРИКИ

«Философские
МОНОЛОГИ»

Необходимость заново осмыслить всё то, что происходит с нами, возникает в особые минуты жизни. Когда человек и общество оказываются на перепутье. В ситуации выбора. Что выбираем мы? Какой образ жизни? Какой путь? Наполняем ли смыслом нашу повседневность? А каков он, этот смысл?

На эту вечную тему, обсуждаемую читателями «ЛГ», откликнулся известный учёный, профессор философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова Фёдор Иванович Гуренок, автор книг «Метафизика пата» (1995), «Патология русского ума» (1998), «Удовольствие мыслить иначе» (2008), «Автография языка и сознания» (2010) и др.

Сегодняшней публикацией на стр. 13 мы открываем авторскую рубрику философа Фёдора Гуренка.

АКТУАЛЬНО

Весна на книжной улице

15-я Национальная выставка-ярмарка «Книги России» состоится с 14 по 19 марта в Москве, на территории Всероссийского выставочного центра (навильон № 57).

Национальная выставка-ярмарка «Книги России» – одно из крупнейших ежегодных событий деловой и культурной жизни страны. Девиз этого профессионального смотря – «Найди книгу!» – по-всему актуален: от того, какие новинки найдут здесь книготорговцы, учебники, о каких планах заявят издатели, во многом зависит ситуация на российском книжном рынке в весенне-летний период 2012 года. В экспозициях форума представлена обширная палитра художественного, научного, документального, учебного, детского книгоиздания – свыше 150 000 наименований книг на различных языках народов Российской Федерации и других стран.

Разнообразные специальные экспозиции Национальной выставки-ярмарки будут посвящены Году истории в России и его знаменательным датам: 200-летию Отечественной войны 1812 года и Бородинской битвы, 100-летию Военно-воздушных сил России, 500-летию начала регулярного несения службы по охране рубежей Российского государства. Юбилейный раздел программы выстроен таким образом, чтобы выставки были дополнены встречами с писателями и историками. На «Книгах России» будут отмечаться и 200-летие со дня рождения русского классика Александра Герцена, 150-летие со

дня рождения выдающегося писателя Николая Рубакина, 75-летие нашего современника – корифея отечественной литературы Валентина Распутина.

По доброй традиции в рамках Национальной выставки-ярмарки будет отмечаться День православной книги. Экспозиция, организованная Издательским советом Русской православной церкви по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Кирилла, – один из самых значимых разделов форума. Центральным событием празднования Дня православной книги станет выступление 17 марта председателя Издательского совета РПЦ митрополита Калужского и Боровского Климента.

В субботу, 17 марта, – Детский день на «Книгах России». Большой интерес предполагает фестиваль «Читай, растут профессионалы»: юных читателей порадуют необычные выставки, модные дефиле и обучающие занятия. На стендах издательства пройдут викторины и конкурсы, знакомства с книжными новинками, встречи с любимыми детскими писателями.

На детской площадке ярмарки все выходные дни будут идти кукольные спектакли, путешествия по стране

муми-троллей, игры с книгами для айпэдов, театрализованные чтения рассказов Юрия Коваля. Мастерская по изготовлению и кормлению Очень Голодной Гусеницы разместится тут же, по соседству с ателье нарядов из гофрированной бумаги. А для родителей на детской площадке пройдёт семинар «Дети и Пасха. Опыт классической русской и современной детской литературы».

Особый интерес представляет двухдневный (14–15 марта) бизнес-форум «Книга плюс», организованный Роспечатью совместно с журналами «Университетская книга» и «Книжная индустрия». Здесь эксперты и специалисты отрасли, подведя итоги года минувшего, будут искать решения сегодняшних задач книжного бизнеса при активном использовании социальных медиа. 16 марта – круглый стол «Библиотеки и книжный рынок: законодательные инициативы и проблемы формирования фондов», а издательства представят новые разработки электронных библиотечных систем. 15 марта пройдёт семинар «Инновации и проблемы. Особенности и опыт книготорговли в Италии, Америке, Азии»: его устроитель – гость форума, издательский дом «Ло Скарабей» (Италия).

Ежедневно на стенде «Литературной газеты» С-27 можно будет оформить подписку на наше издание по самой льготной цене, приобрести книги издательского дома и принять участие в литературной викторине. Гости ждут интересные встречи с коллективом и авторами «ЛГ».

15 марта в 16.00 администратор легендарного «Клуба ДС» А. Хорт представляет новый сборник «12-16-45»: лучшее из напечатанного на 16-й полосе «ЛГ» за 45 лет.

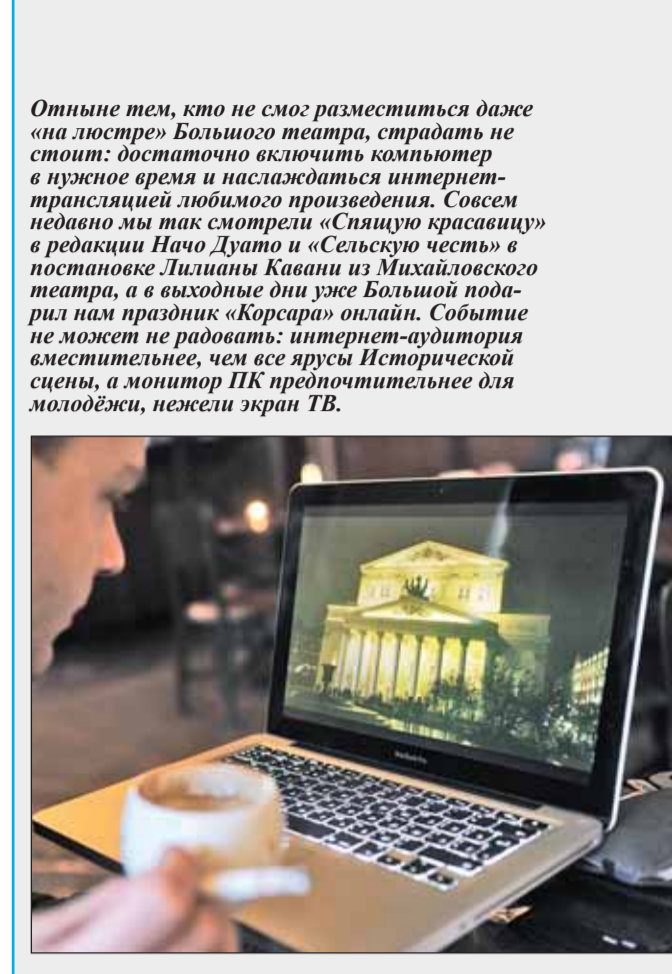
16 марта в 15.00 встреча с авторами книжной коллекции «Великие тайны истории».

17 марта в 16.00 шеф-редактор А. Кожедуб презентует российско-белорусскую газету «Лад» и свою новую книгу «Дорога на Москву».

18 марта в 16.00 встреча с ведущими журналистами газеты.

Надеемся встретиться с вами у нашего стенда!

ФОТОГЛАС

Отныне тем, кто не смог разместиться даже «на люстре» Большого театра, страдать не стоит: достаточно включить компьютер в нужное время и наслаждаться интернет-трансляцией любимого произведения. Совсем недавно мы так смотрели «Спящую красавицу» в редакции Начо Дуато и «Сельскую честь» в постановке Лилианы Кавани из Михайловского театра, а в выходные дни уже Большой подарил нам праздник «Корсар» онлайн. Событие не может не радовать: интернет-аудитория вместительнее, чем все яруссы Исторической сцены, а монитор ПК предпочтительнее для молодёжи, нежели экран ТВ.

Музей-панорама «Бородинская битва» в Москве открыт для посетителей. Впервые за 50 лет холст Франца Рубо почистили, установили новую систему подсветки, обновили и само здание музея. Фонды пополнили четыре сотни редчайших экспонатов, которые впервые показывают посетителям. В стеклянных витринах – подлинные сабли, шлемы и кирасы солдат – участников Отечественной войны. Теперь «Бородинская панорама» ещё и мультимедийный музей будущего.

В конце минувшей недели в Москве прошли два фотографических события. В МультиМедиа Арт Музее стартовал фестиваль «Фотобиеннале-2012». Здесь открылись несколько выставок звёзд мировой фотографии. Среди них Уильям Кляйн, Сара Мун (она на снимке слева), Вольтер Розенблюм, Ай Вэйвэй, Аркадий Шайхет и др. В программе – более 50 выставок, а также мастер-классы. Вторым событием стало открытие в Фотоцентре на Гоголевском бульваре выставки Даны Кандровой «Путь женщины». Она окончила философский факультет Карлова университета в Праге, фотографией занимается с 1973 года. Проект «Путь женщины» состоит из семи разделов: взросление, материнство и семья, развлечения, работа, эротика, религия, старость.

ЗЛОБА ДНЯ

На кого будет опираться власть?

— Константин Фёдорович, как вы оцениваете итоги выборов? Победил Путин более чем убедительно, хотя кампания была весьма жёсткой и давление на него оказывалось беспрецедентное.

— Я рад тому, что Владимир Путин победил в первом туре. Победил, что бы ни говорили, с таким запасом прочности и отрывом от остальных кандидатов, что это не оставляет перспектив явным или тайным планам отмены результатов выборов. Нет сомнения, что изначально такие планы были: речь идёт не только об усилиях по зомбированию митингующей массы идеями непризнания победы Владимира Путина ни при каких обстоятельствах, но и о нежелании целого ряда лиц в Кремле расстаться с должностями и званиями.

Чтобы успокоить «пятую колонну», не дать ей совершить роковой шаг, Путину пришлось вторично после сентября 2011 года подтвердить за два дня до голосования своё намерение предложить Дмитрию Медведеву премьерство. А ведь даже такие верные уходящему президенту палadini, как Игорь Юргенс или Владислав Иноземцев, незадолго до выборов заговорили об ошибочности назначения Медведева на этот пост!

Оппозиция меняет тактику. Одна её часть, вероятно, продолжит, по меткому выражению Э. Лимонова, «жизнь после смерти»: будет пытаться, собираясь всё реже, всё меньшим числом, продолжать скандировать: «Власть — это мы!» В расчёте на то, что какой-нибудь повод, ошибка или провокация вернёт ветер в паруса «непримиримых», позволит вновь всколыхнуть толпу.

До той поры, однако, им придётся жевать скучный кус маргинала, не признающего реальности и за это наказываемого в любом обществе. Не уверен, что не только такие опытные люди, как Борис Немцов, Владимир Рыжков или Михаил Касьянов, но и Алексей Навальный долго будут превращать себя в посмешище, обнимаясь «у фонтана» на Пушкинской с запредельным Сергеем Удальцовым и обоблённым Гарри Каспаровым.

Гораздо перспективнее выглядит попытка другой части наших оппозиционеров выхолостить победу Путина, навязывая ему своих людей и

Подведены итоги президентских выборов. Владимир Путин приступил к консультациям по вопросам формирования правительства. Что нас ждёт? Об этом обозреватель «ЛГ» беседует с директором Института стран СНГ, опытным политиком, депутатом Госдумы трёх созывов Константином ЗАТУЛИНЫМ.

свои идеи. Заявка уже подана — почитайте хотя бы Иноземцева в «Известиях» о «либеральном шансе для России». Бесконечные восторги по поводу Михаила Прохорова, за которого «от безрыбья» проголосовали в столицах, рассуждения об «слабленном Путине», которому не суждено дожить в президентях до конца срока... Люди, имеющие основания опасаться твёрдой государственной власти и всей остальной России, проиграв вистую на улицах и избирательных участках, требуют от победителя капитулировать, согласиться на все их требования, чуть ли не назначить куршевельского героя премьер-министром! Геннадий Зюганов с его вторым местом впрямую завидовать, как надо работать без отмычки.

Да, мы избежали пока Февральской революции. Путин, как я ожидал и на что надеялся, настаивая на поддержке его возвращения и год, и два назад, отверг судьбу Николая II и Михаила Горбачёва. Но стремление к индивидуальной свободе, — немедленно, здесь и сейчас, — продолжает будоражить представителей элиты, не стесняющих себя пониманием огромной массы населения.

Люди в массе своей ищут справедливости и равенства, а не свободы покупать баскетбольные клубы в США. Вовлекаясь в заговоры против власти или пытаясь подчинить её своим целям изнутри, богатые в 2012 году повторяют ошибку своих предшественников в 1917-м — нарушают баланс, срывают резьбу процесса мирного развития страны, возвращая её на роль великой державы.

И, надо отметить, практическая неизбежность приглашения Дмитрия Медведева на пост премьера способна внести очень серьёзную путаницу в вопрос о новой власти и её курсе. Призрак двоевластия, или тандема, России противопоставлен. Как и сцена, разыгранная на съезде «Единой России» в сентябре прошлого года.

— Кстати, а что творится с «Единой Россией»? «Где же Рим, где Рим могучий?»

— Утром меня пригласили в эфир «Госдепа-2» — программы, которую Ксения Собчак делает теперь у Михаила Прохорова. По её словам, никто из руководства «ЕР» не горел желанием защищать итоги выборов,

выступая в её программе с Борисом Березовским, Гарри Каспаровым, Сергеем Митрохиным и прочими борцами за свободу. Пришлось это делать мне и Сергею Маркову, бывшим депутатам Государственной Думы, исключённым из списков перед выборами 2011 года. За два дня до голосования я уже представлял «партию жуликов и воров» в дискуссии с Березовским, Собчак и отморозженным Игорем Яшиным из «Солидарности» в программе вынужденного переселенца Евгения Киселёва на центральном украинском ТВ.

Увы, это диагноз. Можно, конечно, игнорировать и Собчак, и Киселёва — «нехай клеветать». Но игнорировать их аудитории — плохой выбор. Как один из учредителей «Единой России», возникшей при объединении нашего «Отечества» с «Единством», я вправе утверждать, что в партии, к сожалению, культ дисциплины с годами почти полностью вытеснил внутрипартийную

дискуссию. И людей, способных отстаивать убеждения.

Голосуя 4 марта за Владимира Путина, я обратил внимание на то, что в дополнительном бюллетене по выборам в муниципальные (районные) собрания Москвы кандидаты от «единороссов», как правило, выступали как самовыдвиженцы. То есть скрывали свою принадлежность в отличие от представителей КПРФ, «Справедливой России» и др. Стоит ли удивляться конъюнктурщикам в правой партии, которые не хотят на людях её защищать?

— Всё имеет свою историю и предисторию.
— В своё время, в позапрошлом составе Госдумы (четвёртой), я был

депутатом-одномандатником, членом фракции. В «Единой России» тогда происходило то, что сейчас хотят повторить на уровне государства в целом: под патриотическими лозунгами заставляли проводить праволиберальные законодательные акты. И какого-то инакомыслия не допускалось: парламент не место для дискуссий. «Обстоятельством непреодолимой силы» считалось мнение любого, самого незначительного чина из президентской администрации или правительства.

«Вы не рассуждайте — вы голосуйте». Ряд депутатов, в том числе и я, предложил провести во фракции самоопределение, образованной платформы — либеральную (или правоцентристскую), социальную (левоцентристскую), государственно-патриотическую. После паузы прозвучала отповедь: у медведи крыльев не бывает.

В следующей Думе придумала клубы, в рамках которых предлага-

лось предварительно обсуждать по-вестку. Реальное влияние на неё, однако, оказывал один только либеральный клуб во главе с Владимиром Плигиным, который и провёл через Думу львиную долю законопроектов. Государственно-патриотический клуб, возглавляемый Ириной Яровой с Камчатки, никакого реального значения не получил, довольствуясь обсуждением третьестепенных вопросов.

Если «Единая Россия» хочет выжить в нынешних условиях, ей надо незамедлительно проводить внутреннюю реформу, уточнять и конкретизировать программу, обретать идеологию. И не бояться спорить.

— Вернёмся, однако, к высказанной вами мысли о «выхолащивании победы Путина». Что вы имеете в виду?

— Новизбранному президенту стараются навязать вариант, при котором, победив в довольно напряжённой борьбе с улицей и протестными настроениями, продемонстрировав высокий уровень поддержки, доверия и связанных с этим надежд, он должен поддаться соблазну идейно капитулировать перед теми, кто находится и в самой власти.

Речь о либеральном крыле, которое, условно говоря, разделилось на две части. Одна с теми и среди тех, кто выступал на Болотной, другая — в самом правительстве и, можно предположить, сейчас настойчиво советует взять на вооружение всё, что требует оппозиция. Под разговоры о необходимости консолидировать курс и, значит, всё общество просто сдать все позиции, назначить замечательных людей типа Дворско-

хотелось бы. А что происходит с воспитанием молодого поколения посредством развлекательного телевидения, их это очень мало волнует. Боссов телевидения, которые давно абсолютно всеядны и подцистую коммерциализировали ТВ, волнует только сохранение самих себя и своих доходов. Поэтому они готовы подстроиться под любого. И будут сейчас стремиться «найти общий язык» с властью уже на основе нового мандата доверия к ней. Нужно ли России такое телевидение? И нужно ли власти и новизбранному президенту улаживать телемагнатов? Конечно, Путин и его искренние сторонники, которых немало в его окружении, проводя свою линию, должны слушать и слышать всё, что говорят, в том числе на Болотной или на Пушкинской площади. Но власть при этом совершенно не обязана идти на поводу у абсолютно всех предложений, которые на площади звучат. И уж тем более не обязана, это уж совсем точно, инкорпорировать во власть тех людей, которые показали, что склонны рисковать Россией, её стабильностью, целостностью — чем угодно — ради своего «я» или каких-то узких политических целей.

Я бы обратил внимание и на такой момент. Нам надо изживать не только экономическую или финансовую коррупцию — подкупы, откаты и тому подобное, но и коррупцию политическую. Ведь перебежчики, как и переманивание, перетаскивание людей из противоположных подчас лагерей, — это у нас обычное дело. При другой, устоявшейся, как во многих странах Запада, системе переход из одного лагеря в другой всегда чреват последствиями для политика, и он трижды подумает, прежде чем это сделает. У нас же кто-то из правительства уходит на Болотную, а потом ему, видимо, ничто не мешает вернуться обратно в правительство. Никто за это политически не наказывает. Напротив, это считается достоинством, гибкостью. Такая всеядность является ещё и следствием безыдейности «Единой России», которую, как сейчас всем ясно, сделали безыдейной, хотя она имела все шансы превратиться в идейную силу.

Прежняя практика сводилась к личному манипулированию, к беспринципности: не важно, что ты думаешь, важно, чтобы ты голосовал правильно.

Если новая власть и новый Путин не поменяют этого, нас опять накроет волна лицемерия и двойных стандартов и в парламентской работе, и в партийном строительстве, и в текущей практической политике, и во взаимоотношениях с гражданским обществом. Но нельзя же по сто раз наступать на одни и те же грабли!

Беседу вёл Владимир СУХОМЛИНОВ

<p>ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА</p> <p>1971 1979</p> <p>УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ ОАО «Издательский дом «Литературная газета»</p> <p>Главный редактор ЮРИЙ ПОЛЯКОВ</p> <p>Первый заместитель главного редактора Леонид Колпаков Заместитель главного редактора Валерий Павлов (представляет в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе)</p>	<p>ОТДЕЛЫ:</p> <p>«Политика, экономика» тел. 8-499-788-01-06 шеф-редактор Игорь Серков, обозреватель Владимир Сухомлинов</p> <p>«Литература и библиография» тел. 8-499-788-02-05 ведущий редактор Марина Кудинова; Игорь Панин</p> <p>«Искусство», «Телевидение» тел. 8-499-788-02-12, 8-499-788-00-53 ведущий редактор Александр Кондратов; Олег Пухначев</p>	<p>Евгений Маликов, Анна Кузнецова</p> <p>«Общество» тел. 8-499-788-02-08 ведущий редактор Людмила Мазурова; Наталья Гамаюнова</p> <p>«Клуб 12 стульев» тел. 8-499-788-00-53 администратор Александр Хорт</p> <p>Обозреватели Сергей Минаваканян, Лев Пирогов, Дмитрий Каралис (Санкт-Петербург), Алесь Кождуб, Игорь Гамаюнов</p> <p>Спецкорреспонденты Анастасия Ермакова, Ольга Моторина</p>	<p>Собственные корреспонденты Александр Самойленко (Калуга), Юрий Беликов (Пермь), Жан Миндубаев (Ульяновская область, Татарстан), Владимир Шемшученко (Санкт-Петербург), Сергей Евстратьев (Республика Македония), Всеволод Марьян (Закарпатье), Ирина Тосунян (США), Алексей Славин (Германия), Мария Хамакер (Центральная Европа), Никита Барашев (Италия), Светлана Селиванова (Китай)</p> <p>Отдел оформления тел. 8-499-788-01-13 бывший редактор Евгений Федоровский; художественный редактор Антон Меньшов</p>	<p>Директор по распространению Валерия Красотова тел. 8-495-688-80-78</p> <p>Отдел рекламы тел. 8-495-688-80-78</p> <p>Московский тираж — 61 853 экз. Федеральный тираж — 35 281 экз. (печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирске и Хабаровске) Тираж в Крыму — 2500 экз. Тираж в Европе и США — 6000 экз. (печатается во Франкфурте-на-Майне)</p>	<p>Тираж в Израиле — 22 000 экз. Тираж в Великобритании — 9000 экз. Тираж в Греции — 3000 экз.</p> <p>Общий тираж 139 634 экз.</p> <p>Цена договорная</p> <p>Отпечатано в ЗАО «Полиграфический комплекс «Экстра М», 143400, Московская область, Красногорский р-н, п/о «Красногорск-5», а/м «Балтия», 23-й км.</p> <p>Номер подписки к печати 13 марта 2012 г. Зак. № 12-03-00231</p>	<p>Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи.</p> <p>Подписные индексы: 50067, 34189, 84874 и 99168 (для предприятий и организаций)</p> <p>Экспортная подписка — по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications» Газета зарегистрирована в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство ПИ № 77-35721 от 20.03.2000 г.</p> <p>Материалы рубрики «Точка зрения» публикуются на коммерческой основе.</p>	<p>Адрес редакции: Хохловский переулок, д. 10, стр. 6 Москва, 109028</p> <p>Автоинформатор и соединение с отделами: 8-499-788-02-10</p> <p>Электронный адрес: litgazeta@lgz.ru</p> <p>Факс: 8-499-788-00-52</p> <p>Перепечатка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна</p>
--	---	---	--	--	---	--	--

НЕРАЗРЕШЁННЫЙ ВОПРОС

Кому народ не тот

Теперь редкая неделя обходится без того, чтобы какой-нибудь элегантный политолог, историк, режиссёр или журналист, обсуждая в телешоу и на радио причины социальных бед, не бросил бы мимоходом, что народ наш якобы сильнее других народов склонен к халяве.

Как ни странно, полужаргонное это слово приобрело какой-то магический оттенок и стало едва ли не научным термином. Вот уже и почтенные доктора наук, не смущаясь, используют его в дискуссиях о русском народе в качестве козырного аргумента. Так постепенно, путём постоянного повторения вблудываются в массовое сознание антинародные мифы. Потому что повторение — не только мать учения, но и основа агрессивной пропаганды.

На чём вообще основана пропаганда? На том, что абсолютное большинство людей, к сожалению, внушаемо и оттого чрезвычайно восприимчиво к мифам. Ничего не поделаешь, таково природное, объективное свойство пластичной человеческой психики. Используя это свойство, можно отравить массовое сознание любого народа, внушить ему и манию величия, и комплекс неполноценности. Высокоцивилизованная Германия 30-х годов прошлого века и нынешняя более чем скромная Северная Корея — тому примеры.

Мифы удобны тем, что не требуют доказательств, их надо лишь часто и доходливо излагать. Один из главных идеологических мифов прост, как осиновый кол: во всех бедствиях страны виноват народ. А когда виноват народ, то и спросить, по сути, не с кого. Он заслуживает именно ту власть, которую имеет. Почему же заслуживает?

Антинародные байки в систематизированном виде выглядят следующим образом. Бояре-руководители у нас — вполне достойные джентльмены, цари — местами тоже ничего, а вот народ плоховат, неконкурентоспособен. Ничего путного с ним не построишь — ни социализма, ни капитализма. Рады бы, но никак. Производительность труда у него ниже некуда, едва-едва зарабатывает на прожиточный минимум.

Не то что у героев капиталистического труда — топ-менеджеров, банкиров и стальных цехов-чиновников, ежемесячно добавившихся рекордных откатов. Многие из них стригут и выколачивают по миллиарду в год и даже больше — вот это производительность! Весь мир завидует. Но на такие подвиги способно только элита, а не народ. Поэтому страна вышла на второе место в мире по миллиардерам, а народ и интеллигенция, как его неотъемлемая часть, вследствие своей природной ушмерзности закономерно прозябают. Да ещё позорят государство: именно из-за хилого и несознательного народа продолжительность жизни и смертность в стране достигли катастрофического уровня.

Именно народ терпел царизм, потом неожиданно отшатнулся к революции, сам выбрал Сталина, Хрущёва, Брежнева и прочих вождей. Значит, виноват. Это он из хлявных побуждений существует на нищенские зарплаты и пенсии и расплодил коррупцию. Это он таинственным образом развратил здравоохранение и образование, свёл с ума телевидение, рассорил этносы, разогнал наши таланты по

всему свету, устроил безработицу и не покупает себе жильё, потому что жить в стрёмных условиях ему гораздо выгоднее, чем в человеческих. И к самоорганизации он не склонен, ему в чиновничьей паутине спокойнее.

Список можно продолжить. В общем, виноват, виноват, виноват! И главное — не каётся! Значит, вины своей не почувствовал, значит, придётся утверждать об этом ещё и ещё, до тех пор, пока не соберётся он на какой-нибудь огромной площади и не вопит в едином порыве: да, виноваты мы, все до единого, простите нас, господа политтехнологии и публицисты!

А почему у нашего народа всё идёт не так, как в Европе? Да тоже ясное ясное! И гены у нас не те, а с примесью евразийского терпения, и историческая матрица особая,

и селекция какая-то отрицательная, не то что у европейцев. К тому же, с младых лет ориентируясь на легендарного Емелю, народ приобретает ещё и склонность к хляве, вера в чудо и магическую авось. Менталитет, однако. Действительно, ну что тут поделаешь, против природы не попрёшь. Забыли, правда, ещё и форму черепа обмерить.

В общем, элита бьётся как рыба об лёд, крутится как белка в колесе, пытаясь улучшить жизнь, но ведь народ не переделашь. Поэтому и приходится ей улучшать жизнь самой себе, да за компанию ещё и бескорыстным политтехнологам и пропагандистам.

Использование таинственных слов «генофонд», «селекция» и прочих подобных им животноводческих терминов значительно облегчает создание антинародных мифов. Цель всей этой генно-модифицированной

политологии, объясняющей общественно-политические процессы генетикой и биологией, — заронить в массовое сознание ощущение уныния и безысходности.

Однако в нормальном, а не патологическом общественном сознании по числу пьяниц, люмпенов и хлявщиков принято судить не о народе, а об условиях его жизни и социально-экономической системе, не им созданной и охраняемой тоже не им.

А правда в том, что простым труженикам просто некуда податься, вынуждены они существовать даже в условиях, напоминающих джунгли со снегом. Потому что семейный очаг создавать и хранить должны, крышей какой-никакой над головой обзаводиться, детей поднимать, родителей-стариков поддерживать, а потому многое терпеть прихо-

дит. Терпеть и работать с утра до позднего вечера. А социально-экономическую систему анализировать и перестраивать — для этого профессионалы иного рода нужны. Антинародные мифы волей-неволей воспринимаются ещё и как антирусские, потому что абсолютное большинство народа Российской Федерации — русские, и основная масса обездоленных — тоже русские люди. К тому же и реальная практика, в частности сокращение школьных часов на русский язык, литературу и многое другое, указывает на пренебрежение реформаторов ещё и к русской культуре, веками служившей мощным объединяющим фактором.

В русской литературе и русской культуре, как и в любой другой мировой культуре, столько же национального, сколько и общечеловеческого. Любая культура патриотична в самом высоком смысле этого слова. Потому что патриотизм, любовь к Родине — это

природное чувство нормального человека, это его неотъемлемое право. Во время как национализм — это вполне определённая искусственная идеология, со своей теорией, практикой и пропагандой.

Проявление национального самосознания у русского народа — вещь естественная, как и у любого народа, она — часть самосознания гражданского. Боль за свой народ приводит к пониманию боли и других народов. История и быденная жизнь показывают, что простые люди разных национальностей всегда найдут общий язык, если их не будут сорить политики и горе-пропагандисты, оттачивающие своё мастерство на том, чтобы представить вполне естественный патриотизм в виде самого жуткого национализма.

Люди всегда слабее системы, когда они разъединены. Поэтому разъединять людей, повергать их в уныние, внушая им комплекс ничем неодолимой исторической неполноценности, для оснащённых научными степенями и званиями идеологических технологов — занятие, можно сказать, профессиональное. В системе «разделяй и властвуй» им принадлежит «почётная» функция «разделителей» — социальных, национальных и идеологических дезинтеграторов.

Небылицы, страшилки и мифы о сомнительном происхождении русского народа и его ущербном менталитете преподносятся так, будто речь идёт не о соотечественниках, а об инопланетянах.

Русские писатели-классики не были политтехнологами, и потому — наверное, по своей наивности — обличали не народ, а царизм и крепостническую систему. Они почему-то полагали, что рыба гниёт с головы. И не судили о народе по пьяницам и преступникам, а удивлялись, как он умудряется сохранить человеческие качества в бесчеловечных условиях. Конечно, видели, что грешен наш народ, как и любой другой, но понимали, что душа народная не в кабацкой жизни, а в великой русской культуре заключена. Критиковали, конечно, и простых людей, резко критиковали, но чтобы обвинять во всех бедах страны саму её основу — народ, до этого не додумались. Может, это был другой народ? Может, его за сто лет каким-то мистическим образом незаметно подменили? Но как же он тогда смог разгромить фашистскую армию и очистить от неё пол-Европы? Загалка.

Характерный пример агрессивной пропагандистского мифотворчества — статья А. Ципко «Не будем валить дурака!» («ЛГ», № 50, 2011). В качестве доказательства ущербности русского народа он сравнивает вымирающие русские сёла с ухоженными соседними татарскими. При этом он ловко обходит молчанием историю жизни людей из этих русских сёл и причины их бедствий. Но истина всегда конкретна. Предположим, что в данном случае действительно виноваты жители. А в вымирании остальных русских сёл кто виноват? Когда симптомы запустения — по всей стране, виновата всё же социальная — экономическая система с её создателями и примкнувшими к ним пропагандистами.

В этой же статье изложена и уникальная по своей путанице и пародийности страшилка: «Противопоставление «чистых этнических русских» россиянам очень похоже на большевистское противопоставление класса

«ЛГ», № 39

«ЛГ», № 40

трудящихся классу эксплуататоров». Здесь в одном предложении перемешаны, как в винегрете, и политическая нация (россияне), и этническая нация (русские), и большевики (добавлены, наверное, вместо перца), и социальные классы. Хорошо, что автор не включил в это предложение ещё и религиозные конфессии. Впрочем, и без того переварить подобное блюдо обычному человеку довольно трудно. Поэтому к благому намерению А. Ципко — «не будем валить дурака!» следовало бы добавить, что и людей дурило тоже пора уже заканчивать, время пришло.

Основная задача мифотворцев — свести ответ на конкретный вопрос «Кто виноват?» к шаблонным формулировкам об ответственности каждого человека за всё, что творится вокруг, максимально расширить пространство ответственности, переложить её с тех, кто действительно должен отвечать, на всех.

Конечно, у народа должна быть ответственность, кто б возражал. Но она — совершенно иного рода, чем у власти. Рядовой человек — безусловно ответствен, но за свою личную судьбу и за исполнение им своих человеческих задач. Это не означает «моя хата с краю». Просто за народ в целом и за страну с её городами и сёлами несёт ответственность «головка» системы управления, в руках которой находятся все ресурсы — людские, финансовые, природные, административные, идеологические. А у рядового человека нет ничего, кроме рабочего места, если оно, конечно, не безработный. Кому много даётся, с того соответственно много и спрашивается. Потому и несопоставимы ответственность власти и народа. Особенно если учесть, сколько людей в разное время погибло из-за действий собственной власти, столько людских судеб ею сломано.

Ныне этот «непонятный» для мифотворцев народ вымирает, и основной причиной трагедии является совершенно позорная для социального государства искусственно созданная нищета основной массы населения. По расчётам учёных, медики страны могли бы ежегодно спасать жизни 600 тысяч человек, но лечебные учреждения финансируются чиновниками в столь мизерных размерах, будто там не людей лечат, а занимаются совершенно не нужным для государства делом. Это уже не Евразия, а «всрафика». Народ, конечно же, хотел бы решительно исправить всё это, но не ценной рывала государства.

Как известно, «декабристы разбудили Герцена», который потом своими трудами способствовал появлению народников. Но вот кто разбудил и взрастил нынешних антинародных «артистов» — загалка. Скорее всего — рынок, ведь это он всё регулирует и правдоподобную броскую ложь оплачивает лучше, чем правду. А коли есть спрос, будет и предложение.

Но, повторяя антинародные мифы, пропагандисты неизменно впадают в грех любоначала. Вот почему даже самую изощрённую пропаганду легко отличить от настоящего поиска истины: в любой пропаганде всегда можно уловить мотив корысти и любоначала.

Владимир РОМАНОВСКИЙ

ЭКОНОМКЛАСС

Уже не по силам

Как современный капитализм надорвался в борьбе с реальным социализмом

Многие люди и в нашей стране, и за рубежом — от профессиональных экспертов до международного движения с громким названием «Захватить Уолл-стрит!» — уверены в том, что в глобальном кризисе «виноват» исключительно банковско-финансовый сектор.

Действительно, крупнейшие банки мира все последние годы увлеклись спекулятивными сделками с ценными бумагами, чей лавинообразный рост превысил любые мыслимые масштабы, а также в погоне за прибылью раздавали направо и налево кредиты, мало заботясь о проблеме их возврата. А затем, когда уже грянул кризис, разоривший миллионы вкладчиков и клиентов банков, владельцы последних самым бесовским образом год за годом сами себе выплачивали многомиллионные бонусы.

Однако в возложении вины за кризис только на банкиров есть лишь доля истины, поскольку мы здесь имеем дело, скорее, со следствием, но не с причиной явления. Как выяснилось, экономика всех западных стран оказалась построенной на «наращивании заимствований», создании лавины долгов, под которой на наших глазах одна за другой оказываются погребёнными ещё вчера казавшиеся благополучными экономики самых развитых капиталистических стран.

Есть и «географический» взгляд на кризис. Его сторонники — кто в большей, кто в меньшей степени — валят вину за весь мировой кризис исключительно на Европу. Точнее — на «зону евро» и Еврозону в целом. Иногда и вообще на отдельные «безответственные страны». В первую очередь, конечно, имеют в виду Грецию. Даже ввели в обиход выражение «греческая болезнь». Но почему тогда не поговорить, скажем, об «испанской болезни»? Испания ведь тоже уже скоро год, как балансирует на грани дефолта. А Италия, член так называемой «Большой восьмёрки» и одна из крупнейших экономик всего западного мира, так вообще последние двадцать с лишним лет жила с объёмом государственного долга, пре-

вышающим 90 процентов ВВП. В результате сегодня общий объём её госдолга «на круг» приблизился к гигантской сумме в 2 триллиона долларов!

Но даже сия сумма меркнет по сравнению с объёмом государственного долга Соединённых Штатов. Это, кстати, доказывает, что в глубоком кризисе оказались не только европейские, но и американская экономика, просто последствия этого кризиса ощущаются в ней пока не столь катастрофически, как в Старом Свете. Потому, во-первых, что она и размерами побольше. А во-вторых, США обладают монопольным доступом к станку, печатающему основную мировую валюту — доллар.

Так, только за последние годы администрация президента Б. Обамы ежегодно увеличивала объём госдолга не менее чем на 1 триллион (!) долларов, чтобы избежать банкротства государственных институтов США. В итоге в конце января общий уровень госдолга Соединённых Штатов возрос до 16,5 триллиона долларов. Это составляет почти 120 процентов от всего американского ВВП.

И вообще только с середины 80-х годов минувшего столетия по 2011 год суммарный государственный долг всех развитых капиталистических стран вырос с 60 до 104 процентов их общего ВВП. Получается, что в долговой яме оказался не какой-нибудь один сектор капиталистической экономики (в том числе банковский), но одно государство и даже не группа государств, а весь западный мир. Но, поскольку бесконечно жить в долг нельзя, и разразился сильнейший кризис, и сегодня мы наблюдаем его продолжение и разрастание практически по всем направлениям.

Возникает главный вопрос: отчего же они жили в долгу?

Дело в том, что современный капитализм, сторонники которого все двадцать последних лет любили хвалить о его «исторической победе в холодной войне», элементарным образом сам надорвался в борьбе с реальным социализмом.

Начать с того, что уже к 30-м годам прошлого столетия капитализм в том виде, в каком он существовал в период написания Карлом Марксом «Капитала» и Октябрьской революции в России, исчерпал себя как общественно-экономический строй. И не рухнул он в период Великой депрессии только потому, что значительно «облагородился», приняв на вооружение отдельные элементы экономической и особенно социальной политики из имевшейся к тому времени практики советского социализма.

Но главное, с этого момента капитализм развивался в ситуации широчайшей и разветвлённой системы элементарного подкупа самых различных слоёв населения двух с небольшим десятков стран. Их и стали называть «золотым миллиардом».

Этот социальный подкуп осуществлялся в самых разнообразных и хорошо известных формах. Полки и витрины магазинов заполнялись доступными товарами, широкие слои населения обеспечивались пристойной зарплатой и — особенно! — системой социальных льгот и гарантий. Всё это активнейшим образом использовалось в качестве пропаганды достижений капитализма в ходе холодной войны и десятилетиями слепило глаза и ослепляло мозги многим нашим соотечественникам, мечтавшим жить «как у них».

При этом не удосуживались даже задавать элементарным вопросом: а за счёт каких средств так живёт «золотой миллиард» и почему только он? Почему столько отлична от него жизнь остальных нескольких миллиардов жителей Земли? Неужели капитализм за короткий период смог обеспечить запредельное превосходство над социализмом в производительности и организации труда?

принято говорить, сверхдержав было почти равным. Но тогда получается, что, будь в США производительность труда во много раз выше, тогда и советский ВВП не вдвое, а тоже во много раз отличался бы от американского. Но такого не было! Значит, не было и никакого «многократного превосходства» капитализма над социализмом.

Но почему тогда совсем не равными и даже несопоставимыми были уровень и образ жизни населения обеих стран? Такое возможно в одном-единственном случае: если одна из сравниваемых сторон не имеет постоянных «побочных» доходов в виде ограбления других стран и народов и постоянной жизни в долг. Вот именно так и было.

Все последние добрые шесть десятков лет именно потому так хорошо, светло и ярко жилось в Вашингтоне и Лондоне, Париже и Риме, что триллионы долларов перекачивались в них вначале за счёт прямого ограбления народов колоний, а после краха мировой колониальной системы в 60–70-е годы за счёт изошённого неэквивалентного торгового обмена с этими же странами, формально получившими свободу, но оставшимися в экономической зависимости.

Правда, с каждым годом обеспечивать такую «перекачку» становилось всё сложнее. Поэтому вторым способом поддержания «дугото», не основанного на реальном экономическом превосходстве высокого уровня жизни своих граждан как раз и стало вездержное наращивание заимствований как со стороны государств, так и со стороны предпринимателей и населения. Таким образом, жизнь в долг стала для правящих элит и населения западных стран не какой-то блабля, не грубой ошибкой экономической политики, а просто условием «хорошей жизни» не по средствам.

Такая жизнь в долг одновременно с привычкой «жить хорошо» привели ещё и к тому, что в реальный сектор экономики стран «золотого миллиарда» (в первую очередь — в промышленность) вкладывалось всё меньше средств: их просто не оставалось из-за нарастающего паразитического потребления. И это не замедлило сказаться: на протяжении последних двух десятилетий западные страны теряли одну позицию за другой в экономической конкуренции с

социалистическим Китаем. Закрываются предприятия и сворачиваются целые отрасли промышленности, растёт безработица. Кризис только обострил и ускорил рост этих проблем.

Напомним, что, когда среднегодовые темпы роста в Советском Союзе в первой половине 80-х годов снизились до 3,2 процента (что всё равно вдвое превышает те, которые сегодня фиксируют все основные страны Запада), противники нашей страны за рубежом и их сторонники внутри СССР поспешили назвать это положение «застоем». Тогда какой же характеристики заслуживает современный капитализм, вот уже несколько лет в лучшем случае плетущийся в районе отметки однопроцентного роста либо вообще абсолютно сокращающий размеры своей экономики?

Эту тенденцию обещает продолжить нынешний, 2012 год. На фоне этого особенно впечатляют очередные экономические успехи Китая. А на Западе тем временем идёт повсеместное сокращение социальных программ, повышаются налоги — и отнюдь не на миллиардеров! — а уровень жизни населения, напротив, снижается. Режим жёсткой экономии бюджетных средств вводится не только в Греции, но и в тех странах, которые ещё совсем недавно считались символом благополучия. Например, в Бельгии и Великобритании, да и не только в них.

Вводится платное высшее образование. В Чехии, например, президент Клаус недавно договорился до того, что назвал студентов вузов «паразитами общества». Видимо, не от хорошей жизни при капитализме бывший диссидент и ярый антикоммунист озвучил мысль, которая во времена социалистической Чехословакии никому даже и в голову не пришла бы.

А население на всё это отвечает массовыми акциями протеста. В глубоком кризисе находится вся капиталистическая система. Банки — это действительно «кровеносная система» любой экономики, но если весь организм дошёл до состояния гниения, то его кровеносная система тоже неизбежно деградирует.

Олег ЧЕРКОВЕЦ, доктор экономических наук

«Пути-дороги» художников Содружества

16 марта в Центральном Доме художника на Крымском Валу открывается XV Московский международный художественный салон «ЦДХ-2012. Пути-дороги», посвящённый 20-летию Международной конфедерации союзов художников.

Салон, являющийся самой крупной по масштабу художественной выставкой на всём постсоветском пространстве, представит лучшие произведения живописи, скульптуры, графики, фотографии и декоративно-прикладного искусства России, стран Содружества Независимых Государств и Балтии.

Организованный Международной конфедерацией союзов художников и Межгосударственным фондом гуманитарного сотрудничества государств — участников СНГ при поддержке Министерств иностранных дел и культуры РФ, а также Российской академии художеств, салон всесторонне раскроет тему дорог, вызывающую разные ассоциации. Это и пути географические, неизменно связанные с творческими командировками, встречами с разными людьми, различными национальными культурами. Пути-дороги — это и творческий путь каждого мастера, размышления о смысле жизни и поиски духовности в искусстве.

Салон займёт всё пространство ЦДХ и продлится до 25 марта.

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН — 75

Не предавай!

Добро и зло в наше время поменялись ролями. Добро стало смешным и немодным. Зло предподносится как нечто естественное и необходимое. Добро теряет доверие. Зло обретает несокрушимое алиби. Кому-то удалось вывернуть мир наизнанку и убедить остальных, что так и должно быть. Этот новый мир, получивший название «пост-модерн», отличает склонность к отрицанию и разрушению. Традиции и старые формы не могут восприниматься всерьёз постмодернистским сознанием, требующим уничтожения всего, что проникнуто традиционным пафосом.

Человек, добившись послабления своей зависимости от природы, не выдержал напряжения и решил удовлетворяться достигнутым. Так школьник, которому ради пятёрки надоело корпеть над учебниками, забрасывает книги и отдаётся улице.

Почему сегодня стало возможным то, что мы называем «пересмотром результатов Великой Отечественной войны», «фальсификацией истории»? Проще всего было бы найти внешнего врага и спихнуть вину на него. Но не сидит ли этот враг в нас самих? И не говорит ли это о том, что наш современник просто перестал понимать, ради чего, собственно, жили прошлые поколения? Когда Зою Космодемьянскую объявляют сумасшедшей и ничтоже сумняшеся говорят о ненужности и бессмысленности её подвига, происходит это потому, что судьи Зои не понимают значения слова «самоотверженность». Человек пост-модерна живёт другими ценностями, среди которых всё меньше традиционных, ещё вчера понятных подавляющему большинству. В вопросе освобождения такой человек пошёл дальше предшественников: он нацелен на освобождение и от моральных уз, от всего того, что подавляло инстинкт, обязывало к самодисциплине и налагало ответственность. Он стремится избежать любого напряжения в пользу личного удобства и расслабленности. Появление этой расслабленности как некоего жизненного ориентира многое способно объяснить в нашей жизни. Так, например, вера и творчество немислимы без проявления воли, без предельного напряжения сил. Но когда гедонизм попадает в разряд ценностей, стоит ли удивляться тотальной нравственной деградации и предельному творческому оскудению.

Но «отрицание» и «разрушение» — это всего лишь слова, не объясняющие сути и не дающие оценки. Когда человек отрывается от того, что ещё недавно считал святым, и отрывается не потому, что святое вдруг обернулось своей противоположностью, а потому, что, отрёкшись, он оказывается в более выгодном и удобном положении, вне постмодернизма такое деяние назовут «предательством». Постмодернизм пытается убедить нас, что в предательстве нет ничего худого. Что для человека естественно поступать в соответствии с собственной выгодой и удобством. Но постмодернизм возник не сразу и вдруг. У него были свои апостолы и пророки, свои адепты и апологеты. Носители его идей жили всегда, с той лишь разницей, что это были изгой и одиночки. Но время пришло, и постмодернизм не просто пожалел и оправдал их, гонимых жестокой традицией, но и назначил выразителями истины, сводимой к утверждению, что истины нет.

Русская литература давно уловила, что надвигается что-то новое и страшное, что с человеком происходит необоримое — формируется новый человеческий тип. И тип этот страшен тем, что знает свои права и существует по законам своего удобства.

Тема предательства звучит во многих произведениях В.Г. Распутина. Писатель кропотливо исследует

разные стороны и разные проявления предательства. Подчас оно очевидно, подчас сокрыто от глаз. А бывает и так, что человек и сам не в силах разобратся, предал ли он.

В повести «Последний срок» (1970) взрослые дети предадут старуху-мать. Вопреки прогнозам, старуха не умирает, а идёт на поправку, чем вызывает досаду приехавших на похороны и потративших на дорогу детей.

Оказавшись на исходе войны в госпитале недалеко от дома, герой повести «Живи и помни» (1974) Андрей уверен, что перед возвращением на фронт ему позволит съездить домой. Но ему не позволили. И Андрей, не устоявший перед соблазнами, ушёл сам. Дезертировал. Предал. И теперь уже перед страшным выбором — предать мужа или самой себя — оказывается жена Андрея Настёна. Конец Настёны предрешился в тот момент, когда настала необходимость выбирать. Потому что любой её выбор несомненно с обычной, размеренной жизнью. Любой выбор — слишком тяжёлая ноша, которая едва ли по плечу Настёне. И ношу эту взвалил на Настёну Андрей, предавший не только Родину, но и жену, родителей, односельчан. Наслаивающиеся одно на другое предательства приводят к трагедии.

В повести «Прощание с Матёрой» (1976) всё выглядит не так определённо и однозначно. Строит на Ангаре электростанцию, и вода должна подняться и затопить деревню, людей из которой переселяют в новый посёлок. Но вместе с деревней уйдут под воду и отцовский дом, и кладбище, где лежат деды и прадеды, и пашня с хорошей, жирной землёй. Мучаются старики, что именно на их долю выпало бросить деревню, предать свою малую Родину.

Если в повести «Живи и помни» герои, раз предав, гибнут, то, чем дальше во времени разворачивается повествование, тем более незаметным и естественным выглядит предательство. Писатель и сам хочет разобраться в причинах надвигающегося перелома и осознать его возможные последствия. Он смотрит

на происходящее глазами разных людей, перевоплощаясь то в одного, то в другого своего героя и рассуждая устами каждого из них. А поскольку действие большинства произведений В.Г. Распутина разворачивается в деревне, то и герои его большей частью оказываются *мудрствующими простецами*. Все они вместе с автором чувствуют надвигающиеся перемены и стараются понять причины их неотвратимости. Никто из них не знает слова «постмодернизм», но каждый знает, что *«путаник он несуетный, человек твой. Других путает — ладно, с его простоты. Дак ить он и себя до того запутал, не видит, где право, где лево <...> Будто как по дьяволу науценыю»* («Прощание с Матёрой»).

В меняющемся, выворачивающемся наизнанку мире герои В.Г. Распутина чувствуют себя неуютно. И зачастую, будучи не в силах прижиться в нём, задаются вопросом: как и зачем жить дальше, если *«можно сказать, перевёрнулось с ног на голову, и то, за что держались ещё недавно всем миром, что было общим написаным законом, твёрдой земной, превратилось в пережиток, в какую-то ненормальность и чуть ли не в предательство»* («Пожар», 1985). Сегодня, когда перелом произошёл, и прежний человеческий тип сменился новым, эту мысль можно смело продолжить: а то, что было предательством, стало твёрдым.

Проза В.Г. Распутина оказалась пророческой по отношению к настоящему времени. Исследуя феномен предательства, его психологию и философию, В.Г. Распутин предупреждал своего современника о грядущих и неотвратимых переменах, о том, что *«свет переворачивается не сразу, не одним махом, а вот так, как у нас: было не положено, не принято, стало положено и принято, было нельзя — стало можно, считалось за позор, за смертный грех — почитается за ловкость и доблесть. И до каких же пор мы будем сдавать то, на чём вечно держались?»* («Пожар»).

Одним из первых в русской литературе начал В.Г. Распутин дискуссию о постмодернизме. Его проза — не просто плач по селу, понятный исключительно советскому крестьянину, не просто исследование деревни. Это размышления о месте русской цивилизации в эпоху крушения одной системы ценностей и становления другой. Узкое определение «писатель-деревенщик», ограничивающее масштаб писателя околлицей, так же неприменимо к В.Г. Распутину, исследующему взаимоотношения Человека со Злом, как, например, «бытописатель» неприменимо к М.Е. Салтыкову-Щедрину. Опасность постмодернизма, о которой предупреждал В.Г. Распутин, заключается в его нацеленности на окончательное освобождение человека. Освобождение от угнетающих личностей традиции и морали. Но, освободившись от морали, признав, что нет единой истины, человек, возможно, и сам того не желая, окажется в условиях естественного отбора, когда перед ним откроются лишь два пути: для одних — к озверению, для других — к оскопчиванию. Потому что, как утверждает постмодернизм, человек — это не образ Божий и даже не разумное существо. «Человек» больше не звучит гордо.

Творчество В.Г. Распутина — это пророчество, сбывшееся при жизни писателя. Это воззвание к человечеству, ставшее воззванием как никогда актуальным. Это призыв вернуться не к дедовской старине и патриархальности, но к самим себе, призыв сохранить подобие Божие, чтобы оставаться людьми.

Светлана ЗАМИАТИНА

«Мы повернём на правильную дорогу»

В моей библиотеке есть книга Валентина Распутина с такой надписью: «Искренне, с самыми добрыми воспоминаниями о прошлом и надеждой на будущие встречи». Белгород. 21.03.1999 г.» Интересна как история этого автографа, так и судьба самого экземпляра.

Июнь 1974 года. В Иркутске проходит совещание молодых писателей Сибири и Дальнего Востока. В один из вечеров в номер гостиницы, в котором жили мы — литераторы из Благовещенска, — зашли Евгений Носов и Валентин Распутин. Их пригласил прозаик Борис Машук: оба писателя руководили его семинаром. Прошло уже более тридцати лет, а я помню то удивительно умное, непринуждённое, а порой и весёлое общение, к стати, с минимумом горячительных и хмельных напитков. Евгений Иванович для нас был не просто мэтром, к тому времени он написал многие свои лучшие произведения. Говорил больше о своей войне, о курской природе, рыбалке. А Валентин Григорьевич был ровесником Машука, я тогда знал лишь его «Деньги для Марии», «Последний срок», «Уроки французского», — а говорил он

о новой повести «Живи и помни», которую закончил писать. Через какое-то время после той встречи я прочитал её в журнале «Наш современник» — это поистине новое слово о Великой Отечественной, о народных бедах и страданиях, которые она принесла. После публикации повести имя Распутина закономерно и прочно встало в ряд классиков русской литературы.

В 1982 году я перебрался в Белгород, а летом 1989 года вновь побывал в Хабаровске, где и купил сборник повестей Валентина Распутина. Вышел он в тамошнем издательстве в серии «Мужество». Вернувшись на Белгородчину, я однажды с этой книгой поехал в дальний хутор Старый Редкоул, к родителям жены, и там оставил её. В следующий приезд услышал от тещи, Натальи Никитичны, такие слова: «Хорошая книга. Правдивая. Душевная». Я был удивлён. Женщина, по сути, не училась в школе, но одолела более шестистот страниц. Причём, судя по её оценке, не просто пробежала по тексту, но вняла ему, сопереживая персонажам.

Впрочем, и сама Наталья Никитична тоже была из многих испытанных

русских женщин. Войну она пережила с тремя мальчишками на руках. Когда израненный муж вернулся с фронта, она избрала председателем колхоза, а потом отправили в лагерь «за халатное отношение к колхозному имуществу» (в голодном сорок шестом от недокорма пало несколько коров), и она уже с четырьмя сыновьями терпела далеко не сладкое житьё-бытьё. Чем не распутинская героиня?..

Обо всём этом я рассказал Валентину Григорьевичу весной 1999 года, когда он приехал на Белгородчину. Тогда и появился его автограф на моём экземпляре книги.

В тот памятный приезд писатель много встречался с читателями, побывал в местном Дворце культуры. Я записал некоторые его высказывания:

— Белгородчина — земля, на которую мы смотрим с упованием и надеждой: вы не только сохранили, но и приумножаете наше основное богатство — культуру. А без неё нет духовности в народе.

— Лёгкой жизни ждать в будущем не приходится, но я уверен, все вместе мы повернём на правильную дорогу.

— В нашем народе есть хорошая черта — терпение и умение выстоять в любые, самые драматические времена.

— Патриотизм — это некий генератор, который питает не только нынешнее, но и будущие поколения.

— Сейчас такое время, что уже нельзя стоять в стороне, отсиживаться. Не обязательно выходить на баррикады, можно в любом деле отстаивать свою национальную позицию.

— Да, стране нужны были перемены, но свои, а не чужие.

— У русского писателя в произведениях обязательно должны быть чувство сострадания, совестиливости, он должен любить человека.

— В душе человеческой много места. Хватит его и для Звонницы, и для Прохоровского поля. Я давно хотел здесь побывать — это мой человеческий долг.

Сказанное писателем более десяти лет назад актуально и сегодня.

Перечитайте ещё раз: «Все вместе мы повернём на правильную дорогу».

Валерий ЧЕРКЕСОВ,
БЕЛГОРОД

ФОРУМ

Поэты и цари

В 2013 году Россия будет отмечать 400-летие дома Романовых и возрождения российской государственности. Кострома наряду с крупнейшими городами России займёт в праздновании достойное место, поскольку по праву считается колыбелью династии Романовых. Именно здесь, на фоне Ипатьевского монастыря, юный Михаил Фёдорович — родоначальник династии — был наречён царём государства Российского. С началом его восшествия на престол закончилось Смутное время, и Россия превратилась в великую державу, а костромская земля оказалась в

центре важнейших событий в истории Российского государства, связанных с утверждением новой царской династии. Начиная с этого времени, все государи и представители царских семей почитали долгом посетить Кострому, поклониться её святыням.

В память об этих событиях ежегодно в феврале-марте в Костроме проводится Романовский фестиваль. Он начинается празднованием Рождества Христова и завершается 27 марта — в день, когда в 1613 году в Троицком соборе Ипатьевского монастыря в Костроме Михаил Романов принят от московских посольства скипетр русских царей. «Это событие ознаме-

новало собой рождение российского парламентаризма, — подчеркнул на пресс-конференции губернатор Костромской области И. Слюняев, — ведь тогда царя выбирали выборщики от всех сословий». В этом году Романовский фестиваль проходит в третий раз.

В числе крупнейших фестивальных мероприятий — конкурс «Вифлеемская звезда», молодёжный образовательный форум «Патриот», театрализованное представление у стен Ипатьевского монастыря «Исторический день», выставка ювелирных изделий из собрания Музея К. Фаберже в Баден-Бадене (губернатор сообщил, что в этом году постарается привезти на выставку золото инков), гу-

бернаторский благотворительный бал, Романовские чтения, крестный ход в честь празднования чудотворной Феодоровской иконы Божией Матери.

Разумеется, не может родина А.Н. Островского остаться в стороне и от литературы. 10 февраля в рамках Романовского фестиваля в Москве открылась Литературная неделя. Церемония открытия представляла собой литературно-музыкальный вечер с презентацией туристских брендов и литературных традиций Костромской области, выставкой работ костромских художников, дегустацией костромских продуктов, презентацией костромских журналов. 2 марта эстафету подхватила Кострома. Сразу после женского дня к колыбели Романовых выдвинулся литературный десант во главе с известными поэтами

В. Костровым, Н. Кондаковой, И. Кабыш, прозаиком С. Есиным. В составе московской делегации были и признанные литераторы молодого поколения — С. Шаргунов, Р. Сенчин и др. Они проведут встречи с маститыми и начинающими авторами, живущими на родине российского парламентаризма, мастер-классы и семинары, причём не только в областном центре, но и в дальних районах области. Не исключено, что именно после этой поездки Россия узнает новые имена — на земле с такой литературной историей просто не могут иссякнуть писательские таланты.

Завершит фестиваль выставка православной и патриотической книги с участием Ассоциации книгоиздателей России.

Соб. инф.

ВОЗВРАЩАЯСЬ К НАПЕЧАТАННОМУ

Исправляя искажения

В связи с публикацией в «ЛГ» (№ 7 от 22–28 февраля 2012 года) открытого письма Осипова В.О. «Право на искажения» редакционная коллегия Шолоховской энциклопедии провела внеочередное заседание, на котором был обсуждён вопрос «О состоянии работы над энциклопедией и взаимоотношениях в коллективе её авторов и членов редколлегии». В работе редколлегии из 20 её членов приняли участие 14, из них заочно, с письменным изложением своих позиций — 6 (Ю.В. Бондарев, Л.П. Разогрева, Л.Б. Савенкова, М.М. Шолохов, С.М. Шолохова, А.М. Шолохов).

В ходе обсуждения было констатируется, что работа над энциклопедией ведётся планомерно, в соответствии с принятой концепцией. Словник Шолоховской энциклопедии многократно обсуждался на различных уровнях: на заседаниях специальной рабочей группы, персонально и коллегиально с руководителями разделов, он был согласован с Государственным музеем-заповедником М.А. Шолохова и утверждён на заседании редакционной коллегии (протокол № 1 от 24 ноября 2011 года).

Ю.А. Дворянин как один из ведущих современных учёных — исследователей биографии и творчества М.А. Шолохова по рекомендации участников Международной конференции шолоховедов, состоявшейся в октябре 2010 года на базе Государственного музея-заповедника М.А. Шолохова, а также по настоятельным рекомендациям представителей научной общестественности был утверждён научным руководителем энциклопедии, а затем председателем её редколлегии приказом от 3 октября 2011 года президентом фонда «Шолоховская энциклопедия» народной артисткой России, лауреатом Государственной премии СССР З.М. Кириенко.

К настоящему времени проделана весьма существенная работа по подготовке статей энциклопедии. В эту работу удалось вовлечь наиболее значительные силы современного шолоховедения, не только отечественных, но и зарубежных учёных: Г.С. Ермолаева, Н.В. Корниенко, Ф.Ф. Кузнецова, Е.А. Костина, Н.М. Муравьёву, Д.В. Поля, С.Г. Семёнову, Н.И. Стопченко и многих других. Есть основания считать, что подготовка энциклопедии находится на завершающей стадии.

Было отмечено, что за всё время подготовки энциклопедии в работе с авторским коллективом, во взаимоотношениях с членами редколлегии не было ни одного конфликта, а тем более скандала, за исключением раздуваемого стараниями В.О. Осипова. Истоки этих противоречий связаны с тем, что юридические отношения с В.О. Осиповым как ответственным секретарём завершились 31 декабря 2008 года, после чего договоры с ним не подписывались, поскольку со своими обязательствами он не справлялся.

Редакционная коллегия признала факты, изложенные в открытом письме Осипова В.О. «Право на искажения», не соответствующими действительности. Члены редколлегии единодушно выразили полное доверие и поддержку своему председателю — доктору филологических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации, лауреату Международной премии имени М.А. Шолохова Ю.А. Дворянину.

В ходе обсуждения член редколлегии, доктор филологических наук Д.В. Польша внёс предложение поставить перед президентом фонда вопрос о выводе В.О. Осипова из состава редколлегии. На основе решения редакционной коллегии за создание нетерпимой обстановки, препятствующей плодотворной работе авторского коллектива энциклопедии, приказом президента фонда «Шолоховская энциклопедия» от 7 марта 2012 года В.О. Осипов выведен из состава редакционной коллегии.

Для представления об общей атмосфере состоявшегося заседания показательны фрагменты письменных откликов членов редколлегии и авторов Шолоховской энциклопедии:

Юрий Бондарев, писатель: «Познакомился с открытым письмом В. Осипова в «Литературной газете». Протесты против деятельности нынешнего председателя редколлегии, заслуженного деятеля науки Ю. Дворянина вызвали у меня, мягко говоря, крайнее негодование».

Словник, как мне хорошо известно, не только готов, но и утверждён.

Чем тогда объяснить далёкое от истины, явно тенденциозное, совсем уж не стеснительное заявление В. Осипова о том, что утверждение было нелегитимно?

Уважаемый Валентин Осипович, пожалуй, Вы мешаете работать редколлегии Шолоховской энциклопедии, ибо создаёте впечатление, что Вы прислушиваетесь к чьим-то недобрым советам».

Людмила Савенкова, доктор филологических наук, профессор Южного федерального университета: «Шолоховская энциклопедия — великодушный проект... Мне не очень понятно, почему В.О. Осипов так категоричен в своих суждениях о работе Ю.А. Дворянина. Ни разу за время работы у меня не было повода обвинить Юрия Александровича в предвзятости суждений и уж тем более в недостаточной компетентности. Его анализ всегда глубок, а мнения по поводу написанного справедливы».

Да, не во всех деталях можно сразу прийти к согласию, а в некоторых случаях, очевидно, именно дело и право председателя редколлегии взять на себя ответственность за какое-то решение, где единства мнений нет.

Мне очень неуютно в сложившейся ситуации. Ведь разлад, который вносит это письмо в работу редколлегии, так на руку тем, кто очень хотел бы, чтобы этой энциклопедии вообще не было!»

Герман Ермолаев, доктор филологических наук, профессор Принстонского университета (США): «Дорогой Юрий Александрович! На днях я узнал от С.М. Шолоховой об открытом письме В. Осипова в «Литературную газету». Нападки Осипова считаю несправедливыми. Вы добровольно взяли на себя огромный труд по редактированию Шолоховской энциклопедии, и нет никаких оснований ставить под сомнение Вашу компетентность и методы руководства. Не расстраивайтесь».

Э.А. БЕССМЕРТНЫХ,
руководитель проекта «Шолоховская энциклопедия»,
директор издательского дома «Синергия», исполнительный директор фонда «Шолоховская энциклопедия»,
действительный член Академии педагогических и социальных наук

ПУШКИНСКИЙ ЗАПОВЕДНИК — 90

Особо ценный объект

Возникновение Пушкинского заповедника подготовлено отношением к памяти поэта, которое сложилось в России в конце XIX — начале XX века. В эти годы растёт количество приезжающих в Михайловское с классическим вопросом Татьяны Лариной: «Увидеть барский дом нельзя ли?» И живший здесь младший сын А.С. Пушкина Григорий Александрович показывал паломникам памятные вещи и парк. Гости искали «ту самую» дорогу, по которой Пушкин ходил в Тригорское, «ту самую» аллею, которую вспоминала Анна Керн, «те самые» «три сосны» на окраине Михайловского. Они спрашивали о доме, куда Пушкин «поселил» Евгения Онегина. И когда узнавали, что дом не тот и даже не похож на прежний, разочарованию и даже возмущению не было предела.

В год столетия А.С. Пушкина, в 1899 году, сын поэта за символическую сумму передал родовое имение в «общественную пользу... для устройства здесь какого-либо общепользового заведения». Так Михайловское стало нашим общим, народным достоянием. В 1911 году оно перешло под опеку замечательного учреждения — «Колонии для престарелых литераторов из Пскова и для учителей, подорвавших своё здоровье на ниве народного просвещения». Тогда же на месте сгоревшего в 1907 году дома Г.А. Пушкина на старом фундаменте открыт первый пушкинский музей в Михайловском. Попечителем его от псковского дворянства был избран друживший с сыном поэта владетель ближнего имения Гораи барон Г.В. Розен. Опыта создания литературных заповедников в ту пору не существовало. Но были первозданная красота природы, тишина и образ места, над которым время как будто не имеет власти. Одна из первых путешественниц в «Пушкинский уголок» М. Гаррис (Николаева) отмечала: «Так и кажется, что всё это зелёное пространство — заколдованное и дремлет с давних пор».

Под лозунгом «мир хижинам — война дворцам» в феврале 1918 года музей, как и окрестные усадьбы, был разграблен и сожжён. Создание заповедника всего четыре года спустя после грабежа и поджога дома соответствовало декрету правительства о сохранении памятников истории и культуры. «Пушкин целиком наш, советский», — утверждала газета «Правда» в 1937 году, — ибо Советская власть унаследовала всё, что есть лучшего в народе, и сама она есть осуществление лучших чаяний народных...» Музей в Михайловском в год столетия гибели Пушкина, в 1937 году, воссоздавался прежде всего как идеологическое учреждение и даже без соответствия дома историческому облику, несмотря на имевшиеся иконографические материалы. К дому-музею вела старинная ганнибаловская аллея, в те годы украшенная портретами стахановцев. Экспозицию открывали бюсты Сталина, Горького — основателя метода социализма. И только последующая экспозиция рассказывала о биографии и творчестве поэта.

Казалось бы, в 1941 году немецким оккупантам незачем было хранить поэтическую деревню, однако и они в поисках «контактов» с местным населением первое время вынуждены были сохранять музей. При этом напоминали, что у Пушкина есть и немецкая кровь, — женой прадеда поэта А.П. Ганнибала была полунемка-полушведка Христина Регина фон Шеберг. Экскурсии здесь проводила немка по фамилии Шиллер, возводившая свою родословную к имени классика немецкой литературы. Ценности из музея вывозили в Германию перед отступлением в 1944 году, тогда же превратив Михайловское в военный объект.

Восстановление мемориальных парков, Святогорского монастыря в течение почти полувека воспринималось не только как важнейший символ Победы, но как торжество над тьмой, справедливости над злом, разума над глупостью, знания над невежеством. Многие годы жили в посёлке Пушкинские Горы люди, изучившие при размещении музейных парков. В очередности восстановления объектов с 1945 по 2005 год отразились идеологические задачи времени.

В трактовке ранних советских лет («косметическими» поправками трактовка сохранилась и сегодня) важнейшим и главным звеном, связывающим поэта и дворянина Пушкина с народом, была его знаменитая няня, Арина Родионовна Яковлева. Няня признавалась главным источником его творчества. Соответственно и возрождение Михайловского началось с восстановления «Домика няни», который был открыт в 1947 году, в то время как дом поэта — в 1949-м. Торжественно открыл послевоенный дом-музей президент Академии наук СССР С.И. Вавилов. «Наша почётная обязанность потомков Пушкина, — записал он в книге почётных посетителей, — охранять эти места, знакомить с ними наш народ и возможно шире раскрывать значение этих мест в творчестве величайшего нашего поэта».

В 1962-м, в «неубиленный» год 125-летия памяти А.С. Пушкина, на заседании в Большом театре выступил А. Твардовский. Он заявил, что Пушкин «ныне самый популярный, любимый и высокопочтительный поэт великой многонациональной страны, что являет собою факт слияния одного из вершинных достижений художественной культуры человечества с социализмом и коммунизмом». Подтверждалась преэмственность государственного отношения к поэту. Однако речь шла не столько об участии Пушкина в укреплении авторитета государства (как прежде), но о формировании личности. Политика поддерживала интерес к Пушкину, исследованиям о нём, хотя и в несколько расширенных рамках той же идеологии. Теперь

образ Пушкина сопутствовал осуждению репрессий и реабилитации невиновных.

Политика времени «оттепели» предполагала возрождение всё новых пушкинских музеев. Признавалось важным: музей не просто дань уважения прошлому — он актуализирует явления прошлого в настоящем. «Цель музеев... не история, а современность», — утверждал создатель Московского музея Пушкина А.З. Крейн. И такой подход оказался плодотворным на практике. Со временем в стране возникла целая сеть пушкинских музеев.

«Восстановить дом в Тригорском!» С этим призывом в 1960 году в печати выступили известные деятели культуры: Е. Белашова, В. Фаворский, В. Рындин, Г. Уланова, В. Якут, И. Соколов. С тем же предложением в Пушкинскую комиссию АН СССР обратились В. Соловьёв-Седой, В. Каверин, Ю. Либединский, Л. Тынянова, Н. Азаров, А.Рго, В. Адмони, Г. Сильман. «Дом Лариных» в Тригорском открыт в 1962 году. Сорок четыре года спустя после разграбления и поджога дворянского «змеино гнезда» в нём возникла новая потребность. Тригорское — самый гуманистический музей заповедника. Дружба, доверие, любовь, понимание, верность, открытость — вот что поддерживало здесь А.С. Пушкина в трудный момент конфликта с царём, чиновниками и собственными родителями.

ЮРИ КАВЕРИЯ. «НОВОСТИ»

В середине 1960-х годов в Пушкинский заповедник проложены двух- и трёхдневные экскурсионные маршруты, а посещаемость достигла 700 000 человек в год. Заповедник давал возможность увидеть деревенскую провинциальную Россию и напоминать о другой истории, нежели та, о которой ежедневно оповещали средства массовой информации. Пушкин говорил здесь и о «тайной свободе», и о своей гордости принадлежностью к дворянству, и о взаимоотношениях народа и власти, и о многом другом гораздо больше, чем в музеях обеих столиц. Образ Пушкина, воскрешённый здесь вне школьной программы, действительно служил просвещению, пробуждал интерес к самобытности народа и литературе. Поэт и его творчество подталкивали легальные пути выхода за рамки официальной идеологии. Любая литература о Пушкине сразу попадала в разряд дефицита.

В 1969 году Советом министров СССР вынесено решение о благоустройстве заповедника, расписаны все реставрационные работы на десять лет. Тогда же правительством неслучайно принято решение о воссоздании музея предков А.С. Пушкина — Ганнибалов — в Петровском. В 1950-е годы, согласно документам, Академии наук СССР (в системе которой тогда входил заповедник) неоднократно обсуждался вопрос о создании на территории усадьбы вблизи Михайловского дома отдыха туристов. Поднимался он, и когда Пушкинский заповедник был переведён в подчинение Министерства культуры РСФСР. Однако в новой политической ситуации гораздо актуальнее оказалось музей, обращённый к ярким страницам истории России XVIII века, осязаемым именем Петра Великого.

Документально подтверждено только одно посещение Петровского А.С. Пушкиным. Расходятся мнения и о пребывании в Петровском А.П. Ганнибала. Но прадед Пушкина — «птенец гнезда Петрова». К имени Петра I восходит и само название усадьбы — Петровское. Образ Петра волновал воображение А.С. Пушкина, и он неоднократно возвращался к нему в творчестве. Корни этого интереса отчасти связаны с Петровским, где поэт встретил одного из сыновей «арапа Петра Великого» — Петра Ганнибала, также генерала, человека екатерининской эпохи.

В 1977 году (дата открытия музея) образ Пушкина-историка в Петровском стал одним из ответов государства на меняющуюся социально-политическую ситуацию. Устами поэта государство через музей и своё «доверенное лицо» — А.С. Пушкина — обращалось к посетителю и призывало: «Гордиться славою своих предков не только можно, но и должно, не уважать оных есть постыдное малодушие». Эти важные для творческого самосознания поэта мысли были вынесены в своеобразный эпиграф музея. Музей держался на искусстве С.С. Гейченко, его сотрудников и мастерстве экскурсоводов. Он не сразу обрёл признание, так как с традиционной точки зрения имел больше отношения к Ганнибалам, чем к Пушкину. Но его главным героем была история России в том понимании, в каком её усвоил поэт.

Своим возникновением музей заповедника обязан как творческой мысли их создателей, так и колебаниям политического климата в стране. Однако на практике музейное и экскурсионное дело допускало относительную самостоятельность. Сама профессия экскурсовода в 70–80-е годы становилась нишей, куда уходили серьёзные филологи, преподаватели. Этим объясняется общепризнанный высокий уровень экскурсий по заповеднику тех лет.

Новое государство после 1991 года не оставило никаких серьёзных деклараций в отношении А.С. Пушкина. Однако в 1995 году земельные владения заповедника расширены почти до 10 тыс. га. И в этих пределах он объявлен «Особо ценным объектом культуры народов России». Достаточно громко, но без энтузиазма в стране и в заповеднике в 1999 году было отмечено 200-летие со дня рождения поэта. На реставрационные работы пушкинских музеев выделены значительные средства. Обновлены и отчасти расширены экспозиционные площади. Заповедник дополнен мельницей и расширен музей «Дом мельника». Однако само празднование не стало эпохальным и не оставило заметного следа в культуре. И неслучайно. Согласно новой Конституции, культура в нашей стране «свободна». Да, действительно она свободна от прежней идеологии. Но абсолютно закабалена законами рынка.

В рыночных отношениях доминирующей становится инфраструктура. В период приспособления музеев к законам рынка при каждом музее открываются гостиницы. Естественно, это повлекло за собой использование отдыхающими мемориальных парков как парков культуры и отдыха. Отсюда — возрастание антропогенной нагрузки и проблемы с сохранением старых деревьев и парков вообще. В перспективных планах — строительство новых отелей. Связанные с творчеством А.С. Пушкина словосочетания «Шведы под Полтавой», «Кощей Бессмертный», «Онегин» и другие растащены на названия блюд в кафе и трактире, построены на маршрутах туристов. Пушкинское «Там русский дух...» преворено рекламой в «Здесь...». Читай: здесь, в нашем трактире, русский дух. Здесь Русью пахнет...

Но как же чувствует себя сам герой музея в эпоху гламура?

В юбилейном 1999 году в обновлённую экспозицию «Домика няни» был помещён новый экспонат — фигура Пушкина в натуральную величину. Назывался объект оstromра «Кукла Пушкина». Вскоре под нажимом критики «произведение» пришлось убрать. Однако «кукольное» восприятие образа поэта никуда не ушло. Игрушка «Пушкин» наподобие куклы Барби удобно и прибыльно вписывается в идеологию развлечения.

А что может означать игра под названием «Собери Пушкина»? Может быть, она возвращает к творчеству поэта, будит мысль? Гораздо проще: по правилам «игры» необходимо в разных киосках заповедника купить по 5 рублей открытки с буквами: «П», «У», «Ш», «С», «И», «Н»... Вот мы и «собрали» Пушкина! И принесли в кубышку авторов по 30 рублей каждый. Жаль, что в фамилии поэта всего шесть букв. Более прибыльная была бы игра, например, «Собери Тредиаковского»... Кукольно бездульный и астрономически далёкий Пушкин, конечно, удобен рынку, так как освобождает от «грозных вопросов морали», которые видела в его творчестве, например, А. Ахматова. И современный политик уже позволяет себе без стеснения всенародно заявить: «Пушкин несчастный был. Лучше бы его не было совсем» (В. Жириновский).

Между тем Михайловская ссылка завершилась стихотворением «Пророк», где ярко выражен смысл поэзии: «Глаголом жги сердца людей». Поэт полагал: «Лучшие и прочнейшие изменения суть те, которые происходят от одного улучшения нравов, без насильственных притерсий политических, страшных для человечества...» Что может быть актуальнее сегодня? Творчество Пушкина и содержит исконную «национальную идею», с которой пытался связать свою идеологию прежняя власть.

Практически ушло поколение создателей и создателей Пушкинского заповедника, бывшего когда-то одним из государственных приоритетов. Д.С. Лихачёв называл их «последними святыми на Руси». Неслучайно вокруг заповедника сложилась целая культура, несущая патристические идеи. Однако нового осмысления Пушкина, понимания «культурного слоя заповедника» пока нет. Если это так, то что же мы празднуем сегодня?

Иосиф БУДЫЛИН,

кандидат педагогических наук, действительный член РАЕН, многолетний хранитель музея-усадьбы «Тригорское»

РЕПЛИКА

Сто книг отмерь

Как известно, Владимир Путин выступил с инициативой провести опрос среди культурных авторитетов нашей страны и сформировать список из 100 книг, «которые должен будет прочитать каждый российский школьник». Проблема в том, что Владимир Владимирович не уточнил формата — будут эти книги включаться в себя одно произведение или несколько. Ведь и тоненький стихотворный сборник, и пухлое собрание сочинений в одном томе — это книга. Вот и спорит в Интернете народ, какие произведения Пушкина, к примеру, должны быть обязательными для школьников? Книга лирики? А может, проза? Или драматургии? Отдельное издание «Евгения Онегина»? Те же вопросы возникают при упоминании многих других писателей, успешно работавших в различных жанрах и прославившихся не одним своим произведением.

Впрочем, это не единственные вопросы, тревожащие общественность. Интересно, например, что за культурные авторитеты будут отбирать классиков и по каким критериям? Знайки ведь бывают разные. Вот Ксения Собчак регулярно входит в жюри различных литературных премий. Читать её авторитетом? Но что она насветует — об этом лучше не думать... Однако пока никакой информации об экспертах нет. Да и неизвестно, появится ли она вообще, не будет ли данная инициатива премьеры и будущего президента похоронена под грудой срочных и гораздо более важных дел, как нередко случается в нашем Отечестве.

Не остался в стороне от темы и современные писатели, заинтригованные предложением Путина. Вездесущий Дмитрий Быков предложил самому Владимиру Владимировичу определиться с сотней книг: «Список больше говорит о том, кто его составляет. Сама идея мне представляется вполне здравой...» А вот Алексей Иванов считает, что список должны подготовить учителя — как люди, непосредственно наблюдающие школьников, знакомые с их психологией и интеллектуальными запросами.

Тем временем, не дожидаясь появления официального списка, книголюбцы сами приступили к составлению альтернативной сотни, воево активничая на сайтах и форумах. Оказалось, что вкусы отечественных читателей претерпели в последние годы довольно значительные изменения. Некоторые на полном серьёзе предлагают школьникам сочинения Паоло Коэльо, Харуки Мураками, Чака Паланика или... Маркиза де Сада. Видимо, насмотревшись сериала «Школа», иные взрослые решили, что дети давно уже выросли и могут наравне с ними поглотить непритязательный литературный фастфуд.

В целом же мнения самые разнообразные — от вполне здравых до нарочито абсурдных. Иногда это просто походит на игру, когда одни стараются переоплюнуть других, предложив как можно более провокационный вариант. Чего только не предлагают! Библия, Коран, Талмуд, «Бхагавад-гита», «Капитал» Карла Маркса, полное собрание сочинений Жюль Верна (а это уже полсотни томов). Тогда уж надо брать 90-томник Льва Толстого, добавить к нему ещё десяток наименований — и на всю жизнь хватит! Разноплановый литературы, никогда не относившейся к школьной программе, сколько угодно.

Заметим, между прочим, что инициатива премьеры, конечно, не носит обязательного характера и не содержит никаких конкретных предписаний. Но если даже оппозиционеры признают её разумной, почему бы не прислушаться. Может быть, читатели «ЛГ» вступят в дискуссию и сложат «золотую сотню», в которой иерархия имён будет разумной и взвешенной на весах национальной и мировой культуры?

Игорь ЧЕРНЫШОВ

ЛИТ ИНФОРМБЮРО

ЛИТФОРУМ

В рамках Дня православной книги в Якутске проведена книжная ярмарка «Гуманитарная книга в Якутии», в которой приняло участие крупные республиканские издательства и ведущие печатные СМИ.

ЛИТФЕСТЫ

В Татарстане прошёл поэтический фестиваль «Точка: Рай». Проводимая в четвёртый раз «Точка» посвящена 70-летию перевода дантовского «Рая» на русский язык. Авторы читали как оригинальные произведения, так и свои и чужие переводы. Звучали стихи в оригинале: на итальянском, белорусском, мордовском, испанском языках.

«Евразийский транзит. Единство поэтического пространства». Под таким девизом прошёл Международный фестиваль современной поэзии им. Бориса Чичибабина в Харькове. Вечер памяти Чичибабина был посвящён 10-летию Чичибабина-центра и 15-летию

Международного фонда памяти поэта.

Четвёртый год подряд будет проходить фестиваль «Живая Пермь». Мероприятия проходят во время «Белых ночей в Перми» с 8 по 11 июня. Традиционно проекты фестиваля разделены по пяти направлениям: изобразительное искусство, литература, музыка, театр и неформат. Заявки на участие в фестивале принимаются до 18 марта.

ЛИТЮБИЛЕИ

В эти дни отмечается 100-летие со дня публикации первой книги стихов Анны Ахматовой «Вечер», которая вышла в петербургском издании «Цех поэтов» тиражом 300 экземпляров. Книга дебютантки была сразу замечена и стала сенсацией в поэтических кругах столицы. Предисловие к сборнику написал Михаил Кузмин.

Три белгородских писателя отметили знаменательные даты: Анатолий Зеликов — 75, Валерий Черкесов — 65, Александр Тарасов — 60-летие.

Федеральное агентство по печати и массовым коммуникациям, Союз писателей России и Ассоциация книгоиздателей России проводят круглый стол, посвящённый 75-летию В.Г. Распутина. К юбилею писателя приурочена специальная книжная экспозиция из собрания Российской исторической библиотеки.

Юбилей отмечает знаменитый колумбийский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Габриэль Гарсиа Маркес. Ему исполнилось 85 лет. С днём рождения его поздравил президент России Дмитрий Медведев. Указом главы государства Маркес награждён орденом Почёта за «вклад в укрепление дружбы между народами России и Латинской Америки».

ЛИТПРЕМИИ

В Челябинске вручена первая Южно-Уральская литературная премия, учреждённая общественным движением «За возрождение Урала». Лауреатами стали в номинациях «Поэзия» — Сергей Борисов, «Проза» — Олег Павлов. Среди авторов до 30 лет лучшим

названы рукописи Оксаны Ралковой (поэзия) и Виктории Шиятой (проза). Дипломы конкурса получили поэты Юрий Седов, Владимир Курбатов, Роман Япишин, Юлия Линникова и прозаики Владимир Логинов, Павел Хрипко, Евгения Коробова, Сергей Шакиров.

Писатель из Тольятти Игорь Муханов, собравший буддийские притчи за последние 200 лет, подарил права на свою книгу «Дождь из цветов» буддийской традиционной сангхе России. Об этом стало известно на вручении литературной премии имени Эрлэни-Хайбзун Галшиева, которое состоялось в Иволгинском дацане «Хамбын Хурээ».

ЛИТКОНКУРСЫ

Начался приём заявок для участия в конкурсе по книгоиздательской деятельности на соискание гранта «Уран зоёолой юртэмс» в рамках Государственной программы «Сохранение и развитие бурятского языка (2011–2014 годы)».

Главное управление МВД России по Воронеж-

ской области проводит литературный конкурс «Доброе слово». Первый этап конкурса продлится до 15 июня.

Сотрудникам органов внутренних дел и членам их семей, а также работникам, пенсионерам МВД предлагается продемонстрировать художественный вкус и творческий стиль в различных литературных жанрах. Желающим принять участие необходимо представить заявки в Культурный центр ГУ МВД по Воронежской области, тексты произведений, библиографско-творческую справку об авторе, портретное фото автора (15x20 см).

В Сахалинском литературно-художественном музее книги А.П. Чехова «Остров Сахалин» продолжается приём заявок на участие в «Чеховиане». В рамках это-

го мероприятия состоятся конкурсы рисунков, чтецов, инсценировок, викторина, а также юношеская научно-практическая конференция. Подведение итогов запланировано на 23 марта.

ЛИТЭКСПЕРИМЕНТ

Шестнадцать авторов из разных городов и стран написали коллективный роман под названием «Шестнадцать карт». Презентация нового литературного проекта «О (6) суждение» прошла в редакции журнала «Урал». Работа над романом проходила, как в известной игре буриме: каждый последующий автор писал продолжение предыдущей главы, пророй видеоизмения сюжет до неузнаваемости, поворачивая его в ту сторону, в какую заблагорассудится. Экспериментальный роман опубликован в первом номере журнала за 2012 год.

МЕСТО ВСТРЕЧИ

Центральный Дом литераторов

Малый зал
16 марта — вечер итальянской поэзии и перевода, ведущие — Ирина Ковалёва и Иван Белокрылов, начало в 18.00.

17 марта — очередное заседание Клуба любителей фантастики, ведущий — Юрий Никитин, начало в 17.00.

18 марта — презентация новой книги Ларисы Миллер «Четверг пока неубитаем», ведёт Игорь Волгин, начало в 17.00.

19 марта — «Международный журнал «Форум» собирает друзей», ведущий — главный редактор Владимир Муссалитин, начало в 18.30.

20 марта — творческий вечер Ольги Астафьевой, начало в 18.30.

Государственный музей В.В. Маяковского

Лубянский пр., д. 3/6, стр. 4
16 марта — День поэзии: поэты Московского союза литераторов, начало в 18.00.

21 марта — Международный день поэзии, начало в 18.30.

Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына

Нижняя Радищевская, 2

15 марта — презентация мемориального сборника «Борис Работ»: Шестидесятник, которого не услышали, начало в 16.00.

Литературный клуб «Классики XXI века»

Страстной бульвар, 8
15 марта — творческий вечер авторов издательства «Воймега» Леты Югай (Вологда) и Светланы Хромовой (Москва), начало в 19.30.

Дом-музей М.И. Цветаевой

Борисоглебский пер., 6
15 марта — Григорий Корин. Поэт и его окружение. Вечер ведут Ефим Бершин и Елена Макарова, начало в 18.00.

Литературный салон Андрея Коровина

«Булгаковский дом» Б. Садовая, 10
Театральный зал
19 марта — «Поэты радио и газеты», участвуют: Ефим Бершин, Дмитрий Быков, Андрей Коровин, Марина Кудимова, Елена Фанайлова, Олег Хлебников, ведёт вечер Андрей Коровин, начало в 20.00.

• Издание книг и их реализация;
• Публикация прозы и поэзии в журналах «Российская литература» и «Литературный альманах «Спутник»
Все это предлагает вам издательство «Спутник»

г. Москва, 109425, Рязанский проспект, д. 8А
www.sputnikplus.ru E-mail: sputnikplus.ru@2000@mail.ru
Тел.: (495) 730-47-74, 778-45-80 с 9 до 18 (безд. с 14.00 до 15.00)

ЮБИЛЕЯ

Четырнадцать стихотворений

— Вы — всемирно известный учёный, выдающийся историк и филолог, основатель целой научной школы, автор многотомных трудов о жизни и творчестве Достоевского... А тут вдруг стихи... Далеко не все нынешние читатели «ЛГ» знают вас в этом качестве. Это вообще-то редкость, когда поэт, так глубоко уйдя в историческую прозу, не расстается с лирой...

— Не буду скрывать, что мой дебют напрямую связан с «ЛГ». Ровно полвека назад («ЛГ», 1962, № 87) в вашей (тогда ещё четырёхполосной) газете появились мои стихи с добрым напутствием П. Г. Антокольского. Поэзия тогда пребывала в фокусе общественного внимания, и после таких авансов был шанс проснуться знаменитым. До «многотомных» трудов было ещё далеко, я, правда, широко печатался в периодике — от «Октября» до «Нового мира» (что в тогдашнем полярном литературном контексте было крайне необычно), издал несколько поэтических книжек, которые, не могу сказать, чтобы не были замечены. Но, знаете, как сказала Ахматова, когда, кажется, С. Городецкий подарил ей свою семнадцатую книгу: «Дорого бы я дала, если бы вспомнил, как называлась шестнадцатая...» (цитирую по памяти). Жизнь повернулась так, что «с лирой» всё-таки пришлось расстаться — даже с Достоевским. Ибо она — самый глубокий и одновременно самый болезненный способ самопознания, не признающий духовных альтернатив. Но если ты чувствуешь, что можешь «осуществить себя» каким-то иным путём (хотя, возможно, это лишь повод уйти от боли), не надо противиться подобному «фаустовскому» искушению. Впрочем, Вл. Соловьёв продолжал писать стихи, профессионально занимаясь философией. С другой стороны — Карамзин (надеюсь, вы не заподозрите меня в безумных аналогиях!) на вершине литературной славы порывает с изыщанной словесностью и с головой уходит в «Историю государства Российского». Между тем этот текст довольно высокого художественного порядка. «История принадлежит царю», — утверждает Карамзин. «История принадлежит поэту», — мягко «поправляет» его Пушкин. Может ли примирить их формула «Поэт... ты царь...»?

— Но не потому ли ваши документальные повествования воспринимаются как художественные тексты, что они написаны поэтом? И в этой связи можно ли говорить о том, что поэтический опыт как-то повлиял на ваши исследования — не только на уже ставшие классическими книги о Достоевском, но и на работы о Л. Толстом, М. Булгакове, О. Мандельштаме, Н. Заболоцком и других?

— Без этого, видимо, не обошлось — прежде всего потому, что человек един, он целостное существо. Поэзия, как сказано, «езда в неизвестное», а в своих историко-биографических штудиях я всегда старался брать сюжеты практически не известные, «непрочитанные», тающие в себе некую загадку. Не уставал изумляться постигаемым в ходе работы «странным сближениям» — например, в жизни того же Достоевского, которого судьба «вдруг» сводит с его будущей женой в часы, когда совсем неподалёку совершается казнь, как две капли воды похожая на ту, через которую он прошёл в 1849 году на Семёновском плацу. Или когда в свой смертный час он оказывается ближайшим соседом террориста-подпольщика, и оба они становятся действующими лицами общей исторической драмы. В исследовательском поле счастья найденная «рифма» служит таким же подтверждением подлинности (в том числе подлинности научного переживания), как и в стихе. Кроме того, поэтический опыт дисциплинирует прозу, как ни странно, уберегая её от так называемых поэтизмов, требуя предельной точности. Метафора — кратчайшее расстояние между смыслами. Недаром И. Бродский говорил, что поэзия — наша видоизменённая цель. То есть, очевидно, имея в виду, что в конце концов всё человечество будет обладать неким поэтическим зрением. Гипотеза, конечно, утешительная...

— Вы начинали очень необычно и ярко. Никогда не приходили мысли, что надо было работать исключительно на имя Волгина-поэта?

— «Работать на имя» — дело хлопотное и не вполне бескорыстное. Имя складывается само собой из всего, что ты сделал. Разумеется, на том свете с поэта спросится за нерождённые строки — как за нерождённых детей. Однако не мы выбираем музыку, а музы выбирают нас. Мандельштам говорил о важности соединения поэтической деятельности с другой профессиональной — математической, философской, инженерной, военной: «Поэт не есть человек без профессии, ни на что другое не годный, а человек, преодолевший свою профессию, подчинивший её поэзии».

— На этой полосе публикуются ваши новые стихи — преимущественно 2011 года. Ощущаете ли вы какую-либо разницу между «старым» и «новым» Волгиным? И как мыслите свою дальнейшую писательскую и научную судьбу?

— Ну тут не мне судить. Во всяком случае, «кровное родство» с ранними стихами для меня очевидно. Другое дело, что опыт души, изведавшей некоторые мытарства, не проходит бесследно. В том числе применительно к свободе жеста и языка. Я не знаю, что будет завтра, — смешно в моём возрасте бить в литавры, встречая грядущий день. Благо, что он настанет...

Беседавала Марина КУДИМОВА

Игорь ВОЛГИН

***
Времени всё истончается нить,
как ты ни нудай.
Надо бы что-нибудь сочинить
перед разлукой.

Может быть, в прозе
излить свою желчь —
в чёрта ли, в Бога ль —
и, написавши, немедленно сжечь,
плача, как Гоголь.

И расточится мой дивный талант
в замяти русской,
и не почтит меня жлоб-аспирант
вежливым сноской.

И умиленье мой тихий отвал
вызовет в детях,
ибо не слишком я их доставал,
канувший в небытие,

где неизбывных грехов моих рать
мама лишь видит...
Как бы мне к жизни своей подобрать
сносный эпитет?

Может, и вправду забавят стихиок
с рифмой-подложкой,
может быть, выпить на посошок
с давней подружкой?

Глядь, на исходе осеннего дня
в Первопрестольной
други-поэты помянут меня
с грустью пристойной.

И завывает обручком хвоста
пёс мой подлиза,
и, похмелившись, отверзнет уста
бедная Лиза.

Февраль, 2011

Ах, если б наобум —
к везунчикам, везуньям,
пока мой слабый ум
не помрачён безумьем.

Пока средь камыша,
в ком проку никакого,
дрожит моя душа,
нежна и тростникова.

... За лесополосой —
ни церкви, ни мечети.
Там смерть стоит с косой,
похожей на мечете.

Стыдлива до поры,
от похоти косяя,
враждебные миры
с собой соприкасая.

Не затевай сыр-бор
в надежде объяснить:
тебя не зрит в упор
неустовая жилица.

Но, прущая с рожна,
бесстыжая как выстрел,
она не столь страшна,
раз ты её помыслил.

Коль в утробу твою,
не поменяв пластинку,
ты вновь и вновь будишь,
как лох, в свою тростинку.

И плещется волна,
зелёная от ила,
И мысль разрешена,
и всё не так уж хило,

коль Бог толпу светил,
привеченных богами,
вращаешь попустил
над нами, тростниками.

Май, 2011

С кем обручён этот огненный век,
кто сей избранник —
то ли Нерон, то ли вещей Олег,
то ли торфяник.

Что же нам делать спасения для,
порознь и свально,
если горит под ногами земля,
то есть — буквально.

Если не выручит даже и газ
из преисподней,
ибо опять отступилась от нас
лето Господне.

1 июля 2011

***
Восходит красная луна
над чудью, нелюбью и мерью.
Прощай, великая страна,
ушедшая, не хлопнув дверью.

Мы вновь свободною горим
В предвестье радостных событий.
Прощай, немый Третий Рим —
уже четвёртому не быти.

Гуд-бай, отвязная мечта!
Но, как историю ни меряй,
нет горше участи, чем ты —
жить на развалинах империй.

Восходит красная луна
над укороченной сушей.
Прощай, нелепая страна, —
мы жертвы собственных бездуший.

Прости нам этот сон и бред,
что мы, лишённые прописки,
не поглядели даже вслед:
ты уходила по-английски.

Светлана ХРОМОВА

***
Не хочу я больше быть учёным —
это звание мне не по плечу.
Ни о чём бесплотно-отвлечённом
толковать ни с кем я не хочу.

Что за радость рваться в эмпирию
и в другие горные края,
если наши праотцы — евреи
написали Книгу Бытия.

Если можно славить без зазрения
днём и ночью Божью благодать,
ибо зренье выше умозрения —
чтобы век мне воли не видать!

Водку ли ты пьёшь или какаво,
но, откуда веки не смежил,
надо жить не мудрствуя лукаво —
гадом буду (чтобы я так жил!)

Был я умный, врал напрадалую,
но моё устало ДНК.
Дай тебе я лучше поцелую
на исходе летнего денька.

В мире пусто, страшно, ледниково,
но, как он не стоющее благ,
ты не отвергай меня такого —
кто никто и звать кого никак.

Даже если в приступе маразма
за того, кем славен Роттердам —
за светильник разума — Эразма
я и гроша медного не дам.

Май, 2011

***
Я — мыслящий тростник.
Я бурями колеблем.
Я сам себе двойник,
зелёным ставший стеблем.

Я мыслю, как Сократ, —
без края, без границы,
и надо мной парят
немислимые птицы.

И смотрят на восток
невиданные маки.
Но ум мой одиноко,
как Дева в зооиаке.

Не мучь меня, гротынь,
всяк помысел греховный:
растительная жизнь
духовнее духовной!

Лети, мой автозак,
с Ленгор на Мохуюву.
Я мыслю кое-как
и так же существую.

Я — мыслящий тростник,
не лик на биенале.
Смешон мой жалкий ник
в полуживом журнале.

***
Что-то физики в почёте,
Что-то лирики в загоне...
Б. Слуцкий

Что-то физики в загоне,
метафизики в почёте.
Нынче Омы и Маркони —
в каждом зноме-звездочёте.

Нам астральные кликуши
поважней, чем Нильские Боры,
что не могут наши души
разглядеть в свои приборы.

Наши эльфы-практиканты
посильней, чем «Фауст» Гёте,
и они, пожалуй, Данте
не уступят ни цоты.

Брак, развод и курс валюты
нам предскажут ворожеи,
а не эти институты,
что сидят у нас на шее.

И пускай друг другу факсы
посылают Максы Планки,
нам бы знать, как наши баксы
помещать в какие банки.

И оставь свою повадку
факты брать из Интернета,
ибо знает правду-матку
только тень отца Талмента.

Значит, на интеллигентов
зря жалели мы патронов,
ибо нету дивидендов
с ихних синхрофазотронов.

Слушать нам какого хрена
этих жалких сибаритов.
Отдадим себя спиритов.
И хоть всюду безнадёжье,
из Урюпинска и Пензы
нас по благу в Царство Божье
перекинут экстрасенсы.

Май, 2011

***
Что там гремело за станцией Лось
ночью сегодня?
Видимо, снова не задолось
лето Господне.

Видимо, сроки подходят уже
крайние вроде.
Что, человек, у тебя на душе,
то и в природе.

... Там, за рекою, дымят лопухи,
не лик на биенале.
Скоро столуца за наши грехи
выжгут пожары.

Твой путь и светел, и кровав.
И, словно древние этрусски,
мы кадем в вечности — без прав
хотя б отпеть тебя по-русски.

Сентябрь, 2011

***
Хотел родить стихотворенье.
Но — не везло.
Так что же: к чёрту вдохновенье —
правь ремесло.

К чему волшебная отмычка —
всё это ложь.
В наличие — жопы и привычка:
их не пропьёшь.

В наличие — сумма технологий —
фреза, слеза.
Глядишь, и троечник убогий
покрыл туза.

Рыдают в голос аониды
и толпы лозы.
А эстетические гниды
нам не указ.

А ты, взыскательный художник,
не из хазар?
Разбей свой долбаный треножник,
фильтруй базар.

Рифмуй без тени сожаленья
добро и зло.
Нам написать стихотворенье
не запахло.

14 июля 2011

***
Вот над ветлой у пруда
встала ночная звезда.
И все каналы твщи
изнемогли от любви.

Что же опять ты не спишь,
сонную двигая мышью,
вместо того чтобы в дым
с гостем упиться ночным?

Знаю я, как тебе влом
лоб наклонять над столом
и разбирать, как в ЧК,
птички мои почерка,

брат у издательских дур
груды моих партитур
или печатать мой бред
целую ночь напролет.

Падают слёзы весь век
с этих напряженных век.
Этих измученных глаз
свет до сих пор не угас.

Словно какой-нибудь граф,
я б сочинил эпитафию,
будто бы пламень свечи, —
четырёхлетнюю тащит в подвал
зритель прозралмы.

Светит компьютер в ночи,
будто бы пламень свечи, —
видно, зовёт, кровосос,
в мир упоительных грёз.

В голубоватый экран
бьётся людской океан.
Но, как спасательный круг,
жестко кольцо твоих рук.

Есть ли любовь или нет —
нам не подскажет рассвет.
Но небольшая беда —
это не знать никогда.

Птички запели в саду,
рыбки проснулись в пруду.
Вот мы уже не одни.
Спи, моя радость, усни.

Август, 2011

ИЗВИНЕНИЕ
ПЕРЕД НАСЕКОМЫМ

Однажды, сидя у компа
и сочиняя невозбранно,
но гневя я убил клопа,
приползшего на свет экрана.

Точнее, это был не клоп,
а жук, огромный насекомый,
и страшный, как циклоп,
но тягой к знаниям влекомый.

Зачем сгубил я существо,
не лишнее в природе зыбкой,
надменно посчитав его
зоологической ошибкой?

Зачем не дрогнула рука,
поняв, что это не игрушки
и что от бедного жука
недолг путь и до старушки.

О нет, я далеко не йог
и не эколог из Небраски,
не гуманист, но, видит Бог,
я не желал такой развязки.

Напрасно посягнул я на
того, чьи крылышки повисли,
кто мог бы оценить сполна
полёт моей высокой мысли.

И если даже жизнь — борьба,
во исполнение задачи
не надо убивать клопа,
жука безвинного — тем паче.

Чтоб не вводить себя во грех
и жить на совести без пятен,
мочить не надо даже тех,
кто нам, положим, неприятен.

Насельник скромный ЖКХ
и верный член электората,
прошу прощенья у жука:
да обойдёт меня расплата!

Да не поставит мир жуков
вдруг точку на моей карьере,
и не вползёт ко мне в альков,
и не присудит к высшей мере.

Август, 2011

***
Пермь — быв. г. Молотов, ныне
Пермь (из энциклопедии).

Я родился в городе Перми.
Я Перми не помню, чёрт возьми.

Железнодорожная больница.
Родовспомогательная часть.
Бытие пока ещё мне снится,
от небытия не отлучась.

Год военный, голый, откровенный.
Жизнь и смерть, глядящая в упор,
подразумевают неотменный
выносимый ими приговор.

Враг стоит от Волги
до Ла-Манша,
и отца дорога далека.
Чем утешит мама, деботантша,
военкора с корочкой «Гудка»?

И, эвакуацией заброшен
на брохотый танками Урал,
я на свет являюсь недоношен —
немцам на смех, чёрт бы их побрал!

Я на свет являюсь — безымянный,
осенённый смертною пургой.
Не особо, в общем, и желанный,
но хранимый тайною рукой —

в городе, где всё мне незнакомо,
где забит балетными отеля,
названным по имени наркома,
как противотанковый коктейль.

И у края жизни непочатой
выживаю с прочими детьми
я — москвич, под бомбами
зачатый и рождённый в городе Перми,

где блаженно сплю, один из судей
той страны, не сдающейся в бою,
чьи фронты из всех своих орудий
мне играют банюшки-баню.

Октябрь, 2011

***
К ночи, когда понесут трепачи
умные вздоры,
превозмогая усталость, ключки
ящик Пандоры.

Не донесётся с полуденных стран
песня Хафиза,
но без усилий проломит экран
грудью Анфиса.

И во дворе, где с утра поддавал,
меряя граммы,
четырёхлетнюю тащит в подвал
зритель прозралмы.

Будет сушить нам блага имярек,
ржачку — каналы.
Се — двадцать первый
продвинутый век
входит в анналы.

Здесь под фанеру вопит педераст,
млея от страсти,
и, на иное ничто не горазд,
ластится к власти.

И, не боясь угодить на скамью,
сердцем не жёсток,
не торопясь вырезает семью
трудной подросток.

Нам растолкуют, что твой Пуаро,
просто и прытко,
как проносива, спускаясь в метро,
бомбу шахидка.

И генерал, что страну известил
об инциденте,
не утаит, сколько весил
прошлый в эквиваленте.

... Мысля, выруби этот дурдом.
Дуй за заначкой.
Или ещё перечти перед сном
«Даму с собачкой».

Сентябрь, 2011

***
Как обычно, с шести до семи
по бульвару, что льнёт к переулку,
человек, не заведший семьи,
не спеша совершает прогулку.

Он по моде постиражен, побрит
и спасает кашне от микробов.
Но пальто дорогое сбортит
и, соаясь, не щипана обувь.

О свобода от тягостных уз,
от житейской рутины и прозы!
О счастье, не дующий в ус,
обожжающий метаморфозы!

Он проходит наш бедный сыр-бор
без малейшей обиды и злости,
не имея в сей жизни опор
никаких, кроме собственной трости.

Дни туманней, и даль золотей.
И, увесившись под вянущий ивой,
на играющих шумно детей
он взирает с тоскою брезливой.

Мир прекрасен, не лжен штог.
И «жизгуль» никому не завещан.
И глядит он, жалея чутко
всех его не приветивших женщин.

И, поднявшись легко со скамьи
(благо небо немного поблекло),
человек, не заведший семьи,
не спеша направляется в пекло.

Ноябрь, 2011

***
Отец уже три года не вставал.
Родня, как это водится, слняла.
И мать, влачая, как на лесоповал,
ему с усилием памперсы меняла.

Им было девяносто. Три войны.
Бог милуал отсиживать на нарах.
Путёвка в Крым. Аэония страны.
Бред перестройки. Дача в Катарах.

И мать прятла так долго эту нить
для того, чтобы не сказать стервой, —
чтобы самой отца похоронить.
Но вышло так — её призвали первой.

И, уходя в тот несказанный край,
где нет ни льгот, ни времени,
она шепнула: «Лёня, догоняй!» —
и ждать себя отец мой не заставил.

Они ушли в две тысячи втором.
А я живу. И ничего такого.
И мир не рухнул. И не грянул гром —
лишь Сколковым назвали Востряково.

Январь, 2012

***
А дни впереди всё короче,
а тень позади всё длиннее.
И нет ни желанья, ни мочи
разглядывать, что там за ней.

Ты думал, что ты астероид,
как свет воссиявший в ночи.
Но жизнь тебя быстро уорет,
стучи на неё — не стучи.

И совесть тебя до могилы
преследовать будет, как тать.
Но нет ни охоты, ни силы
печальные строки смывать.

Но нет ни ума, ни умения,
спасая посмертную честь,
казаться в глазах поколенья
и лучше, и чище, чем есть.

Что было — проносится мимо
и тает в дали голубой.
И прошлое неоправимо,
о Господи, даже Тобой.

Я плод Твоего поущенья,
вергаемый в этот бедлам.
Но мне, — Ты сказал так, —
отмщенье, и Аз — будь спокоен — воздам.

Август, 2011

***
И в городе, где всё мне незнакомо,
где забит балетными отеля,
названным по имени наркома,
как противотанковый коктейль.

И у края жизни непочатой
выживаю с прочими детьми
я — москвич, под бомбами
зачатый и рождённый в городе Перми,

где блаженно сплю, один из судей
той страны, не сдающейся в бою,
чьи фронты из всех своих орудий
мне играют банюшки-баню.

***
К ночи, когда понесут трепачи
умные вздоры,
превозмогая усталость, ключки
ящик Пандоры.

Не донесётся с полуденных стран
песня Хафиза,
но без усилий проломит экран
грудью Анфиса.

ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА
 Марина Ахмедова. **Дневник смертницы. Хаджи**. — М.: Астрель, 2011. — 350 с. — 3000 экз.

Жила-была девочка в дагестанском селе. Она рано осиротела, но родные её не обижали, учиться она поехала в университет Махачкалы и даже замуж вышла счастливо: за любимого. Это нехитрое девичье повествование приводит нас к тяжелейшей драме, когда простая, милая, неглупая молодая женщина становится добровольным орудием террористов. Без ненависти. Без ярой религиозности. Даже без жажды мести. И вместе с тем — неотвратимо. Книга Ахмедовой производит странное, но сильное впечатление погружения в чужой образ. Читатель видит происходящее глазами Хаджи, девушки из другого мира, которую «так воспитали». Воспитали не убийцей, нет, — но мы хорошо понимаем, почему так закончилась её судьба и кто направил её на путь смерти. Возможно, мы поймём это даже лучше, чем сама Хаджи, которая почти не анализирует события, а отчаянно переживает их. Ахмедовой удалось написать книгу, которая целенаправленно сконструирована автором — и при этом убедительно честна.

ПЬЕСЫ
 Андрей Смолин. **Михаил Сопин. Очерк судьбы и творчества**. — Вологда: Книжное наследие, 2011. — 64 с. — 300 экз.

В своей книге Андрей Смолин решил сделать «шаг к постижению одного из знаменитых русских поэтов второй половины XX века». По сути, это маленькое поэтическое исследование, где стихов так много, что оно напоминает подробно откомментированный сборник. В 2011 году вологодскому поэту Михаилу Сопину могло бы исполниться 80 лет, но он умер в 2004-м. Трудный жизненный путь его, не только биографическое, но даже внешнее сходство с Варлаамом Шаламовым выковали негнбимый характер, особое, сильное поэтическое дарование, которое по жизнеутверждающим мотивам тем не менее ближе к Николаю Рубцову. Сопин не просто любил «равнинную Русь» — он чувствовал ответственность за свою землю и призывал «не прощать», если он от неё отречётся. Он был в ряду первых поэтов своего времени, но после его смерти книга-напоминание, подобная той, что написал Андрей Смолин, оказалась очень актуальной.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
 Рой Медведев. **Тихий Дон. Загадки и открытия великого романа**. — М.: АИРО-XXI, 2011. — 228 с. — 1000 экз.

Эту книгу довольно трудно отнести к исследованиям авторства «Тихого Дона». Рой Медведев убедительно объясняет, почему автором романа-эпопеи не мог быть донской писатель Фёдор Крюков, но не рассматривает другие версии; его уверенность, что автор — именно Михаил Шолохов, и местами литературоведение подменяется рассуждениями на этическую тему: как не самый хороший человек Шолохов написал великолепный роман... Может быть, не так уж он плох? Шолохов 30-х — не таков, как облаканный властью человек, который затем отменился в преследовании диссидентов, Медведев это показал. Однако большую часть его книги занимает не разгадка тайн, а анализ тем, источников, исторического фона и образности «Тихого Дона». В конце приводится список книг, посвящённых поискам возможного автора. Исследование Медведева легко читается, содержит интересные наблюдения и пробуждает желание самостоятельно проработать роман.

БИОГРАФИЯ
 Максим Чертанов. **Марк Твен**. — М.: Молодая гвардия, 2012. — 470 с. — (ЖЗЛ). — 5000 экз.

Он родился, когда близ Земли прошла комета Галлея — это бывает раз в 76 лет. Он до десяти лет ходил лунатиком по ночам, верил, что притягивает несчастья, и писал Тома Сойера с самого себя. Он был наиболее удачливым и одним из искуснейших лощманов на Миссисипи. Он считал, что если новостей нет, то их надо придумать, и стёр границу между журналистикой и беллетристикой. Путешествуя по Европе, он побывал на приёме у Александра II, восхитился «неподдельной любовью русских» и писал, что Америка «совершенно должником России во многих отношениях». Он не верил в библейского Бога, но верил в Бога, который «не раздаёт никаких обещаний». Он получил патент на изобретение подтяжек. Он сказал, что юморист, желающий, чтобы его книги получили бессмертие, должен и проповедовать, и учить, а юмор — это аромат, украшение. Он умер в год, когда комета Галлея снова приблизилась к Земле. Таков мимолётный абрис головокруглительной яркой жизни Марка Твена. Книга Максима Чертанова расскажет о ней подробно.

ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА
 Клинт Твист. **Марко Поло. Эпоха странствий**. — М.: РИПОЛ Классик, 2011. — 5280 экз.

Подсчитать страницы в роскошно изданной книге о путешествии Марко Поло затруднительно. Её изюминка — в большом количестве разнообразных вкладок: конвертов, карт, иллюстрированных фактов о средневековой Европе и Китае, шёлке и фарфоре, важных денег, пряностях и кузнечном ремесле. Эти оригинальные красивые, тщательно продуманные вклады добавляют книге увлекательности, будят желание не просто ознакомиться с маршрутом предприимчивого венецианца, а «увидеть» его, пройти через королевство крестоносцев, пустыню Гоби. В тексте есть немалое число отсылок к знаменитому труду Марко Поло — «Книге о разнообразии мира», которая открыла для европейцев Восток, сделала осязаемым Великий шёлковый путь и даже Индонезию, позвала в дальние странствия самого Колумба. Книга Клинта Твиста невелика по объёму, однако замечательна; она не похожа на энциклопедию или научно-популярное повествование и рассчитана на любознательных детей от семи до двенадцати лет.

Книги предоставлены магазинами «Библиоглобус» и «Фаланстер» Татьяна ШАБАЕВА

КНИЖНЫЙ РЯД

Второе пришествие очевидца

Не знаю, как вас, но меня до сих пор неизменно волнует это зрелище: в толпах песка, намытого современной российской культурой, до сих пор вызывающе ерзая и мерцают натуры, которым восемнадцатое столетие с его наивно-технократической попыткой перераспределить вселенское Добро и Зло куда ближе столетия девятнадцатого, так странно бредившего забрезжившей свободой.

Будем объективны: никого в России ни освободить, ни образумить с тех самых пор не удалось. После бунтов, моров, пожаров и войн холопы остались холопами, а созерцатели созерцателями. Правда, произошёл некоторый вселенский поправкам на идеологические шалости (движения низовых кадров вверх), началась в то же самое время и по всему активно обуржуазившемуся с тех пор миру. Так что и здесь мы ничем особым из мировой истории не выделились. Однако ползучая смена элит настолько болезненна на каждом историческом повороте, что сама по себе является тропом. Именно этот мотив — центральный в романе Сергея Есенина «Маркиз».

Фабула: давно почивший (1790–1857) маркиз Астольф де Кюстин, навестивший николаевскую Россию в 1839-м и выпустивший по следам путешествия скандальное для русских патриотов-государственников исследование, вновь посылается с секретной миссией наблюдателя в Россию наших лет (точнее, с 2009 год, вплоть до катастрофы на Саяно-Шушенской ГЭС). Командируется с того, разумеется, света. И что ж он видит? Да то же, что все мы, только на свой очаровательно французский, а теперь ещё и инобытийный лад.

Можно с совершенной уверенностью говорить о том, что Есенину эта возмутительная для каждого упёртого русского патриота фигура понадобилась лишь для того, чтобы иметь возможность маневрировать. Чтобы смотреть чужими глазами. И чтобы,

Сергей Есенин. **Маркиз**: Роман. — М.: Дрофа, 2011. — 336 с. — Тираж не указан.

не дай бог, самого в русофобии не обвинили. Расхожее, кстати, обвинение: чуть что не так — русофоб. Что ни скажи, как ни скажи — русофоб. В духе ушедшего века произнесём: в переродившемся ленинisme-сталинisme, очевидцем которого и участником был Есенин, возобладали клопизм-комаризм. Идеология паразитарного всасывания движимого и недвижимого, бездумно транслируемая, как теперь модно говорить, на всё общество разом. Иными словами, распил-занос, включая «радение родным человечкам» и прочую грибоедовщину (Грибоедов, молвив справедливо, обличил русскую жизнь задолго до Кюстина. А уж Радичев!..)

Воруят. И будут воровать до тех пор, пока глеющая смута вновь не разгорится на полимира. И впрямь, как в век Просвещения, дуально: Соединённые Штаты, этот подземный для России мир, насаждая у нас либерально-воровскую этику, приблизили тем самым некую централизацию власти и некоторое даже предчувствие — свят-свят! — грядущих репрессий по её мотивам, создали в потребительском обществе ощущение гибнущего НЭПа-2. И, что уж совершенно точно, обострили жажду справедливости, которой теперь пользуются вполне ловко именно те, кому не разрешили воровать в две руки.

Маркизу внятны: пробки перегруженных московских автодорог и обречённая скудность метро; ветшающие, но всё ещё «престижные» дома интеллигенции с врезаемыми в них задушевыми хорами зна-

ти; мешанский абсурд телесериалов и расследований; сатириазис потребления; мерзость сносов, замаскированных под реставрации; нашествие в столицу азиатских рабов; крах армии, образования, медицины, искусства и самого языка. Маркиз навешает алдовы премильные сборки и пышные театральные премьеры с участием нуворишей. Он зрит победительную хамоватость Москвы и провинциальную заброшенность упрямого Петербурга, хранящего дух империи, коллекционирует истории возвышений и падений, спрашивая себя поминутно: что в этом кошмаре есть настоящее и что — будущее, как не бесконечное предательство прошлого?

Да, за двести лет многое изменилось, но лишь затем, чтобы зафиксировать простейшую, гибельную, неотвратимую мысль: не изменилось ничто. Россия гибнет, и гибель её стала за многие века национальным образом жизни. Национальной, если угодно, и идей. И нет на земле страны более подземной и негнбимой в этой своей подземности.

Жить страшно, дурно, несправедливо, так, как не живут нормальные люди, занятые заботой не только о ежедневном пропитании, но и о будущем, — суверенная российская роскошь, главная привилегия каждого из нас. Может ли такой образ национальной мысли не привлечь французского эстета? Может ли оставить равнодушным?

Ни в копей мере. Синклету в составе Консулата Иосифа Сталина, Владимира Ленина, Екатерины Великой, Петра Первого и Ивана Грозного лазутчик бестрепетно донесёт свои записки. Феликс Дзержинский, руководитель тайной операции, положит их на стол бывшим правителям страны. Рассмотрение начнётся. Трибунал вынесет приговор: за упённое воровство и многократное небрежение Отчизной новых ставленников, «опору державы», расстрелять, как бешеных собак. Это и есть основная пощечина романа элите новой. Послание, так сказать, от элиты старой, не только писателей, но и интеллигенции в самом общем и конкретном смысле — военной и граждан-

ской, гуманитарной и технической. И да отскочет язык у того, кто обзовёт её «советской» в фирменном либеральном пренебрежительном смысле. Интеллигенция на Руси всегда одна: та, что ковала промышленно-оборонную мощь страны и выводила русскую культуру на мировую авансцену.

По сравнению с ней сами вожди выглядят плоско. Зачем Есенину понадобилось уравнивать их в пошлости с современными обывателями, рассуждающими о спасении Родины, рисовать их в ключе отчаянно «перестроенном», тротеском-памфлетном? И с тем, чтобы показать упадок сознания современного, не способного вместить могущество прежней мысли, но и для того, чтобы показать их людьми ординарными, плотскими без плоти, мыслящими без мысли. В посмертном бытии духи волнуются и бунтуют, но уже бесплотно. Пока мы здесь, следует видеть выгоды тела в том, чтобы влиять на события активно, если направлять, то не в должности безвольного наблюдателя, но — преобразователем, создателем, творцом. Лишь автоматы тел, оснащённых живыми, совестливыми душами, способные привести себя в движение и переломить роковые и вековые обстоятельства апатии, подлости, вознёшей гордыни. Подобная идея донельзя близка «великоллепному столетию», в тоске по диалогу с Создателем породившему первых механических кукол.

Ничто не меняется, но ничто и не исчезает бесследно. За каждым из нас последует вопль глаза и подземное, и небесное воинство. Иное — здесь, утверждает Есенин. Оно прямо за порогом и ночами неслышно касается тебя, овеивает и морозным, и жарким днём. Что ответить ему? Как прожить себя в движении и публичности, каждый день которой преимущественно наполнен стыдом?

На эти вопросы роман не отвечает, не желая произносить банальности: жить надо честно. И хотя об этом написаны тома, эти слова каждый раз, в каждом проносимся столетии надо произносить заново. Чтобы не забывали.

Сергей АРУТЮНОВ

ЛИТПРОЗЕКТОР

«Туманное впечатление»

В 2010 году Павел Басинский стал лауреатом премии «Большая книга» за работу «Лев Толстой: бегство из рая». Так случилось, что её я ещё не прочитала, поэтому остановлюсь на новом творении автора. Название, по традиции, носит весьма претенциозный характер с ярко выраженным религиозным подтекстом. Понятно, что подобный приём интригует потенциального читателя возможностью приобщиться к сакральным истинам.

Начнём... Автор претендует, судя по аннотации, на использование «строгих документальных материалов». Но «Список источников» (с. 413–415) убеждает нас в том, что П. Басинскому неведомо деление на источники и литературу, что печально. Труды литературоведов и публицистов не могут считаться источниками!

Сама книга является всего лишь компиляцией, составленной из разнообразных текстов, принадлежащих близким А.М. Горького, публицистам, краеведам и т.д. Автор не очень удачно комментирует цитаты, его умозаключения грешат банальностью и надуванностью.

Например, после описания последних дней жизни Горького Басинский заключает: «О чём он думал? Что вспоминал? Ведь считается, что в памяти умирающего человека проносятся вся его жизнь...» (с. 53). Рассуждая о детстве писателя, автор заявляет: «Как бы сказали сегодня, это был трудный подросток» (с. 68).

Неприятно поражает раздел «Горький и церковь» (с. 137–146). Эту сложнейшую проблему Басинский свёл к единственному эпизоду, связанному с попыткой самоубийства 19-летнего А. Пешкова в 1887 году.

Анализ исторических источников превратился в сеанс саморазоблачения, автор честно признаётся, что документы Духовной консистории производят на него «туманное впечатление» (с. 139), он воспринимает их как «какой-то осколок непонятной цивилизации» (с. 139). Вероятно, при таком уровне знания и осмысления эпохи не надо брать за её изучение...

Что стоит блуждание в трёх соснах, когда наш исследователь никак не может разобраться, как же наказали Пешкова за попытку суицида: наложили епитимью или отлучили от Церкви? При этом автор даже не потрудился найти соответствующий документ Духовной консистории (с. 141). Но это не помешало с трагическим пафосом воскликнуть: «Но всё равно. Отлучён! Раньше Толстого!» (с. 142).

А вся эта история привела Басинского к «глобальному открытию»: «До какой же степени ценится единичная жизнь и душа человеческая в России в эпоху «свинцовых мерзостей жизни». Насколько внимательной к личности была эта Система» (с. 144). Автор, вероятно, забыл, что чуть раньше он привёл убедительную статистику о громадном количестве самоубийств в Казани с 1882 по 1888 год (с. 139). По счастливой случайности А. Пешков выжил. Наверное, это Система постаралась! Заключительным аккордом стал очередной глумокомысленный вывод: «В 1888 г. Алексей Пешков сделал свой выбор в пользу одиночества и трагедии. А Русская православная церковь лишилась талантливого молодого брата, будущего писателя, «владельца душ» и строителя новой культуры. И в этом была её драма» (с. 147). Хочется напомнить, что Пешкову было всего 19 лет! Казанские же церковники следовали законам того времени, строго выполняя все предписанные процедуры, положенные в подобных случаях. Но нашему «философу» всё это невдомёк!

Весьма удивляет мнение Басинского о Сталине, которого он считает «неприятной фигурой в партии» вплоть до Гражданской войны (с. 391). Автора ничуть не смущает, что ещё в 1912–1913 годах И.В. Сталин был членом Русского бюро ЦК, а с 1917 года — членом ЦК РСДРП(б), да и сам Басинский сообщает, что Ленин в 1913 году писал Горькому о Сталине (с. 389), называя его «чудесным грузином».

Есть в книге и досадные ошибки. Так, Герман Лопатин превратился в Генриха, а американский писатель Эптон Синклер стал тёмкой Элтона Джона (с. 299, 406).

В заключение признаюсь, что, увы, ничего нового и оригинального из книги П. Басинского почерпнуть не удалось, напротив, возникли сомнения в ценности этого «литературно-художественного издания». Хотелось бы узнать, кому адресован сей опус?

Что касается меня, то решение принято: читать книгу Басинского о Толстом не буду! Не хочется думать, что жюри «Большой книги» ошиблось. А на столе у меня лежит роман очередного лауреата БК Михаила Шишкина «Письмовник».

Надеюсь, повесть...
 О.А. КУРСЕВА,
 преподаватель,
 СТЕРЛИТАМАК
 П. Басинский. **Страсти по Максиму Горькому. Девять дней после смерти**. — М.: АСТ: Астрель, 2011. — 416 с. — 7000 экз.

Лица на картине перемен

Сергей Телюк. **Время перемен**. — М.: Зебра Е, 2011. — 272 с.: ил. — 1000 экз.

Короткие новеллы-воспоминания поэта и эссеиста Сергея Телюка живо повествуют о литературном мире Москвы 1990–2000 годов, ордных и близких поэта, о его поездках по городам и весям. Он вспоминает замечательных людей. В их числе Галина Рой — издатель широко известного в своё время альманаха «Истоки»; известный поэт-фронтального поколения и наставник молодых стихотворцев Ни-

колай Константинович Старшинов. Сергей Телюк пишет о своей дружбе с заметными людьми поэтического сообщества — Вадимом Черняком, Юрием Влодовым и Александром Ароновым. Конечно, Александр Аронов был самой значительной личностью поэтического андеграунда. Нескольких десятков лет он проработал журналистом «Московского комсомольца». В «подполье» в каком-то смысле были его стихи. Только в последние годы своей жизни Аронов начал активно выходить к читателю с книгами своих стихов. Вспоминает Телюк прекрасного поэта своего поколения Николая Дмитриева. Нашлось место в кратких новеллах Телюка и истории его семьи.

Юрий Левитанский, Римма Казакова — знаменитые российские поэты. Книгу украшают два блока иллюстраций, на которых мы встречаем не только портреты классиков — таких, как Арсений Тарковский, Корней Чуковский или Александр Твардовский, но и хорошо знакомые лица сегодняшнего литературного сообщества: Анна Гедьмин, Валерий Дударев, Нина Краснова, которые тоже стали героями мемуарных заметок Сергея Телюка. Включены сюда и семейные фотографии автора, в их числе фото его жены — замечательной художницы Ирины Телюк, которая недавно ушла из жизни в самом расцвете творческих сил.

Из мелких, вроде бы незначительных штрихов, примет, подробностей литературной жизни складывается интересная картина недавней эпохи, её пристрастий и отношений. И мы видим, как картина эта меняется вместе с временем.
 Владимир АЗАРОВ

ЧТОБЫ ПОМНИЛИ

Мемориальная доска в память об известном поэте Владимире Гордейчеве (1930–1995) установлена на доме № 4 по улице Комиссаржевской в Воронеже, где он жил. В торжественном мероприятии участвовали представители городского Управления культуры, писательских сообществ, учащиеся расположенной рядом средней школы № 28. О творчестве Владимира Григорьевича говорили на открытии мемориальной доски писатели Евгений Новичихин и Виктор Будаков. Анатолий Кобзев и молодая поэтесса Мария Соколовская прочитали стихи, посвящённые Гордейчеву.

СЕМЬ НОТ

Человек счастливых случайностей

В фойе Большого зала Московской государственной консерватории к какому-то юбилею развешена небольшая выставка, посвящённая Леониду Леонидовичу Сабанееву. Так неожиданно и приятно его возвращение в родные стены. Один из самых талантливых музыковедов в истории русской культуры. Выяснилось, что этой специальности не везёт на таланты. До сих пор. На стыке столетий блистал Леонид Леонидович, а впоследствии разве только Иван Иванович Соллертинский. Правда, будь они знакомы — никогда бы не сошлись в оценке творчества Д.Д. Шостаковича. Иван Иванович композитора боготворил, а Леонид Леонидович оценивал его произведения весьма прохладно.

Сабанеев с большой теплотой вспоминали в конце января в Государственной консерватории Нишцы, это было особенно приятно, поскольку с Нишцей связан огромный и не простой период его жизни, здесь же, на Лазурном берегу, на русском православном кладбище Кокал он и похоронен.

Замечательно, что у нас лет десять назад напечатала наконец его «Воспоминания о Скрябине». Благодаря Вере Леонидовне Сабанеевой-Ланской мы все можем познакомиться с его незавершенными, но очень интересными мемуарами. Чувствую, что и эта маленькая выставка в БЗК без Веры Леонидовны не обошлась.

Сабанеев вовремя родился и очень хорошо о себе позаботился — его кроме музыки интересовали науки, философия в частности, литература и многое другое. И во всех этих увлечениях он был серьёзным специалистом. В одной из лучших своих статей о Николае Карловиче Метнере он возводит в достоинство композитора новое измерение музыки «в глубину». И сам, надо заметить, не пренебрегал этим качеством. Его критические разборы сочинений знаменитых современников отличались не только смелостью и остроумием, но прежде всего компетентностью. Леониду Леонидовичу было важно сообщить о композиторе буквально всё. Всякие детали и обстоятельства глубоко личной жизни. Он, видимо, считал это важным в представлениях о личности. И правильно, и восхитительно! Кто ещё сообщил бы нам в такой непосредственной и очень доходчивой форме об отношении Петра Ильича Чайковского к Бетховену. Восьмилетний Сабанеев, постигавший у С.И. Танеева премудрости гармонии и контрапункта,

запомнил, как Пётр Ильич жаловался любимому ученику: «Я боюсь музыки Бетховена, как боится большой и страшной собаки». В нескольких его замечаниях о Чайковском больше смысла, чем в трудах многих позднейших музыковедов и родственников композитора. Вот эпизод с манускриптом Пятой симфонии. Чайковский «подарил» его юному Сабанееву. «Рукопись была разорвана почти пополам, и на главном листе красовалась надпись красным карандашом поперёк: «Страшная мерзость». Вручая мне этот памятник своей неврастении, Пётр Ильич ласково сказал: «Когда будете композитором — не пишите так скверно». Роман. В нескольких строчках. И у него повсюду романы и голливудские сюжеты. Куда, спрашивается, смотрят создатели дебильных телесериалов? К сожалению, ни малейшего отношения к отечественной культуре эти пошлые фигуры не имеют. А Леонид Леонидович в этой культуре не только весьма заметен, но и современен в восприятии жизни, творчества и людей.

Любимые герои — Скрябин, Танеев, Чайковский, Метнер, Рахманинов, вся «Могучая кучка». Они становятся такими и для всех читателей Сабанеева. Он один из лучших литераторов Серебряного века. Не могу удержаться и цитирую маленький (но какой!) отрывок из его воспоминаний о Скрябине. «Мы (Скрябин и Сабанеев. — Ю.Д.) вошли в маленький провинциального вида домик Танеева в Гагаринском переулке, среди тихого двора с каменным мрачно-ленивым барбосом — Танеев любил жить только в таких домиках и чтобы непременно «не было» ни электричества, ни водопровода, ни отопления. На двери висела предупредительная надпись: «Сергея Ивановича дома нет»; но мы знали — это было для людей вообще, а не для нас». Читать одно удовольствие и Сергея Ивановича — наставника обоих — лучше не представлять.

Всякий раз в Большом зале консерватории я вспоминаю, что именно по этой сцене Леонид Леонидович водил крайне любознательного Льва Николаевича Толстого. Только что установили орган и на Льва Николаевича все эти трубы производили почти мистическое впечатление. Он всё спрашивал и спрашивал, слушал звук, а Сабанеев, уже хорошо знакомый с классиком, поражался его неслыханности и любопытству, которыми потом, спустя многие годы, восхищались, запомнив экскурсию со Толстым как большой подарок случая.

Один из уроков блистательного музыковеда — не упускать возможности ближе познакомиться с интересной тебе личностью. Сам он интересовался весьма широким кругом людей — от членов царской фамилии до философа Владимира Сергеевича Соловьёва, которого в детстве называл «дядя Шуба», суровый Танеев не мешал его общению со Скрябиным... Общаться, обязательно общаться, чтобы понять и сочинение, и автора. И выполнить второе условие — «точность фактической стороны». Для него это был закон. Никогда не нарушаемый.

С огромным интересом жду, какие ещё сюрпризы готовит нам неизвестный пока сабанеевский архив. Теперь всюду, в том числе и в университетах США, работают наши специалисты. Было бы хорошо, если бы тонкие и умные наблюдения талантливейшего русского музыканта попали в добротные хорошие руки. Будем надеяться, что именно так и случится.

В феврале было немало удачных и не очень музыкальных вечеров и в зале Чайковского, и в Большом зале Московской государственной консерватории им. П.И. Чайковского. Но все они уступают маленькой скромной выставке, напоминающей всем нам об истоках русской музыкальной культуры и о блестящих её создателях.

Юрий ДАНИЛИН

ПРЕМЬЕРА

Марина Неёлова платит за талант

На днях в «Современнике» состоялась премьера спектакля по сценарию Ингмара Бергмана «Осенняя соната» в постановке ученицы Сергея Женовача Екатерины Половцевой, где зрители ещё раз убедились: прекрасное не терпит суеты, а полгода репетиций принесли свои зримые плоды.

Вопреки утверждению некоторых критиков, будто психологический театр загибается и ему пришёл конец, всё-таки появляются спектакли, где «дышат почва и судьба», и хочется воскликнуть: «Да здравствует русская душа», которая не умерла и через боль и страдание обретает смысл жизни.

Понятно, что у каждого человека он свой. Неважно — большой или маленький, это как посмотреть. Но есть вещи, с которыми связано всё самое важное, самое дорогое, самое ценное, ради чего стоит жить. Казалось бы, ну зачем такие громкие слова, если в «Осенней сонате» речь идёт всего-то о распадае семьи, о двух одиноких дочерях и не менее одинокой матери, ставшей им чужой, о непонимании и эгоизме. Ведь подобное встречается на каждом шагу, и люди не кричат — мир рухнул, а продолжают делать вид, будто всё хорошо. Наверное, дело в том, что есть повседневная жизнь, когда человек обслуживает себя: ест, спит, покупает тряпки, даже делает карьеру. А есть внутренняя жизнь, куда он редко кого пускает, а вдруг не так поймут или, того хуже, осудят, вот и приходится охранять свой мир крокосмос от всего и вся, оста-

Михаил ГУТЕРМАН

ваясь в одиночестве до конца земной жизни.

Казалось бы, любая мать, рождая детей, надеется пролить грозкие слова, если в «Осенней сонате» речь идёт всего-то о распадае семьи, о двух одиноких дочерях и не менее одинокой матери, ставшей им чужой, о непонимании и эгоизме. Ведь подобное встречается на каждом шагу, и люди не кричат — мир рухнул, а продолжают делать вид, будто всё хорошо. Наверное, дело в том, что есть повседневная жизнь, когда человек обслуживает себя: ест, спит, покупает тряпки, даже делает карьеру. А есть внутренняя жизнь, куда он редко кого пускает, а вдруг не так поймут или, того хуже, осудят, вот и приходится охранять свой мир крокосмос от всего и вся, оста-

Чтобы такое сыграть и зрители поверили, надо обладать собственным опытом ошибок, недоразумений, раскаяний и потом, сжав своё сердце в кулак, выбросить накопившееся в притихший зал. У Марины Неёловой, давно не игравшей новых ролей после блистательного Акакия Акакиевича, абсолютный слух на правду чувств. В грустной и одновременно светлой «Осенней сонате» с падающими листьями, похожими на сожжённую бумагу, где всё говорит о приближающемся закате большого таланта, она создаёт образ противоречивой, неумной природы: сильной, страстной, безжалостной и безумно эгоистичной. По сути Неёлова изображает эгоизм таланта, выше которого для неё ничего нет. Ни умирающая от ненависти.

ПРОВИНЦИЯ. АВАНСЦЕНА

Чему удивляться будем?

В далёкие советские времена часто цитировали знаменитого актёра и режиссёра Алексея Дикого, который, приступая к репетициям, любил повторять: ну-с, чем удивлять будем? Теперь фразу эту вспоминают редко, и мат-пермат, голые тела на сценах, половой акт, бомжатники и помойки давно удивлять перестали. «Перелопаченной» классикой, где часто не узнать первоисточника, тоже нынче не удивить.

Чему удивляться? И вдруг, когда я попросту заревела во время спектакля по пьесе Эрика-Эмануэля Шмитта «Отель двух миров» в НЭТе, экспериментальном театре в Волгограде, а назавтра заспорила с руководителем и единственным режиссёром постановщиком этого театра Отаром Джангишеравили после другого его спектакля по пьесе А.К. Толстого «Царь Фёдор Иоаннович» (здесь она называется «Царь-убийца»), я вспомнила и фразу Дикого, и поняла про саму себя, что я ещё, оказывается, могу и удивляться, и плакать в театре.

После великого спектакля Бориса Равенских в Малом театре, когда в главной роли был Иннокентий Смоктуновский, нам обоим, и мне, и Отару Ивановичу, довелось присутствовать при становлении спектакля, он тогда был стажёром, а я возглавляла литературный отдел театра, — сама пьеса эта мне казалась закрытой. Сколько бы я потом ни видела царей Фёдоров и его сподвижников, пьеса-то ставится, в ушах всегда звучит прекрасная торжественная музыка Георгия Свиридова, перед глазами стоит незабываемая благородная фигура царя-сталдаца с его верной Ириной, тогда Галиной Киришиной, на всю жизнь запомнившиеся картины русской истории.

Ничего подобного нет в новом волгоградском спектакле. Аскетичный в чёрных сукнах, он не ищет исторического правдоподобия, он как бы сознательно обесцвечивает прошлое, убирая из него и нарядные одежды, и всяческую декоративность, могущие отвлечь от главно-

го. А главное для постановщика, как ни парадоксально и неожиданно это выглядело на первый взгляд, — не фигуры протагонистов, чьими именами названы все три части знаменитой трилогии Толстого, а те, кто всегда оставался в тени и был лишь массовой, кто даже не поименован в пьесе, просто — народ, оказавшийся сегодня самым интересным для Отара Джангишеравили.

Именно эти безвестные люди жили на Руси при всех правителях и режимах, их интересами лишь спекулировали, никогда всерьёз о них не думая и не заботясь, их поддержки искали, но долги отдавать забывали. Они жили, рожали детей, умирали, нуждались, были «пушечным мясом» на бесчисленных войнах, вроде бы участвовали в разных исторических событиях. Пили и пели... гуляли... погибали первыми, расплачиваясь за чью-то интересы... Знаменитую пушкинскую ремарку из «Бориса Годунова» — «Народ безмолвствует» — здесь стараются расшифровать.

Народу на сцене кажется много, по ходу действия он меняет костюмы, комментирует события и для режиссёра гораздо важнее правителей. Он не хочет адвокатствовать слабости Фёдора (Евгений Тюфяков), мне-то показалось, что царь слишком однозначен в спектакле, но это сознательный замысел, и спорить с ним бессмысленно. Никакая доброта не искупит нерешительности и бездействия, так же порожающих зло, как жестокость Годунова (Олег Алексеев), как параною введённого в пролог спектакля из другой толстовской пьесы Иоанна Грозного (Владимир Бондаренко). Все они объединены в спектакле его заголовком — царевичи, и амнистии не подлежат. И я, не всё принимая в спектакле, понимаю его истоки, мучительные мысли, рождённые сегодняшним днём. А по законам дня сегодняшнего его мысли и чувства выражает гармонист в тельняшке, какая разница? Когда-то он был скитателем или скомоухом... Теперь звучат песни Игоря Растеряева «Ромашки», «Русская дорога», «Комбайнёры», «Бо-

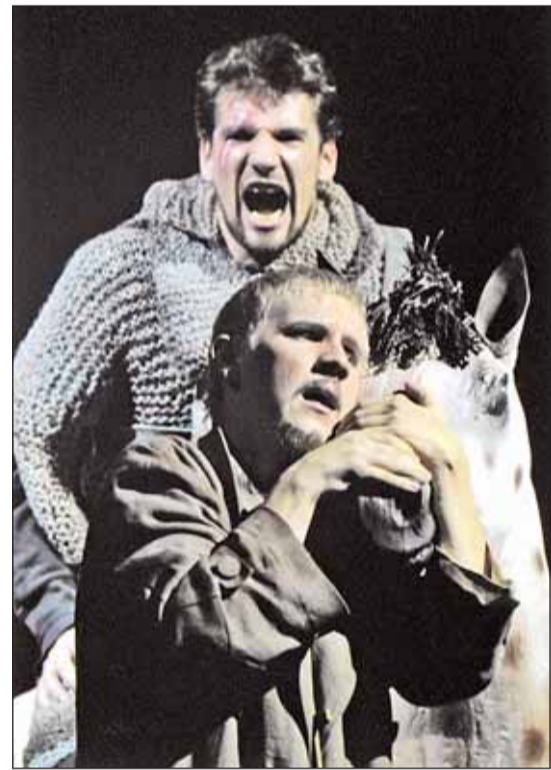
Елена, ни разрыв со старшей — Евой, поселившейся с нелюбимым, но благородным мужем в скромной пасторской усадьбе. Встреча матери и старшей дочери после семилетней разлуки напоминает скучную церемонию приёма когда-то знакомых, но чуждых друг другу людей, которые не знают, как себя вести: то ли изображать радость на лице, то ли заняться распаковкой тяжёлых чемоданов. По всему видно, женщины что-то скрывают, боятся обнаружить свой страх, но каждая из них нафантазировала собственное представление о встрече. Гастролирующая по миру пианистка, привыкшая к роскошным отелям, весьма уютно чувствует себя в аскетичной обстановке, но старается не подавать вида. Поэтому не умолкает болтает о разных пустяках, даже не осознавая, насколько нелепо и смешно она выглядит в своих туалетах от Диор в деревенском домике, напоминающая яркую бабочку, случайно залетевшую не туда. Ну а замкнутая Ева в старушечьих очках и растянутой кофте, чем-то похожая на монашку, в исполнении Алёны Бабенко, наоборот, перестала обращать на себя внимание. Теперь у Евы только одна надежда, что эта встреча наконец-то решит её комплексы и она освободится от диктата матери, которая постоянно давила на неё своим талантом. Но дни идут, а в их отношениях мало что меняется, разве только упреков становится больше — обиды прошлого живут, не отпускают, и пропасть между ними не сужается, а расширяется, поэтому им не надо больше встречаться. Слишком разные у них представления о жизни и успехе, слишком по-

разному они смотрят на мир. И если Ева считает, что угасая Елена (актриса Елена Плакшина) должна жить у неё, а не в больнице, то для Шарлотты младшая дочь давно умерла. И потом сам вид прикованной к инвалидной коляске бедняжки, потерявшей дар речи, приводит в страшное замешательство, ей неприятно и больно видеть безобразное. Даже запоздалое раскаяние не отразится на холёном лице матери, только мимолётная жалость, как к любому бедному существу.

Как это называется? Неужели в ней так велика любовь к себе, что в её сердце не осталось места для материнских чувств? С одной стороны, это чудовищно и вызывает отторжение, а с другой — не будь гиперфигурованного эгоизма, Шарлотта никогда бы не поднялась на музыкальный олимп. Музыка сделала её глухой по отношению к семье, детям, даже много сделавшего для неё второго мужа она не собирается бесконечно оплакивать, потому что силы нужны для другого — для покориения зрителей.

Вместе с артистами режиссёр Екатерина Половцева решает очень важную, можно сказать, неразрешимую проблему: что лучше — самозабвенное служение искусству или долг матери, жены? Но вразумительного ответа публика не получает, ибо в каждом случае герои решают эту дилемму по-своему. Думаю, что и Марина Неёлова не смогла бы на этот вопрос ответить однозначно, так как по себе знает: художник всегда платит своей случайной жизнью за несчастливо выбранный путь.

Любовь ЛЕБЕДИНА

Сцена из спектакля «Царь Фёдор» (артисты Е. Тюфяков и А. Мельников)

удаётся это самой юной паре, которой дано прожить здесь совсем уж неожиданную историю встречи, любви и расставания. Так же как ещё одному герою, потрясённому силой чужого чувства и захотевшему отдать своё сердце взамен большого ближнего.

Вот ведь, оказывается, и сегодня может быть в театре замечательная литература, я имею в виду одного из лучших современных писателей Э.-Э. Шмитта, который предлагает театру необычную не только по теме, но и жанру — размышления — оригинальную талантливую пьесу. И есть театр, какое счастье, что мне удалось побывать в Волгограде! Который сумел выбрать и поставить такую пьесу. Спасибо за то, что мне удалось удивиться в театре!

Анна КУЗНЕЦОВА, ВОЛГОГРАД

КНИЖНЫЙ РЯД

Доброволец

Жил человек. Его знали то чтобы многие — все. Он много и с упоением работал, затем воевал, после — снова и снова работал. Был верен идее, был верен себе, был верен своему театру. Его кругом общения была вся страна. Его облик хранят километры целлулоида, его ни на какой не похожий тембр голоса ещё долго не уйдёт с магнитных лент Гостелеерадио. Пока магниты будут оставаться биполярными — точно!

И что? А вот что: когда героя зовут Зиновий Гердт, писать о нём как о Залмане Храниновиче по меньшей мере странно. Да, именно так было на самом деле прославленного актёра и порядочного, по уверению всех, его знавших, человека, но есть ли в этом какой-то особый смысл?

Пройдёмся вкратце по биографии Зиновия Ефимовича. По той её части, которая известна всем, которая лежит в области мифологии, сопряжена с легендой, а последнюю развенчивать нельзя. Итак. Где родился, публике не так важно: достаточно того, что герой всегда

приходит со стороны, но при ближайшем рассмотрении оказывается «своим». Так вот «Зяма» Хранинович пришёл некогда в Москву. Он учился в ФЗУ, стал электриком-метроостроителем, но это тоже — скрытая часть пути, свойственная структуре мифа. Проявляется он в студийной театральной работе — и только с этого момента можно говорить о настоящем «проявлении»! Рядом с Валентином Плучком, другими прославленными деятелями советской культуры начинает переживать свой собственный миф.

Стандартно для традиционных представлений герой претерпевает «уход-возвращение». Особый мистический момент — момент второго рождения и смерти прежнего человека — это война, на которую Гердт пошёл добровольно. Он достоин воевать, был награждён медалью «За отвагу», и только тяжёлое ранение не позволило ему участвовать во

взятии Берлина. Одиннадцать операций, хромота на всю жизнь — Гердт возвратился к мирной жизни.

Слишком долгое для обычного человека служение единственному театру — кукольному Образцову, свыше 70 ролей в кино, многочисленные озвучивания за кадром, выступления на ТВ — Гердт говорил с нами так, будто хотел донести какое-то универсальное по сути послание. Он весь принадлежал русской культуре её не очень простого, но существенного периода — периода «поздней империи», он разговаривал с «империей» на «внеплановом» языке. Он знал, что будет услышан.

И не ошибался! Короче, биография этого человека должна быть не только захватывающей, но и длинной, подробной, с прояснением всех метафизических деталей. Он был мифом, мифом должен оставаться — слишком дорогим

для России оказалось «срывание покровов». Традиция стыдлива и целомудренна — в ней герой, даже совершая «странные» поступки, остаётся верен себе, а его «грехи» находят высшее оправдание. Ничего личного.

Что же мы видим в изложении Матвея Гейзера? Этнически суженный круг общения Зиновия Гердта и педальирование его метастекового происхождения. Даже странно: будто не был Зиновий Ефимович русским и другом каждого русского!

Нужны такие биографии, какую предложил Гейзер? Он беспредельно сузил своего героя, выкинув его из культуры «большого стиля», а это нечестно.

Ни по отношению к Зиновию Ефимовичу Гердту, ни по отношению к нашей великой культуре.

Пётр КАСТУРСКИЙ

Зиновий Гердт / Матвей Гейзер. — М.: Молодая гвардия, 2012. — 270 [2] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: Малая серия; сер. биогр.; вып. 28). — 5000 экз.

ДИСКУССИЯ: ОСТАНЕТСЯ ЛИ РУССКИЙ ВЕЛИКИМ И МОГУЧИМ?

Родное слово – знак спасенья

ИТОГИ «ТОЛПОТВОРЕНИЯ»

На первый взгляд может показаться, что русские потерялись в своём геополитическом пространстве, перестали ощущать его пульс, а вместе с ним и жизнь своего языка. Так, например, студенты, пришедшие в вуз после окончания школы, делают для себя удивительные открытия, узнавая, что не только английский, но и русский является мировым языком, одним из лидеров в своём коммуникативном ранге, способным обеспечивать международное общение. Ведь только на территории Российской Федерации проживает около 180 народов!

Зачастую никто из участников образовательного процесса не задумывается об этом и не заботится о ликвидации безграмотности в этой области. Более того, насаждается англизация информационных пространств (торговля это принимает как данность: язык того, кто первый продал технологию миру, получает приоритет при продвижении товара). А чем мотивирована устанавливающая привычка давать английские и псевдоанглийские названия магазинам и мелким лавочкам в российских городах и посёлках, где и тогда-то иностранца не ступала ни разу? Мы сами часто сужаем пространство своего языка, покорно заменяя его иностранным там, где он по праву являлся бы альтернативой последнему. Наверное, хорошо, что русские могут «козырнуть» знанием иностранных языков, но ведь есть и вопросы идеологии своего этнокультурного пространства.

Дети нашего смутного времени словно лакмусовые бумажки демонстрируют следы тех процессов, которые мы, старшее поколение, запустили (или попустили) в своё время. Особенно ярко ущербность общения проявляется в **утрате чувствительности к стилям родной речи**. Если академики и учёные ещё не стесняются выказывать уважение друг другу в обращениях («Глубоко уважаемый Иван Иванович!», то молодые «рубаци-парни» панибратски обращаются к преподавателям, старшим коллегам и редакторам научных журналов: «Здравствуй (те) Иван». Естественно, такая форма обращения звучит вульгарно для уха русского человека, воспитанного в иерархии ценностей советского времени. Англизация здесь очевидна как и дефицит начального воспитания и образования.

Вызывает беспокойство отсутствие знаний о языковых средствах, позволяющих полноценно выразить свои мысли. Примитивизация дискурса проявляется в клишированности и упрощённости средств выражения смыслов: зачастую от человека невозможно добиться полноценных высказываний ни в письменной, ни в устной речи. Они заменяются ключевыми словами. Атрофия чувствительности к многообразию средств родного языка, утрата любви к родному слову, низкая грамотность, пренебрежение нормой — вот далеко не полный перечень вызовов, с которыми приходится иметь дело русским гуманитариям.

Проведя экспериментальную работу в вузах самых крупных сибирских городов, мы получили длинный до бесконечности список элементарных орфографических (если бы только!) ошибок, которые очень хотелось бы отнестись к специальным (шутки ради) искажениям форм, но никак не получается,

Чего боятся русские, думая о будущем? Потерять своих детей, как это уже не раз случилось в насыщенном кровопролитными войнами прошлым веке. Однако дети не только гибнут на полях сражений. Можно не найти с ними общего языка, и они уйдут от нас сами. Разрыв поколений столь очевиден, что даже из уст корифеев лингвистики можно услышать, что только язык объединяет сегодня наш народ.

Этнизация языковых процессов неизбежна в силу природы языка как знаковой системы, способной выводить вонне содержание нашего сознания. Одновременно неизбежна и их глобализация, то есть расширение функций языка при расширении культурного пространства его носителей. За этническое и цивилизационное расширение или, наоборот, сужение пространства культуры платит не только народ, но и его язык. Рассматривая язык как объект воздействия, мы должны понимать, что не сам язык — конечная цель такого воздействия, а сознание его носителя, тот образ мира, который мы в своей общепородной деятельности (или бездеятельности) вырабатываем и оставляем в наследство нашим потомкам в качестве привитых с детства мотивов и установок на организацию своего жизненного пространства.

Фотом: ЕВГЕНИЙ

так как они упорно повторяют у разных участников эксперимента. У наших студентов *мука молется, сумашедшие портяны возделывают кого-то, лаконичный лак и цвет, лаконичный = лакированный, бизнес экспортирует неветь, но есть потрепизм, рубль, трайлебус, систра и другая веш*. Сюда можно добавить: *лож, наметник, писемизм, шарв, медко, не даватся, мелция, сталица, учоба, кено, песатель и многие другие*. В общем, *скорбь великому реформисту*, ибо эти перлы стали нормой для выпускников школ, поступивших в вузы.

И это происходит несмотря на богатство новых информационно-технологических возможностей, которые, казалось бы, должны способствовать обратному. Нельзя не согласиться с коллегами в том, что отчасти проблемы связаны с состоянием современных СМИ и Интернета. Концентрация знания зрителя (читателя) всё время разрушается под воздействием рекламы. Люди привыкают к этому, и такая схема восприятия информации входит в подосознание. Достаточно переключить телевизор с самых доступных каналов, где господствуют развлекательные рекламные передачи, на канал «Культура» и посвятить какое-то время просмотру полноценного транслируемых передач, чтобы понять и ощутить разницу между потреблением картинок, перемежаемых с установками на псевдопотребности от торговца брендом (то есть толпотворения) и подлинным общением (истинным контактом) носите-

лей культуры. Второе требует времени и творческих усилий как от создателя культурного явления, так и от адресата.

Носителям русского языка сегодня не грех задуматься: как каждый из нас транслирует русскую культуру через свой родной язык. Что именно он несёт миру? Не потому ли культура наша стала терять привлекательность для других, что мы сами утратились от её созидания и сохранения?

ИСХОД В РЕФОРМАТОРСТВО

Современное русское общество самоустраивается и от языковых процессов. Даже лингвисты уходят из лингвистики, переключая своё внимание на искусственно сконструированные ментальные процессы, что настраивает на пессимистический лад при осмыслении ближайшего будущего нашей науки. Как редактору научного журнала мне приходится констатировать, что в среднем из каждых десяти рукописей, поступающих в редколлегию в последние годы, 80% посвящено описанию многократно изученных (и по одному шаблону описанных) концептов. Очень хорошо, если в оставшихся 20% действительно исследуются языковые процессы.

Увлечённость менталистикой — одна из причин, по которым языковые изменения последних десятилетий остаются во многих своих аспектах вне поля зрения специалистов, а потребность общества в большой работе по упорядоче-

нию и нормированию новых сфер использования языка — неудовлетворённой. В масштабах страны так и не решены вопросы систематизации и описания с переводом в учебный формат новых научных достижений, особенно в междисциплинарных областях. Такие дисциплины, как социо-, психо- и этнолингвистика, могут уже сейчас давать ответы на вопросы, волнующие молодое поколение русских людей, уж не говоря о типологии языков Евразии, дающей ключ к лингвистическому, а вслед за ним и культурному, экономическому, политическому взаимодействию в нашем геополитическом пространстве. Однако доля этих дисциплин в наших стандартах ничтожна, а в усечённых реформаторством программах бакалавриата им вообще не отводится места. Предлагаемые высшей школе схемы финансирования исключают возможность нормального выполнения масштабных лингвистических проектов.

Современному человеку бросают вызов не только природные катаклизмы, но и техногенная цивилизационная среда, созданная им самим. Подлинная культура не как пресловутая товарная форма, а как чисто человеческий способ регуляции поведения себе подобных, единственная способность противостоять этим угрозам. Она состоит из нравственных выборов и поступков, а не из компромиссов с драконом саморазрушения. **Подлинная культура требует и экологичности нравственных решений.** Выпавшие из неё, растерянные русские на рубеже веков всё время по привычке подгоняют себя под умозрительные мировые стандарты, вместо того чтобы давать своим детям элементарные знания, приобщая их к нормам родной культуры и разъясняя им угрозы цивилизации. Языковой результат суевливно-реформаторского воспитания очевиден — вульгарность, грубость, агрессивность общения.

Советская система образования, вопреки вылитым на неё ушатом грязи, была вполне достойной, адекватной задачам высококомбинированного общества того времени. Она отвечала интересам производителя, инженера и рабочего. Если этому обществу чего-то не хватало, оно стремилось создать недостающий продукт самостоятельно. Как человек, выросший в семье инженера и в окружении таких же семей, я прекрасно помню это состояние общественной среды. Сами проектируем и строим себе лодки, на которых много лет плаваем, изучая родные просторы, выделываем шкуры и шьём шубы для всей семьи; кладем печи; проектируем и возводим постройки; создаём машины. И всё это без отрыва от основной работы на предприятии! Любая техническая неполадка, любая задача легко решалась в семье инженера, а его образование позволяло ему всё это делать.

Постперестроечная система отформирована под торговца, а потому она часто ориентируется не на свои мозги и производство, а на потребление готового продукта, пусть даже произведённого непонятно как и из чего и завезённого непонятно откуда. Очевидно, что общество утрачивает навыки созидания при таких подходах, а внутренний раскол, замешанный на потребительском нигилизме, только усиливается за счёт импортированных идеологем. Безнравственность наших реформ в том, что они шли от установок этого

нигилизма. **Они были начаты и проведены, прежде чем общество смогло прийти к осознанному согласию об их содержании и целесообразности.**

«БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ»

Что ищет для себя в будущем уставший от преобразований русский? Покоя? Как решается классический гамлетовский вопрос «быть или не быть»? Ища покоя и свободы от цивилизационных проблем, мы убегаем в другие страны, в себя, на новые «просторы». Но куда бы мы ни убежали, свою цивилизацию мы несём с собой. Поэтому есть другая, подobaющий истории своего отечества путь — не под покровы удобного цинизма, с которым легко не быть, а в **лоно родной культуры, где нужно быть и утверждать себя, и идти, и преодолевать, и обрести чувство собственного достоинства, и передавать его детям.** Нужно искать ответы на самые трудные вопросы. Вот один из них: что мы как этнокультурное сообщество сделали со своим отечеством за последние десятилетия? Самоутвердился и упаковались в броню индивидуальные отсеки? Что можно передать в таком состоянии своим детям? Они уже связывают свою страну и язык с **русскостью**, а готовы ли мы к этому?

По данным массового ассоциативного эксперимента, который проводился лингвистами в азиатской части России, устойчивость связи образа ЯЗЫК с образом РУССКИЙ только за последние несколько лет возросла многократно. Можем ли мы сегодня осознать в полной мере роль нашего языка в самоидентификации людей русского мира? Она растёт объективно, но сможем ли мы управлять этой стихией? Что подлинно значимого о стихии нашей народной жизни и о своём отечестве можем мы, лингвисты, филологи, литераторы, поведать, глядя в глаза наших детей? Для такой исследовательской и образовательной деятельности нужна не митингово-лозунговая идеология патриотизма, не перманентное реформирование стандартов, а вдумчивая работа, тёлпый, задушевный разговор учителя с ребёнком в лоне родной культуры. Нам нужны и знания языка, и знания о языке, о стихии этнизации языковых (и иных социальных) процессов для передачи системности и богатства образов родной культуры. Нужна государственная программа информационно-аналитической поддержки повышения квалификации лингвистов при снижении эксплуатации преподавателя и расширении его поля свободы для творчества.

Спасёт ли нас родной язык в нашем желании обрести единение в родном отечестве? Конечно, если мы примем его со всеми новообразованиями и «изъянами», с любовью и радостью будем изучать и созидать его мощь и богатство, если сумеем воспользоваться им, чтобы растолковать себе и нашим заражённым вирусом потребностям и равнодушным детям, что значит быть русским сегодня и нести ответственность за своё многонациональное отечество. **Ведь только родное слово может начертать в наших душах лик народа, тот спасительный образ, за пределами которого звериный вольв толпы.**

Ирина ШАПОШНИКОВА,
доктор филологических наук,
профессор Новосибирского государственного университета

РЕЗОНАНС

«Ты всё ещё поддержка и опора». — «ЛГ», № 6

На самом деле всё гораздо тревожнее

Вновь вернулась к статье, которую прочитала одной из первых. Полностью согласна с автором. Все накопившиеся проблемы, связанные не просто с небрежением нормой, а с явным глумлением над нашей святыней (умышленным искажением форм языка, засорением вульгаризмами, словами-паразитами, попыткой изменить лексическое значение глубоких по сути слов, измелчить их, упростить и т.п.), надо немедленно решать на государственном уровне. И хватить прикрываться так называемой демократией, потому что это никакая не демократия, а самая настоящая анархия.

Татьяна ЛИТВИНОВА

Человечество тонет в море полезной и вредной информации, обрившейся на него на закате XX века. Тектонический информационный сдвиг чудовищен, и спрогнозировать, закончится ли этот отрезок земной истории новым золотым веком (что вряд ли) или какой-нибудь воплотившейся антиутопией (что более похоже на правду), сейчас весьма сложно. Так или иначе, но кто-то вынужден будет «прикрутить» этот кран, или последствия для страны да для человечества могут стать необратимыми. Практически во всём разделяю соображения и опасения автора. Единственная мелочь — говоря о количестве ошибок в публичных текстах лет 20 назад, не следует забывать, что само количество публичных текстов тогда было значительно скромнее, и получить право их создавать было гораздо сложнее. А сейчас создание публичного текста вполне доступно любому питекантропу...

Антон МАЛКОВ

Удградации русского языка много причин. Одна из существенных — это практически перманентное ускорение жизни в конце XX — начале XXI века. Говорить приходится быстрее, короче, «информативнее». Закономерно, что и качество общения страдает, язык становится примитивным, жёстким, динамичным. Объективная сторона ускорения связана с небывалым технологическим и информационным развитием.

Субъективная причина ускорения связана с тем, что определённые лица и социальные группы без всякой оговорки и необходимости ещё и искусственно навязывают обществу сверхдинамичный темп жизни. Яркий пример — речь некоторых журналистов в электронных СМИ. И ведущие новостей, и репортёры, передающие информацию «с мест», часто тараторят как ненормальные. При таком «тараторинге» они и говорят коряво, и сбиваются. Хотя анализ информационных потоков показывает, что все необходимые сведения в большинстве случаев могут быть сообщены на нормальном, грамотном и относительно неспешном русском языке и при вполне адекватной эмоциональной реакции информантов.

Ещё один пример навязывания обществу ненужного динамизма — реклама. Дескать, жизнь всё ускоряется, поэтому граждане должны всё успевать и, следовательно, обязательно приобретать новые, исключительно важные товары, которые им обязательно помогут быть в нужном «тонусе». Представляется, что в ряде случаев стабилизировать ситуацию с использованием языка может грамотная редакция и кадровая политика в СМИ, а также деятельность соответ-

ствующих государственных институтов, занимающихся взаимодействием со СМИ и с другими организациями, генерирующими значительные информационные потоки.

Николай ЕГОРОВ

По существу с автором статьи согласен. По частности есть одно замечание. Автор пишет: «В настоящее время в вагонах московского метро размещены плакаты, широко рекламирующие подсолнечное масло «Золотая семечка». Честно говоря, не вижу здесь безграмотности. На мой взгляд, «семечка» — просто общепотребительный разговорный вариант. Проблема языковой нормы не так проста, как может показаться, и рубить сплеча здесь не стоит.

Ferapontych Starik

Языковая норма держится главным образом на авторитете: родителей, учителей, великих писателей и поэтов прошлого и настоящего... Но либеральная демократия, воспринимаемая как образ жизни, не признаёт самого понятия «авторитет», ибо оно, в противовес декларируемому равенству, подразумевает определённые «весовые коэффициенты». В либерально-демократической системе ценности каждый из живущих равен каждому из живущих. Прошлого не существует, опыт предшествующих поколений ни к чему никому не обязывает. Все запреты или правила так или иначе суть проявления равнодействующей индивидуальных волей, то есть исходят от каждого. При таком подходе можно к галадке не ходить: языковая норма неизбежно развалится. Что, собственно, и наблюдаем.

В сложившейся ситуации у многих возникает соблазн призвать на помощь право и закрепить языковую норму с помощью единственного признака ускорения — языка демократией механизма, то есть юридически. Но это, к сожалению или к счастью, нереально — в первую очередь из-за логической неувязки: может ли некий правовой акт устанавливать нормы, применимые к самому себе? А с ненужными словами что делать? Ведь если они запрещены, их нужно исчерпывающим образом перечислить в законе, что само по себе нарушает запрет... То есть лично я решения этого вопроса в либерально-демократической системе координат не вижу.

Что касается Интернета. На мой взгляд, Интернет провоцирует все те языковые явления, которые мы наблюдаем, не сам по себе, а в основном именно за счёт формирования среди молодёжи иллюзии «сетевой демократии» — демократии нового поколения во всех смыслах этих слов. За последние пару месяцев мы увидели последствия в сфере политики, но в сфере обычной жизни их не меньше.

Проблема сегодняшнего упадка культуры речи коренится в первую очередь в изменении взглядов на жизнь, в отказе от самого понятия «авторитет». А вследствие этого — снижение интереса к чтению, к учёбе, к следованию нормам, непонятию кем и за чем установленным... Тут уже деградация не только мышления, но и морали понахивает.

Но это уже — другая тема.

Роман СИНЕЛЬНИКОВ

«Фсё» должно «устроиться»

Спасибо «ЛГ» за то, что подняла тревогу по поводу сохранения и сбережения родного языка. Несколько лет назад, работая в одном журнале со свободным режимом, решила осуществить свою мечту: пойти в «мальчишеское» ПТУ, чтобы преподавать основы права и сберечь подростков от необдуманных, а то и роковых поступков (меня всё ещё преследует синдром спасательницы под влиянием прочитанной в юности «Пропасти во ржи»). Нашла такое заведение, как и все ПТУ, срочно переименованное в колледж. Так вот ребята (в основном из неполных, малообеспеченных семей) за редким исключением поразили своей душевностью, мужской надёжностью, трезвой оценкой возможностей (все хотели получить хорошую работу, завести семью и детей), а ещё — безграмотностью.

Я нередко проводила с ними письменные работы. Две трети группы (15 человек) писали, как слышали: «устроцца», «саленный», «зделано», «взять в жоны». Но больше всего поразило то, что юности совершенно не понимали структуру русского языка, не понимали смысла ядра слова — его корня — и как с помощью приставок, суффиксов и других языковых средств разрастается могучее, бесконечное и прекрасное древо языка... Оказывается, на уроках русского языка в школе с ними никогда

не занимались этимологией слова, они учили зазубренные правила, и русский для них — всё равно что китайская грамота.

Недалеко от этих ребят по уровню грамотности ушли студенты вузов из благополучных и более обеспеченных семей. Недавно получила письмо из Питера, где мой друг, известный архитектор и художник, преподаватель архитектурно-строительного, с ужасом рассказывал о своих питомцах, которые теперь пишут сплошь и рядом на чертежах «фсе» и «разрзе». Причина, по его мнению, коренится в ЕГЭ.

Не отрицая пагубности этого фактора № 1 всеобщей российской безграмотности, выскажу другое предположение: не напоминает ли вам это «фсе» слово «шчас» — неприменный атрибут нынешних интернетовских диалогов? Игра в слова типа «шчас», «дока» при ежедневных многочасовых упражнениях за компьютером в пику хотя бы часу, выделенному на чтение художественной литературы (уже не говоря о поэзии), постепенно приводит к обеднению родной речи. Так уходит ЯЗЫК, а его место, как справедливо заметила Алла Кириллина («Глобализация и судьбы языков», — «ЛГ», № 5), «заменяет произвольный набор знаков», не слова, а знаки существующих пока слов.

Активное внедрение в устную и письменную речь англоязычных допоялает картину превращения человека в некоего трансформера, гражданина мира, для которого Россия — это «рашка», и можно бросать пустую банку изпод «Адреналина» в метро, а семечковой шелухой заплёвывать лифт...

Летом прошлого года из любопытства купила журнал «Юность Подмосковья». Могу порекомендовать прочитать его Алле Кириллиной в качестве наглядного подтверждения её тезиса о появлении нового типажа глобализации — жителя крупного города (в данном случае агломерации), ориентированного на индивидуальный жизненный проект с геонациональным уклоном и не отягощённого национальной идентичностью, и конечно, англообщающегося. Большинство фотографий мальчиков и девочек со стоматологическими улыбочками понадеграно из зарубежных изданий, почти все тексты посвящены «глобальным» молодёжным развлечениям («мвай таи» и т.д.), а также главному занятию современной молодежи Подмосковья — попытке «показать» себя, сделаться знаменитостью («ситиселебрити»). Кино представлено героями голливудских боевиков, чтобы те же юные серпуховчане знали, с кого делать жизнь.

В рубрике «Шопинг» приведены расчёты, во что обойдётся покупка амуниции для пляжного отдыха, чтобы в любом уголке земного шара чувствовать себя как дома. Получается (начиная с дорожного уюта, вместительных

сумок, зелёно-розовых ветянок, соломенной шляпы, пляжных полотенце с дельфинами, а также парео из дизайнерского магазина Яны Франк) сумма за 20 000 рублей. Это при том, что разбор зарплат в Подмосковье составляет от 5000 до 25 000 рублей, а деньги на велье юности и девушки будут тянуть с родителей (об их рабочих буднях журнал почему-то умалчивает).

Я совсем не ретроград и английский приветствую. Боюсь одного: чтобы те ребята, которые не стали звёздами, к чему их призывают под тезисом «ситиселебрити» (сделать из себя невесту что!), и не съездили на Мальдивы, не подумали бы, что жизнь не удалась, и не совершили то, что в последние годы выдвинуло Россию на первое место в Европе. Суицид. Мне по духу ближе молодые немцы — «глобалисты» или «анти», — которые без комплексов трудятся рабочими на предприятиях, в отпуске едут в Египет с одной парой шорт и двумя майками, горланят свои родные песни на немецком и счастливы, что жизнь удалась.

Что делать? После всестороннего обсуждения проблемы (затронуты лишь некоторые её грани) направить опубликованные в «ЛГ» материалы дискуссии в Общественную палату. Для разработки и принятия Федерального закона о сохранении русского языка как стратегической задачи национальной безопасности.

Галина МЫЛЬНИКОВА

ТЕЛЕАНАЛИЗ

Весь мир – театр спектакль цирк

Реалити-шоу продолжается на ТНТ

С момента своего появления и по сегодняшний день реалити-телевидение неуклонно продолжает свою экспансию, приобретая большую популярность и долю эфирного времени. Финал американского *Survivor* захватил около 40% зрителей всей страны. Испанский финал «Большого брата» отнял зрителей у футбольного матча «Реала». Реалити-шоу заняли топовые позиции по продажам DVD дисков в крупнейшей интернет-компании Amazon.com. В 2001-м отдельная номинация для реалити-шоу была учреждена американской телевизионной премией Emmy award.

Выросший из радионигр, любительских конкурсов талантов и шоу со скрытой камерой, этот жанр охватывает целый ряд телевизионных форматов – от студийных шоу до игр на выживание в невероятных условиях, а также программы, основанные на наблюдении за бытовой жизнью героев. «Американская семья» – первое реалити, вышедшее в 1973-м, превратило скучные семь месяцев съёмки в красочный и полный интриг 21 час эфирного времени. После жанр прославил датский «Большой брат», переименованный у нас в шоу «За стеклом», и созданный британским продюсером *Survivor* (русский аналог – «Последней герой»).

У этого жанра были и другие прекрасные перспективы. Вспомним спутниковое искусство Нам Джун Пайка, объединявшего в единый момент времени миллионы жителей Европы, Кореи и США, эксперименты Дугласа Дэвиса, который в своей передаче прижимал палец к телескопу, находя контакт со зрителем в прямом эфире. Но концептуальная искусство – вещь дозированная, поэтому шоу взяло в оборот возможности реалити куда ловчее. В реалити зрители привлекают интриги, живое развитие отношений, экстремальные испытания для участников, экзотика, но больше всего его занимают скандал, сцены жестокости и прилюдного унижения. Как показывают рейтинговые исследования, наибольший интерес у зрителей вызывают агрессивные персонажи, а наибольшую аудиторию собирают сцены насилия. Но сегодня всё большую популярность получают шоу с другим «мотором»: зрителей интересует старая как сама жизнь тема. Энергия эроса берёт верх над танатосом, оголяя основную инстинкт. Череда реалити-шоу, посвящённых интимным отношениям, прокатилась по миру. Голландия, где, кстати, впервые был показан «Большой брат», отличилась шоу *Spruten&Slikken*, изобиловавшим не только сек-

сом, но и наркотиками. В Венгрии в «Карточном доме» на экране показались настоящие проститутки за работой. У нас же стартовал уже второй сезон, кажется, гораздо более невинного реалити-шоу под названием «Каникулы в Мексике» (ТНТ). Шоу традиционному соревновательное, вот только участники соревнуются не в силе, ловкости или эрудиции, а в собственной сексуальности. Задача – найти себе пару среди участников и не остаться одиноким, пре-

смеха и радостных выкриков восхищения – эксперимент этот жесток. Вилла, где снимается проект, напоминает другое заграничное слово – ферма. Такое вполне себе хозяйское пространство, где обитатели, не стесняясь, плодятся, радуя «фермера» приростом рейтинга. Ведь в сократовском смысле эти молодые люди, так, как они показаны, даже и не люди вовсе. Мускулистые красавцы и загорелые красавицы – некая усреднённая постоянно перемешивающая

уловками, попытками участников «по-настоящему» влюбиться или хотя бы симулировать взаимную симпатию. Обозревающий со всех сторон и в любое время этих подопытных зритель обладает наиболее полной картиной, отчего его роль кажется самому себе доминирующей. Однако значение его не более чем марионетки, вообразившей себя директором кукольного театра. Разыгрывающиеся перед ним страсти к реальности не имеют решительно ни-

по сценарию, т.е. не стремятся быть похожим на кинозвезду или поп-диву, считается постыдным. Поэтому именно звёзды и прочие эманации спектакля фабрикуют потребности человека, навязывая одномерное сознание, снабжённое иммунитетом против собственной ложности: стыдом за недостаточное белоснежную улыбку или недостаточно внушительную мускулатуру. Поэтому, несмотря на призывы оставаться собой, звучащий в предревающей шоу песне, вряд ли участники проекта смогут шагнуть за рамки дозволенного рекламного облика.

Итак, эта безлика «нормальность» глядит на нас с экрана пустыми глазами, любящая на спектакль жизни, ею же сотворённый, и продолжает отдавать приказания, рекламируя не только вещи, которые нужно потреблять, но и образ жизни, который следует принять «актёру» общества спектакля. В «Каникулах в Мексике» работу этой глобальной системы мы видим концентрированной, возведённой в квадрат. Молодые люди, с визгом восторга бросившиеся в омут этой глянцево-силконовой жизни с клубничной отдушкой и перегаром текилы, от и до усвоившие уроки рекламы, теперь преподают их своему телезрителю в чистом дистиллированном виде. Закреплённые здесь образцы поведения демонстрируют в целом уже известную «норму» – преподнести себя как наиболее продвинутого потребителя. Помимо моделей действия зритель тут же предлагается соответствующий товар: основной доход реалити-шоу, как правило, получают от так называемого product placement – появления рекламного продукта в кадре. «Каникулы в Мексике» – ещё одна шестерёнка в машине СМИ со строго отведённой функцией производства вкусов, а следовательно, и потребностей толпы, а также невежества, пригодного для эксплуатации. На этом круг замыкается, вбирая в себя галактику побочных продуктов, подкармливая, поддерживая собственное существование расширяющимся потреблением.

Стоит ли обвинять это шоу в глупости, неэтичности, в показе полового акта, вуаеристских грешках и нецензурной лексике? Прощай, у нас этого права нет. Все мы из одной труппы, и нет над нами того руководителя, которому можно погрозить. Так что... Дамы и господа, представление продолжается!

Анна ЧУЖКОВА

одолев все интриги и козни соперников. Одиноким выходит из игры, а денежный приз достаётся самым «общительным». Проект выстраивает определённую модель коммуникации, где в атмосфере конкуренции участники зарабатывают репутацию среди зрителей и друг друга. Это по-своему социальный эксперимент: здесь воспитываются особого рода товарные отношения, где капиталом являются весь комплекс качеств, которые можно отнести к сексуальности. Оттого в проекте так много уделяется внимания телесному: фигуре, татуировкам, физическому здоровью (многие из участников – спортсмены), внешности: девушки часто прихорашиваются, меняют наряды несколько раз в день. Наиболее сексуально активные парни и девушки поощряются: к примеру, Голландия, где, кстати, впервые был показан «Большой брат», отличилась шоу *Spruten&Slikken*, изобиловавшим не только сек-

сом, но и наркотиками. В Венгрии в «Карточном доме» на экране показались настоящие проститутки за работой. У нас же стартовал уже второй сезон, кажется, гораздо более невинного реалити-шоу под названием «Каникулы в Мексике» (ТНТ). Шоу традиционному соревновательное, вот только участники соревнуются не в силе, ловкости или эрудиции, а в собственной сексуальности. Задача – найти себе пару среди участников и не остаться одиноким, пре-

смеха и радостных выкриков восхищения – эксперимент этот жесток. Вилла, где снимается проект, напоминает другое заграничное слово – ферма. Такое вполне себе хозяйское пространство, где обитатели, не стесняясь, плодятся, радуя «фермера» приростом рейтинга. Ведь в сократовском смысле эти молодые люди, так, как они показаны, даже и не люди вовсе. Мускулистые красавцы и загорелые красавицы – некая усреднённая постоянно перемешивающая

уловками, попытками участников «по-настоящему» влюбиться или хотя бы симулировать взаимную симпатию. Обозревающий со всех сторон и в любое время этих подопытных зритель обладает наиболее полной картиной, отчего его роль кажется самому себе доминирующей. Однако значение его не более чем марионетки, вообразившей себя директором кукольного театра. Разыгрывающиеся перед ним страсти к реальности не имеют решительно ни-

по сценарию, т.е. не стремятся быть похожим на кинозвезду или поп-диву, считается постыдным. Поэтому именно звёзды и прочие эманации спектакля фабрикуют потребности человека, навязывая одномерное сознание, снабжённое иммунитетом против собственной ложности: стыдом за недостаточное белоснежную улыбку или недостаточно внушительную мускулатуру. Поэтому, несмотря на призывы оставаться собой, звучащий в предревающей шоу песне, вряд ли участники проекта смогут шагнуть за рамки дозволенного рекламного облика.

Итак, эта безлика «нормальность» глядит на нас с экрана пустыми глазами, любящая на спектакль жизни, ею же сотворённый, и продолжает отдавать приказания, рекламируя не только вещи, которые нужно потреблять, но и образ жизни, который следует принять «актёру» общества спектакля. В «Каникулах в Мексике» работу этой глобальной системы мы видим концентрированной, возведённой в квадрат. Молодые люди, с визгом восторга бросившиеся в омут этой глянцево-силконовой жизни с клубничной отдушкой и перегаром текилы, от и до усвоившие уроки рекламы, теперь преподают их своему телезрителю в чистом дистиллированном виде. Закреплённые здесь образцы поведения демонстрируют в целом уже известную «норму» – преподнести себя как наиболее продвинутого потребителя. Помимо моделей действия зритель тут же предлагается соответствующий товар: основной доход реалити-шоу, как правило, получают от так называемого product placement – появления рекламного продукта в кадре. «Каникулы в Мексике» – ещё одна шестерёнка в машине СМИ со строго отведённой функцией производства вкусов, а следовательно, и потребностей толпы, а также невежества, пригодного для эксплуатации. На этом круг замыкается, вбирая в себя галактику побочных продуктов, подкармливая, поддерживая собственное существование расширяющимся потреблением.

Играть в спектакле не

ТЕЛЕПОЗИТИВ

Алло, вы скрываете таланты!

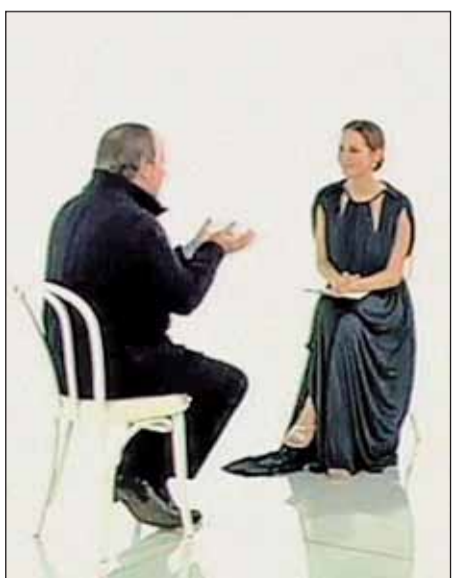
На канале «Культура» появилась новая программа – «Белая студия»

Ведущая Дарья Спиридонова берёт интервью у тех, кого принято называть «известными деятелями культуры». В начале первого выпуска была описана задумка: «Писатели, режиссёры, музыканты, живописцы меняют наш образ мысли и восприятие мира. Какие книги, фильмы, картины повлияли на самих художников, что сформировало их личность и определило творческое их лицо?»

Нарочито лаконичное визуальное решение студийного пространства призвано, по всей видимости, подчеркнуть: главное в концепции проекта – интервьюируемый, ничто не должно отвлекать от персоны в центре композиции. Героями программы уже стали: Андрей Кончаловский, Валерий Тодоровский, Сергей Урсуляк, Юрий Стоянов, анонсирован Павел Лунгин. Вышедших выпусков вполне достаточно, чтобы сделать вывод: программа состоялась во многом благодаря её ведущей.

Дарья Спиридонова раскрылась с неожиданной стороны. Её служба в утреннем эфире канала «Россия», репутация светской дамы, работа на подхвате у Максима Галкина в нескольких его шоу – всё это не позволяло предположить, что телеведущая может уверенно, со знанием дела говорить о высоких материях. Выяснилось, что ТВ долгие годы использовало Дарью Спиридонову не по назначению, в узком диапазоне развлекательного формата, забывая, как говорится, гвозди микроскопом. Выяснилось, что Дарья Спиридонова хорошо образованна, увлечена искусством, умеет не просто задавать заранее заготовленные вопросы, но и, что называется, поддержать разговор. Посетители «Белой студии» с интересом прислушиваются к её суждениям, и вовсе не потому, что удивлены способностью эффектной дамы складно формулировать. Они видят заинтересованного, умного и искреннего собеседника...

Спрашивается: какие ещё таланты скрывает от нас нынешнее телевидение и почему оно это делает? Может быть, пора уже закончить эту бессмысленную игру в рейтинговое ТВ и начать делать хорошее? Всем ведь будет лучше. И в первую очередь самим телевизионщикам.

Долгая работа на ТВ, множество необязательных интервью, в том числе и со всякого рода сомнительными, но рейтинговыми личностями, позволили ведущей «Белой студии» обрести опыт, забыв который, она, скорее всего, сможет почувствовать себя счастливым человеком. Теперь тяжело представить, что когда-то Дарья Спиридонова приходилось интервьюировать участниц группы «Тату».

Сейчас в «новой жизни» на канале «Культура» чувствуется, что ведущая получает удовольствие от процесса, решая гораздо более сложные профессиональные задачи.

На канале «Культура» делать интервью труднее всего – там нет рекламных пауз, а следовательно, нет возможности передохнуть, заглянуть в шаргалку. Кроме того, интервью в «Белой студии» не преследует цели вывести на чистую воду – жанр редкий и по-настоящему сложный, потому что держать внимание публики приходится за счёт тонких драматургических ходов. Дарья Спиридонова беседует, зритель следит за тем, как слово за слово раскрывается гость и (о, чудо) выглядит в результате лучше, чем есть на самом деле. Законы драматургии требуют, чтобы герой менялся, и в «Белой студии» герой меняется удивительным образом – всегда в лучшую сторону. При этом не возникает протеста, что Валерию Тодоровскому не задан вопрос о подлomme пренебрежении исторической правдой в угоду зрелищности в «Стилягах». Понимаешь, что вовсе не обязательно спрашивать Андрея Кончаловского об оскорбительной «Курочке Рябе». Приходишь к выводу, что в рамках предложенной условности «Белой студии» нежелание обострять оправданно и не является компромиссом, просто – разговор так сложился...

И всё-таки есть момент, который не позволяет с абсолютной уверенностью отнести новую передачу канала «Культура» к несомненным достижениям современного ТВ. Вопрос касается выбора гостей, который, впрочем, в будущем вполне возможно разрешится самым удачным образом, ведь нам доподлинно не известны планы создателей передачи. Интересно посмотреть, как проявит себя Дарья Спиридонова с представителями иного культурного слоя. Хочется увидеть в «Белой студии», к примеру, Валентина Распутина, Александру Пахмутову, Владимира Меньшова, Татьяну Доронино, Николая Губенко, да мало ли тех, кто изменил наш образ мысли и восприятие мира.

Вадим ПОПОВ

ТЕЛЕМУЗЫКА

Крах звёзд

Накануне женского праздника 8 Марта прошёл национальный концерт-отбор на конкурс «Евровидение-2012», который состоится в Баку с 22 по 26 мая. Этот самый «национальный отбор» – верх космополитизма и безвкусицы: ужасный жовто-блакитный или цеэковский, красно-синий мигающий задник, на фоне которого теряться все исполнители; китчевые клипы-представления, выполненные в духе пошлых немецких кукол в париках и с топорным макияжем: вместо того чтобы подчеркнуть своеобычность исполнителей – все по-идиотски представлено на одно обезображенное лицо. Ну и песни почти все по-английски, с одинаковым бэк-вокалом и однообразными подтанцовками. Кстати, ведущие не говорили, кто их наклепал, о чём они? – не все же, как Шелест, владеют хотя бы на примитивном уровне (другой тут и не нужен!) английским языком. Что мы хотим навязать – усреднённо-европейский шлягерок, который звучит в самых захудалых кабаках? Телезрители яростно восстали против этого. Только их полным неприятием «звёзд» ТВ можно объяснить сверхстранное голосование.

Наконец-то сбылась мечта режиссёра народного театра из фильма «Берегись автомобиля» в гениальном исполнении Евгения Евстигнеева: «Скоро народные театры вытеснят театры профессиональные!» Удмуртская самодельная группа «Бурановские бабушки» стала безоговорочным победителем отборочного концерта, вытеснила бездарных «детей экрана»

и будет представлять Россию на «Евровидении». За пенис-онорок в лаптях проголосовало больше всего телезрителей. «Бурановские бабушки» исполнили на отборочном концерте песню с «деревенским» названием – Party for Everybody. Сама прославленная группа – это фольклорный коллектив из села Бураново Малопургинского района Удмуртии, гонимый пусть малую, но колоритную пургу на удмуртском, русском и английском языках, пренебрегающий разнообразными художественными руководителя ансамбля – Ольга Туктаева, которая, по всему виду, и умеет только одна профессионально петь. Вот оно: торжество художественной самодельности и крах гибельной культурологической политики ТВ, а конкретно – «Фабрики звёзд» (раскрученный Марк Тишман уступил бабушкам в пять раз по голосам), «Фактора А» с уставшей от мещанства Пугачёвой, «Новой волны» в Юрмале с «примадонной» же

и Собчак в роли ведущих. Дана две раскрученные теледивы – Дина Билан и Юлия Волкова вчистую проиграли беззубым бабушкам. Лопнули, по сути, главные коммерческо-тусовочные проекты!

После победного конфуза надо снять всех руководителей музыки кально – развлекательных каналов на федеральных каналах, потому что я, как человек, ведущий на телевидении программу «Русские струны», называю читателям десятку подобных коллективов от Смоленской «Тausенки» до подмосковной «Калинка от Натали», но на ТВ прорвались и всероссийски заветались почему-то лишь «Бурановские бабушки», и это стало изюминкой в пресном тесте телепопы, которая всем приелась и обрыла. Так и получилось, что мы решили удивить и насмешить эстрадную Европу на возрождающемся конкурсе для домохозяйек.

Александр БОБРОВ

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

televed@mail.ru

Прости, Япония...

Первый канал отметил годовщину трагедии японского народа – страшного землетрясения, цунами, аварии на АЭС – удивительно слабым «документальным фильмом». Кавычки поставлены для того, чтобы не оскорблять серьёзный жанр, к которому нечто под названием «Русский берег. След Фукусимы» не имеет никакого отношения. Однако очевидная слабость сценария и бездарность режиссуры – ничто по сравнению с бестактностью замысла. Вдвн, когда японцы и вместе с ними весь мир вспоминали двадцать тысяч погибших в результате катастрофы, Первый канал оценивал трагические события с «русского берега». Что же это за точка зрения по версии главного канала страны?

В зачине «фильма» некий ведущий радиостанции «Серебряный дождь» весело рассказал о том, как год назад приобрёл японский автомобиль и поделился связанным с этим важным событием беспокойством – а не заражена ли покупка радиацией? Ответ на этот вопрос зритель получил только в конце, ибо авторы «фильма» что-то слышали о законах драматургии.

Вообще «Русский берег. След Фукусимы» может служить пособием по тому, как нельзя делать кино. Отсутствие телеполитики, суетливость, навязчивое нагнетание эмоций за счёт тревожной музыки и аффективного закадрового голоса и, наконец, потрясающая беспомощность, непонимание того, чем заполнить час эфирного времени. По существу, вышла банальная спекуляция на трагической теме.

Толи за неимением достаточных средств, толи просто по лени «документалисты» не добрались до Японии и поэтому оказались вынуждены заимствовать хронику разрушений, нещадно эксплуатируя узнаваемые кадры навлигающей десятиметровой волны. Группа доехала до Курил и Сахалина, где стала раскручивать местных жителей на разговоры об их страхах землетрясений и цунами. Не нашли ничего лучшего, как устроить постановочный урок в школе, где учительница младших классов наигранно даёт детям команду «землетрясение», и те прячутся под парты.

Конечно, местным есть о чём вспомнить, история наших дальневосточных землетрясений действительно полна страшных событий, но ведь на фоне ужасной японской катастрофы эти разговоры восприниматься не иначе как бестактность. Когда идут параллельно кадры цунами в Японии и инсценировка учений по гражданской обороне, организованная заезжей московской киногруппой, выглядит это чудовищно. Это всё равно, что какие-нибудь швейцарцы проиллюстрировали бы тему Великой Отечественной войны рассказом о переборах с поставками кофе в базельские рестораны...

Обидно ещё и то, что ни в чём не повинные русские жители островов оказались заложниками непрофессионализма телевизионщиков. Их истории, интересные и трогательные, о жизни в условиях, близких к экстремальным, оказались поведаны не тем людям. К ним приехали телешашишники, главная цель которых наснимать чего-нибудь «до кучи» на тему землетрясений, а потом в тёплой московской студии смонтировать продукт для общества потребителей. Что-нибудь успокоительное. О том, что радиации на шикарном автомобиле диджея не обнаружено.

Сергей ОРЛОВ

ПОЭЗИЯ ИЗРАИЛЯ

«Не разобщаться нас призывал поэт»

Игорь КИНГ

Родился в г. Энгельсе в Казахстане в 1970 году. Рос и учился в Гомеле, в Белоруссии. 15 лет прожил в Баку. В 1997 году репатриировался в Израиль. Входил в антологии «Поэтический Израиль», «120 поэтов Израиля» и др. Признанный мастер эпиграммы и акростиха. Живёт в Бат-Яме.

СЕБЕ

Ещё один из вереницы дней
Сошёл на нет. И вопрошает вечер:
В тебе или снаружи — где темней?
Уверен, что живёшь по-человечьи?
Застал врасплох. Да жил, насколько мог —
Ни праведным, ни грешным не советчик,
И на тебе! Вот Бог, а вот — порог
Последней из дорог. Никто не вечен.
Нездешний сон томится у дверей,
Пестрядная дорожка у порога...
Не торопи! Я не хочу — скорей!
Живу один. Умрёт со мною много:
Труды, любви, праздники, война —
По-разному бывало. Изменялся
И сам в угоду времени. Вольна
Текла судьба в туманные свояси.
Урвать не торопился, но успеть
Хотел всегда. Да и теперь — не против.
Считал, что в бюсте лучше плоть, чем медь,
И ждал, что — вот, на этом повороте,
За тем углом — счастливая звезда.
Пестрядная дорожка у порога...
Один шагжок от сих до никуда.
Живу один. Умрёт со мною много
Такого, что моё, хоть удавись!
(Чего ни дать, ни взять, ни поделиться)
Хочу сойду, пожалуй, за девиз,
А не могу иначе, вроде принцип.
В одном лице слуга и господин
(Дорожка разрастается в Дорогу),
А начинался путь — живи один.
Живу один. Умрёт со мною много.
Стаканы до краёв! К чертям напев
Про сметы и кредиты в мире снулом!
...И гаснут фонари, остолбенева
Не очень-то почётным караулом...

ГРУСТНЫЙ КАЛАМБУР

Окалину от Каина надуло.
Душа во лжи под толстым слоем ржи.
И захотелось лечь виском на дуло.
Не ржи теперь над пропастью во ржи.

УМЕРЕТЬ МОЛОДЫМ

Памяти гитариста Яна Вайса, погибшего в результате теракта в пабе Mike's Place

«Умру молодым» — помнишь, пел ты на крыше?
Израли под пальцами струн переборы...
Смотри, гитарист, — как ты пел,
так и вышло:
Нелепо, бессмысленно, страшно и скоро.

Ах, как же ты в блюзе растягивал соло!
Гитара гудела так знойно-тягуче.
И вдруг из минора... в мажор рок-н-ролла!
Восторженно best! — мы кричали —
ты лучший!

Тепло забытое пиво в бокалах,
И плыл ты (на облаке?) в дыме табачном...
И пела гитара и плача смеялась...
И девочки млели... а был ты не мацо.
Но ты улетаешь на облаке дымном,
Гитарой разломанной машешь — до встречи!
Хочу, как и ты, умереть молодым...
Забей мне (как в пабе) на небе местечко.
На арфах играют в раю херувимы,
А ты контрабандой протачишь гитару,
Ударись по струнам... по ромочке примем...
«Умру молодым» — ты и умер... не старым.

Александр М. КОБРИНСКИЙ

Родился в 1939 году в Запорожье. Жил в Днепропетровске. С 1987 года в Израиле. Автор прозы, ряда философских монографий и поэтических сборников. Живёт в Беер-Якове.

В 1942-м

За город вывели с лопатами — примета хорошая, поскольку славят труд берлинские агитки и газеты, и дед на идшие подумал «зеер гут».

Колонну выставили в ряд, перед которым gefreite жирную провёл ножом черту: сказал он «graben», с добротой во взоре непредсказуемой, и — ковырнул в носу...

Schnell!.. Часа не прошло — готова яма — во чистом поле милосердия сестра и от болезней всех спасительная самая — размером десять, полтора на полтора...

Во рву мой дед глазницы вниз уставил — в него он падал, чтоб не видеть сны; чтобы забыть о том, что солнце плавит из тьмы над тьмою шторму синевы.

***

Под линейку кромка моря, и на трубку стала трасса музыкальную похожа. Ш-ш-ш! — шоссейное гобоя. Сонмы волн танцуют твист. Цвету пены чайки вторят — мельтешищая их масса на ветру танцует тоже, небеса не кроет мглою буря — мирный гобист.

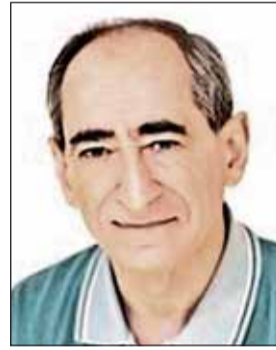
И вчера денёк таким же был — ничем не отличимым от сегодняшней рутины — обезличенного воя обертонов в парусах: время безымянный имидж приспособило, вестимо, на текущие картины — в нём равны Троян и Троя, и — Нагорный Карабах.

Цапры красивые — как розы, в колючках. Ствол у оливы столетьями кручен. Нет здесь черёмухи. Нет и жасмина. Вспыхнувшим порохом пахнут хамсины*.

Я отвалила родимую глыбу И получила право на выбор. Выбрала небо синего цвета, Длинное лето. Нерусское лето.

Что ещё выбрала, твёрдо не знаю. Сердце — открыто. Как рана сквозная.

*Хамсин — жаркий ветер пустыни.

Фредди ЗОРИН

Родился в Баку в 1949 году. В Израиле — с 1990 года. Член Союза писателей Израиля, автор пяти книг. Радиожурналист, автор и ведущий популярных рубрик израильского радиовещания на русском языке. Неоднократный лауреат премии Союза писателей Израиля. Живёт в Ашдоде.

Иерусалим

Сара ПОГРЕБ

Родилась в Одесской области в 1921 году. Жила на Украине. Преподавала в Запорожском пединституте, в школе. Репатриировалась в 1990 году. Живёт в Ариэле, является почётным гражданином этого города. Автор нескольких сборников стихов, лауреат премии Союза писателей Израиля.

***
Когда я покидала отчий дом,
Как, помнишь, Лотова жена Содом,
И всё оглядывалась на деревья,
Не утешало, что Москва — деревня,
Душа кровила под тугим бинтом.

Весь пай удач одною исчерпав,
Давно лишилась на удачи прав.

И всё же — право слово! — повезло.
Незбалансированной по части странствий,
Достались мне библейские пространства
И дали дальнзоркое стекло.

***
Я начинаю с откоса, с обрыва,
С камня над узкой петливстой дорогой.
И своевольна. И терпелива.
Гуда не надо. Сама понемногу.

Сколь ни были бы к нам добры друзья,
Забот житейских облекая бремя, —
Смерть всё равно у каждого своя,
И ей в глаза взглянуть приходит время.
И свет улыбок на исходе дней
Тускнеет, словно небо на закате.
Как от остывших углей, не теплей
Уже от слов и от рукопожатий.
По жизни вместе веселей идти,
Пока судьба не сузила дорогу,
Но в тропы превращаются пути.
...А дальше — одному, навстречу Богу.

Рина ЛЕВИНЗОН

Родилась в Москве в 1949 году. Поэт, переводчик, автор многих поэтических книг. В 1976 году репатриировалась в Израиль. Стихи переведены на иврит, английский, немецкий, арабский, голландский языки. Член Союза писателей Израиля, член международного ПЕН-клуба. Живёт в Иерусалиме.

***
Мне малое, быть может, удаётся,
И никогда не донести огня.
Но, если стих закончен, от меня
Как будто ничего не остаётся.
Раба стиха, и надо мною плетъ
Всех до меня написанных сомнений,
И каждая строка полна мучений...
Мне, слава Богу, стало трудно петь!

***
Какой январь — любви предтеча,
Холом янтарных торжеств.
Зима моей российской речи,
Весна иврита моего.
Двойной словарь судьбы единой,
Неразделимых азбук круг —
То лететь слышу лебединый,
То оразнит тайною старинной
Гортанный, непокорный звук.
Своей дороге не переча
И злого не боюсь огня,
Живу. И вечно два наречья —
Два ангела хранят меня.

***
Быть женщиной — дышать судьбой,
Ни ада ни страхась, ни рая.
Не притворяться — быть собой
и жить, путей не выбирая.
Быть женщиной — суметь собрать
под этот лепет лебединый
способность жить и умирать
в отрезок времени единый.
Быть женщиной — себе пенять,
ни мору не боясь, ни гладу.
Быть женщиной — соединять
всё то, что тянется к разладу.

Леонид КОЛГАНОВ

Поэт и прозаик. Родился в Москве в 1955 году. Автор восьми поэтических сборников и книги прозы. Член Союза писателей Израиля. Руководитель двух лито. Почётный гражданин Кирьят-Гага. В Израиле с 1992 года. Живёт в Кирьят-Гате.

ПРОЩАНИЕ У РУЗЫ

Я иду... Кругом одни заносы,
Плотные снега вблизи-вдали,
Словно твоей плотью под откосы
Белые безмолвия легли!

Среди льдистой корки старо-Русской,
Где вода, как тёмная слюда,
И твоей ступней, босой и узкой,
Ревностно изрезан навсегда!

Конькобежкой ты бежишь по сердцу,
Словно режешь пополам ледок,
Павшему подобно самодержцу,
Упоив щемящий твой порог, —

Изойдёт оно кровавой течью,
Размывая берега-года,
И тогда над нашей чёрной речью
Белая подыметя беда!

То метель слепою встанет мукой,
Больше будет не о чем просить...
Вот тогда над Вечною Издукой
Обо мне ты станешь голосить!

ЗИМНИЙ ОГОНЬ

Кружит снег, как вдова, завывая,
Над зимою российских равнин,
Рвусь я к ней из горячего края,
Словно огненный ветер — хамсин!

Чтоб она меня вновь охладила,
Или я её вновь опалил,
И метель нас опять закружила
Средь безвестных ямщицких могил!

Чтоб она, словно с пылу молодка,
Выбежала, валилась в снега,
И горела в них яростью плотской,
И пускалась со мною в бега!

Чтоб за нею в снегах, как охвостье,
Я петлял, что в Сибири лезгин,
Чтоб меня, как заморского гостя,
Сжёг огонь её северных льдин!

Кружит снег, как вдова, завывая,
Над зимою российских равнин,
И как будто меня отпевает,
Словно вьюга, заблудший хамсин!

Владимир ФРЕНКЕЛЬ

Поэт, эссеист, родился в Горьком (Нижегородской области) в 1944 году, вырос в Риге. По образованию — историк. Статьи публиковались на Западе и в России, также и в самиздате. Автор семи сборников стихов. В Израиле с 1987 года. Лауреат премии Союза писателей Израиля. Живёт в Иерусалиме.

***
Над землёй стоят холода,
И прошедшего дня не жаль
На рассвете, зимой, когда
Целый месяц цветёт миндаль.

Отрепённая белизна —
Отражение другой зимы,
Где вечно идёт война
Меж сьнами света и тьмы.

Хорошо пройтись налегке,
Затеряться среди кустов,
Не сжимать оружия в руке
И не слышать своих шагов.

По дороге идти любой,
Где не быть никакой беде,
И последним покинуть бой,
Никого не встретив нигде.

***
Умереть в Ерусалиме
Проще, чем прожить,
Повторять Господне Имя,
Обо всём забыть.

Встретить зиму или лето,
Осень ли, весну,
Я не знаю где, но где-то
Отойти ко сну.

Ветер тербит оливы,
Гонит лёгкий прах.
Мы, конечно, будем живы
Там, на небесах.

По холмам идёт дорога.
Можно не гадать —
Далеко ль ещё до Бога?
Да рукой подать.

***
Здесь, на окраине русского языка,
Его пересудов и кривотолков,
Куда долетает ещё пока
То, что осталось от имперских осколков...

Нет, погоди, не об этом речь.
Тут, на окраине, в нашей отчизне,
Где ничего уже не сберечь
Дольше одной-единственной жизни,

Покуда словарный запас не весь
Ещё разбазарен, ещё исправен,
Стоило нам оказаться здесь,
Где лишь язык с бессмертием равен.

ОТ ПЕРВОГО ЛИЦА

Евгений МИНИН: «Ностальгируем, конечно...»

Русскоязычная литература современного Израиля – какая она? Об этом мы сегодня говорим с человеком, не понаслышке знакомым с проблемами писателей Земли обетованной.

Евгений Минин – поэт, пародист, издатель. Родился в г. Невель Псковской области. Окончил Ленинградский политехнический институт. Автор шести поэтических сборников, лауреат поэтического фестиваля им. У. Ц. Гринберга (Израиль). Председатель Иерусалимского отделения СП Израйля, ответственный секретарь «Иерусалимского журнала». В Израиле с 1990 года. Живёт в Иерусалиме.

– Евгений, ты председатель Иерусалимского отделения СП Израйля, а что это вообще за структура, когда была создана, как функционирует? В чём её отличие, скажем, от Союза писателей СССР?

– Это, в общем-то, федеративный орган, куда входят секции писателей, пишущих на разных языках. Но если рассматривать русскоязычную секцию, то это просто слепок с той организации, что была в СССР, но при отсутствии материальных благ – никаких дач, спонсируемых поездок и т. д., лишь обязанность платить взносы и участвовать в редких мероприятиях. Учитывая это положение, правление нашего отделения приняло решение взять на себя управление литпроцессом в районе большого Иерусалима. Мы всё стараемся делать сами – выпустить журналы, помочь нашим писателям в издании книг, проводить презентации. Благо

сотрудник Общинного дома, – где мы организуем вечера и заседания, – Александр Штенгауз всегда идёт нам навстречу. Мы, так сказать, сами хозяева своего литературного праздника.

– Это своего рода ностальгия по советской системе?

– СПИ даёт вступившему членский билет, обязанность платить взносы и на юбилей – почётную грамоту. Последние пару лет даются виртуальные премии имени класиков русской и советской литературы. Скорее всего – да, это ностальгия по тем временам, когда без бумажки ты был букашка, а с членским билетом – профессиональный писатель. Ностальгируем, конечно. Но в настоящее время для писателя главным фактором является талант, помощь и связи тоже, конечно, нужны, но это уже вторично.

– В России статус писателя заметно упал в постперестроечные годы, а у вас как в этом плане?

– В Израиле к основной массе русскоязычных писателей нет интереса, нас не переводят официально на иврит, если только кому-то удаётся пробить свои рукописи частным образом. И если бы не Интернет, позволяющий нам находиться в бескрайнем поле русского языка, общаться с коллегами во всём мире, публиковаться в прессе на всех материках, то было бы совсем невмоготу.

– Израильский писатель (если говорить о русскоязычных) ориентируется на какого читателя – местного или российского?

– Мы ориентируемся на израильских русскоязычных читателей, которых, к сожалению, становится всё меньше, и, конечно же, на читателей метрополии, хотя и там всё меньше читают. Спасибо израильскому каналу «Рэка», где даётся много информации о литературных встречах, предоставляется трибуна для писателей, рассказывающих о своих книгах и планах.

Также спасибо Иерусалимской Русской библиотеке, которая привлекает писателей как наших, так и гостей со всех континентов. То есть каналы для выхода на своего читателя всё-таки имеются.

– В чём особенности вашего литпроцесса, есть какие-то отличительные черты, присущие только вашим писателям?

– Израиль называют страной книги Тора. И мы волюно или невольно пропитываемся духом и истиной еврейского народа, что отражается и в стихах, и в прозе. Также, постоянно живя на грани войны, помня трагедию холокоста, наши писатели становятся мудрецами и философами, ощущение жизни в своей стране – великое счастье, несмотря ни на что.

– Получается, что иные ваши писатели больше известны в России, чем на Земле обетованной? Да вот тот же Губерман, допустим...

– Среди репатриантов, конечно, наши писатели известны, их вечера собирают полные залы. Например, на презентациях «Иерусалимского журнала» всегда полный аншлаг, яблоку негде упасть. А вот коренное население нас знает мало...

– А почему русскоязычных читателей в Израиле всё меньше?

– Так в основном наши читатели – репатрианты из России, многие уже ушли в лучший из миров, а внуки, да что внуки – дети предпочитают общение на иврите. Круг наших читателей катастрофически уменьшается, что печально. И, боюсь, ещё каких-нибудь 20–30 лет, и этот когда-то толстый слой писателей и читателей превратится в еле видимую плёнку.

– В Израиле привлекают многих известных писателей из России. Значит, не всё так плохо?

– Конечно мы уехали из России, но мы не уехали из русской литературы. И на вечера покойной Риммы Казаковой, Александра Кушнера, Олега Чухонцева и многих других писателей из метрополии собираются многочисленные почитатели их таланта. Что сказать – пока в Израиле живут русскоязычные литераторы, русский язык будет звучать во многих уголках нашей страны.

– А есть ли в Израиле литературные премии? Награждает ли государство своих писателей хоть изредка или это делают только соборы по перу? А спонсоры?

– В последнее время наш СПИ учредил некоторое количество премий с награждением грамотой без финансового наполнения, которую я бы назвал в какой-то степени виртуальной. Есть частные конкурсы памяти ушедших поэтов и политических деятелей – Леонида Рудина, Владимира Добина, Юрия Штерна, где к грамоте лауреата добавляется небольшой денежный приз. В настоящее время о людях, спонсирующих выпуск журналов и учреждающих литературные премии, я не слышал. Правда, государство иногда расщедряется и награждает своими солидными премиями некоторых писателей и печатные издания, но, к сожалению, эти моменты так редки...

Беседу вёл Игорь ПАНИН

ПРОЗА ИЗРАИЛЯ

Из Ливана с оказией

Рассказ

Ефим ГАММЕР

Прозаик, поэт, радиожурналист, автор 15 книг, изданных в Иерусалиме, Москве, Риге. Лауреат Бунинской премии, лауреат премии «Добрая лира» и международного журналистского конкурса «Петербург. Возрождение мечты». Член израильских союзов писателей, журналистов, художников и международных творческих союзов ЮНЕСКО. Его произведения печатаются в литературных журналах многих стран. В Израиле с 1978 года. Живёт в Иерусалиме.

ти дежурную медсестру. А та негодуюше дёрнула острими, как вешалка, плечами и отбивалась скороговоркой:

– Всё с ней будет хорошо! А рвота... Без рвоты не отойдёшь от наркоза.

– Сделайте что-нибудь! – кричал, не слыша девушки, Хаим.

И дежурная медсестра сделала «что-то», лишь бы «что-нибудь» сделать: сменила на Риве бельё.

– Хватит орать! – сказала она Хаиму, сделав «что-то». И вышла в коридор – плечики вразлёт и покачивается, будто художка-манекшница от сквозняка.

– Ей плохо! – влогонку плечикам крикнул Хаим.

– А кому хорошо? – отозвалась из глубины коридора.

Рива булькала горлом, подбрав руки к груди.

– Оставь эту девчонку, Хаим. Она права: кому сейчас хорошо? Идёт война, а она... они бастуют. Объявят голодовку на нашу голову. Это надо же, бастуют...

– Но ведь она... Она дежурная!

– Помолчи, Хаим. Мой язык к смерти прилип. Трудно говорить. Закажи памятник.

– Рива, что с тобой? Да ты! Тебе до ста двадцати, и без всякой ржавчины!

– Памятник, Хаим! И беги в родильное отделение. Я чувствую... Хаим... Я чувствую... там... с внуком моим... с Моисейчиком... плохо. Не разродится она.

– Рива, да что с тобой впрямь? Каким Моисейчиком? Мы же дождоворились! Если мальчик, назовём его Давидиком, по моему деду.

– Я знаю, что говорю. Хаим. Беги! Мне... мне...

Рива прикрыла ладонью рот. Но поздно. Её вновь затрясло. Она выгнулась, так и не отвернувшись от племянника. Хаим высочил из палаты, пугливым взором отметив, как сквозь её пепельные пальцы бьют жёлтые струйки.

«Боже!» – прошептал в коридоре. Выхватил из брючного кармана, не вытаскивая пачки, сигарету. Попросил огонька у проходившего мимо солдата с «Узи» на плече.

– Откуда?

– Из Ливана.

Прикурился, спросил:

– А что у тебя?

– Сын! Сын у меня!

– Так скоро?

– Что? – не понял солдат.

– Да, нет! Я просто так...

Моисей был счастливый отец...

У него была дочка шести лет. А сейчас появился и сын.

В этот раз он очень хотел сына – с той же силой хотения, как в прошлый раз, когда очень хотел дочку.

Дочку назвали Басей, по имени сестры его матери, уби-ванной гитлеровцами в концлагере.

А сейчас ему нужен был сын,

чтобы назвать его Давидом, по имени деда, растерзанного живо немецкими овчарками после неудачного побега к партизанам.

Но он уже знал: имя малышу теперь – Моисей, в честь него. Всё согласно еврейской традиции.

Моисею не терпелось перенестись к своему младенцу, пускающему изо рта первые пузырьки жизни. Но догадывался: за ним присматривает Хая... Язык не поворачивается произнести слово – «вдова».

Чего их беспокоить?

И он перенёсся, раз выпала такая оказия, в Кирьят-Гат – за десять километров от Ашкелона. К милашке – дочушке Басеньке, за которой обязалась присматривать соседка Алия Израйлевна.

Алия Израйлевна смотрела телевизор и громко цокала языком, сопереживая происходящему.

На чёрно-белом экране просторного, как холодильник, ящика демонстрировали врачей ашкелонской городской больницы, учинивших забастовочные санкции с последующей голодовкой медицинского персонала.

Басеньке пора спать. Но она предпочитала другое занятие. В ванне, под тёплым душем, отмывала от серой пыли походный «Репортёр» Моисея, который обычно висел на его плече, когда он отправлялся в командировку.

Изнемогая, «маг» вёл голосом её папы какой-то путевой репортаж. Басенька в ожидании своих слов, записанных некогда на плёнку, била по клавишам, будто она за роялем.

Наконец дождалась.

– Я слон! Я слон! – раздалось из магнитофона.

Басенька радостно захохотала.

В коридоре, отгороженном ширмами от больных, тихо басовали врачи. Они сгрудились у телевизора, слушали последние, касающиеся их голодовки известия и умиротворенно вздыхали.

Коридор, отгороженный ширмами, связывал хирургическое отделение с родильным.

Хаим рванулся было по нему, хотя и опасаясь: остановят!

Нет, его не остановили. И не потому, что в эти минуты стрекотали камеры телевизионщиков. Его не остановили потому, что белые халаты делали вид, будто ничего экстраординарного в лечебном заведении не происходит. Они видели лишь телевизор, а в нём себя – голодающих перед телеоператорами из разных стран Хаю. И старались не замечать Хаю, дорвавшуюся почти до самого телевизора с ребёнком на руках, но так и не втиснувшуюся в кадр.

– Доктор! Доктор! – шептала она, протягивая ребёнка врачу. – Смотрите! С ним всё в порядке? Он не подаёт голоса!

– Минутку! – сказал врач. – Потерпите немного. С ним всё будет в порядке. А у нас санкции.

Он повернулся на стуле, уставился в экран зыбвого ящика, в лицо своего коллеги, профсоюзного босса, бесстрастно излагающего требования забастовочного комитета.

– Доктор! – вспыхнула Хая.

– Потерпите немного. Голос у него прорежется, – бесстрастно ответил врач.

Автомат Моисея лежал на коленях под его безвольными руками.

В далёком Бейруте.

Его тело, поникнув, подрагивало на мягком автобусном сиденье.

В далёком Бейруте.

Но дух его метался по ашкелонской больнице, от Хаи к врачу, от врача к маме Риве, от мамы Ривы к двоюродному брату Хаиму.

ЖУРНАЛЬНЫЙ РЯД

Три столпа литературы

Александр ПЕРЧИКОВ

Поэт, журналист, родился в Самаре, окончил Куйбышевский авиационный институт. В Израиле с 1990 года. Автор двух поэтических сборников, а также многих публикаций в альманахах и сборниках России, США, Израйля. Живёт в Бейт-Шемеше.

Если говорить об израильских литературных журналах «традиционной ориентации», то есть о журналах с материалами классического направления, прежде всего стоит выделить три журнала: «22», «Иерусалимский журнал» и «Литературный Иерусалим».

Журнал «22» самый старый из трёх. Он возник в 1978 году, когда произошёл раскол в редакционном коллективе «толстого» журнала «Сион». Часть редколлегии

РИА «Новости»

Хая бросилась к телефону-автомату.

Моисей подставил руки. Но так и не смог принять даже на мгновение младенца, чтобы ей было легче набирать на ускользающем от пальца диске заветные цифры. Его сына принял на руки Хаим.

– Алло! Алло! – скороговоркой произносила Хая. – Скорая помощь? Скорая, скорее, сюда! Адрес? Ах да – адрес! Записывайте! Ашкелонская городская больница! Родильное отделение!

И тут младенец, будто откачиваясь от медицинской помощи, самостоятельно подал голос. Пронзительный и сильный – голос человека, вернувшегося к жизни. Почему «вернувшегося к жизни»? Потому что Моисею показало, что это был его голос...

– Живи, малыш! – сказал он тихо, зная, что его никто уже не услышит.

...В Израиле стояло жаркое лето, рекордное по количеству родившихся израильтян.

Жаркое лето достопамятного года – время затяжной войны в Ливане и бессрочной забастовки врачей.

вышла из журнала «Сион», и поскольку это случилось при подготовке 22-го номера, то новый журнал, который эта группа основала, получил такое на первый взгляд довольно необычное название – «22». Его главным редактором долгое время, почти два десятилетия, был блестящий журналист, интеллектуал Рафаил Нудельман, а в конце 90-х годов его сменил известный учёный, писатель-диссидент Александр Воронель. Видную роль в журнале играют его жена, писательница Нина Воронель, и более молодой писатель, помощник главного редактора Михаил Юдсон. Журнал неслучайно позиционирует себя как «общественно-политическое и литературно-художественное издание творческой интеллигенции из СНГ». Много внимания он уделяет философской, общественно-политической дискуссии.

Все годы со дня своего создания «22» был пронизан духом диссидентского движения, он спорит и иногда воюет с проявлениями антисемитизма в российской печати – действительными или мнимыми (примером может служить дискуссия с российским писателем Дмитрием Быковым о творчестве З. Жабитинского и реализации еврейского писателя в условиях российской культурной действительности в противовес творчеству на «исторической» родине). Издающийся раз в квартал небольшим тиражом, журнал настаивает на своей элитарности, подчеркнута на-

зывает себя «журналом творческой интеллигенции».

В отличие от «22», который издаётся группой во главе с Александром и Ниной Воронель, территориально относящейся к району Тель-Авива, «Иерусалимский журнал» и географически, и идеологически привязан к Иерусалиму. Журнал издаётся с 1999 года, и его главным редактором все эти годы является поэт, переводчик и издатель Игорь Бьяльский. Как и «22», «Иерусалимский журнал» выходит примерно раз в квартал, и он в значительной степени отражает образ мыслей и привязанности как его главного редактора, так и редколлегии, в которую входят писатели с именем, такие как Игорь Губерман, Светлана Шенбрун, Дина Рубина, Юлий Ким.

Журнал имеет постоянных представителей за пределами Израйля, где нередко проводятся презентации журнала.

Много места отводится в журнале для публикации переводов с иврита. Публикуются проза и поэзия современных израильских писателей – как выходящих из России, так и коренных израильтян.

В каждом номере представлены графические работы бывших российских, а в настоящее время – израильских художников. Также издаётся книжная серия «Библиотека Иерусалимского журнала», в которой вышло немало замечательных книг.

Постоянным местом проведения презентаций очередных номеров уже давно стал Дом наследия поэта Ури Цви Гринберга в Иерусалиме, бывшего при жизни одним из видных идеологов спонсорского движения.

Журнал «Литературный Иерусалим» является самым молодым изданием из этой троицы. Около восьми лет он выходил раз в два года как литературный альманах, и только с 2011 года – как журнал с периодичностью раз в год.

Из трёх журналов «Литературный Иерусалим» является, на мой взгляд, наиболее независимым и демократичным. Он практически не получает субсидий со стороны, как предыдущие два издания, о которых шла речь, а выпускается на средства иерусалимских поэтов и писателей, членов Союза писателей Израйля, и лишь изредка спонсируется какой-либо организацией. Главный редактор «Литературного Иерусалима» – известный поэт-пародист Евгений Минин, вследствие чего журнал имеет юмористическое приложение «Литературный Иерусалим улыбается». Не так давно став журналом, «Литературный Иерусалим» всё ещё во многом сохраняет черты альманаха. Основным его содержанием по-прежнему остаются прозаические произведения (или отрывки) и поэтические подборки. На страницах «Литературного Иерусалима» пока ещё почти не увидишь литературной критики, общественной или литературной полемики. Но в отличие от двух «старших братьев», достаточно заставших в своих традиционных формах, «Литературный Иерусалим» является, на мой взгляд, не только самым молодым, но и наиболее динамично развивающимся изданием. Не скованный традициями и элитарностью, журнал появился в Интернете на нескольких литературных сайтах, он открыл свои двери для гостей – писателей из России и других стран. На его страницах стали встречаться переводы, готовятся и открыты в журнале литературно-критического и библиографического разделов.

ФИЛОСОФСКИЕ МОНОЛОГИ

О СМЫСЛЕ ЖИЗНИ

«Литературная газета» начала новый год с обсуждения одной старой проблемы, которая называется «смыслом жизни» («ЛГ», № 1–2, 6). Судя по дискуссии, проблема эта разнопланова, очень личная и зыбкая. На мой взгляд, быть смыслу или не быть ему, зависит от того способа, каким человек обустроивает свою жизнь.

ДВА СПОСОБА ОБУСТРОЙСТВА ЖИЗНИ

Если человек полагает, что в мире есть заранее приготовленное для него место, что оно ждёт его, то это одна стратегия, один способ обустройства жизни, а именно: нужно поскорее занять своё место. Заняв его, можно считать, что дело сделано. Ты принял мир, а он принял тебя. И тогда для тебя смысл будет выступать как стул, на котором можно удобно сидеть. У этой стратегии есть только одна проблема: однажды узнать о том, что ты попал не на своё место, и осознать, что ты не есть то, что ты есть.

Если человек полагает, что для него нет места в мире, что он не вещь в ряду других вещей, то тогда у него возникает иная стратегия по отношению к миру, а именно: никуда спешить не надо, мир — это набор заранее данных вещей. Мир — это объективированные грёзы человека. У этого миропонимания также есть по крайней мере одна проблема: человеку нужно разобраться с собой, узнать, кто он.

ТИПЫ ЛЮДЕЙ

Сколько людей, столько характеров. Бесконечное разнообразие людей можно свести к двум типам. У одних доминирует отношение к миру наличного, у других — отношение к себе. В первом случае пытаются заключить договор с другими. Во втором — пытаются найти понимание с самими собой. Первые ищут пользу и выгоду. Вторые — смысл.

ЧТО ТАКОЕ СМЫСЛ?

Смысл вообще — это мания, устойчивая грёза, фантазм. Мании могут быть социально приемлемыми, как, например, любовь. А могут быть они и социально неприемлемыми, как, например, месть.

Смысл жизни — это личностно приемлемая грёза, результат договора со своей самостью, с самим собой. Смыслам не нужен грохот событий. Они прячутся в тихой повседневности бытия. И в этом своём качестве смыслы противостоят событиям.

СОБЫТИЯ И СМЫСЛЫ

Смыслы лишают события состава событийности. Усмивают их, вводят в пространство бытия. События обесмысливают, разрушают мир подручного, обжитого. Между смыслами и событиями идёт война. Чем больше в мире событий, тем меньше в нём смыслов. В современном мире скорость смены событий так велика, что она не оставляет возможности для извлечения смыслов, для заключения договоров с самим собой. Поэтому людям приходится жить в режиме неизвлечённых смыслов и непонятных событий. Этому режиму соответствует и современное понимание сознания.

СОЗНАНИЕ

Сознание существует не для познания вещей, а для воздействия человека на самого себя, для причинения себе страданий. Ибо страдать — значит быть больше себя или меньше себя. Быть равным себе означает для человека смерть.

Сознание никто не любит. От него одни только хлопоты и обременения. Любят интеллект и знания. Свойства интеллекта — вычислять. Свойства сознания — изображать и воображать. Если бы сознание существовало для знания о мире, для приспособления к нему, то смыслы нам были бы не нужны. Нам было бы достаточно иметь интеллект. В мире всё больше появляется людей интеллектуальных, но не мыслящих. Интеллектуалу нужен язык, а не сознание. Тогда же как сознанию язык не нужен. Ему достаточно чувств и эмоций. Ведь сознать — значит эмоционально реагировать на самого себя.

В отсутствие договора с самим собой страсти, будто ниточки, начинают тянуть человека в разные стороны, каждая в свою. Но ни одна из них не имеет преимуществ перед другой. Так возникает чувство абсурда.

БЕССМЫСЛИЦА

Бессмыслица — это не отсутствие смысла. Это то, что ему предшествует, готовит его рождение. Готовых смыслов самих по себе нет. К ним ещё нужно прийти. Но как к ним прийти, если дорога — это путьник, заблудившийся в лесу, в котором много дорог, а нужна одна. И никаких указаний на неё, никаких оснований для выбора нет. Первый шаг свободы — это шаг в никуда, бессмысленное движение в пространстве абсурда. Потому что смыслы могут появиться только потом, вторым шагом. Ибо на первом есть только абсурд и бессмыслица. И ничего невозможного. А на втором — уже есть порядок и не всё возможно. Об этом порядке убедительно рассуждает один из героев Достоевского.

КИРИЛЛОВ

Вот, например, Кириллов из «Бесов» Достоевского. Кириллов рефлексивный человек, то есть он умный и знает о том, что умный. Но это его знание очень опасно. Оно опасно не только для тех, кто просто умён, кто, как Кроткая, ничего о своём уме не знает. Рефлексия опасна для самого рефлексизирующего тем, что она находит смыслы, которые выше жизни. Например, по рассуждению Кириллова, все люди боги, но они не знают, что они боги. А Кириллов Бог и знает о том, что Бог. И это знание исключает его жизнь. Нельзя жить, зная, что ты Бог. Если ты Бог, то тогда яви своеволие, то есть убей себя.

ИДЕЙНЫЕ ЛЮДИ

Кириллов не идейный человек. Смысл его жизни состоит в скрытой борьбе с Богом. Но в этой борьбе Кириллов ставит на кон свою жизнь, а не жизнь другого, полагая, что только самоубийство является отрицанием Бога на деле, а не на словах. Ведь что будет с пастухом, если какое-нибудь животное из его стада убьёт себя? Он расстроится, опечалится. Что будет с Богом, если человек убьёт себя? Сомнение, тоска и уныние захватят его. Вот этого-то и добивается Кириллов, показывая свою волю.

Напротив, у идейного человека смысл его жизни ставится выше жизни других. Цельности идейных людей можно противопоставить только сознание колеблющееся, сомневающееся в своей правоте. Шизофреническая расколотость таких людей мне симпатичнее цельности идейного человека.

БЕЗЫДЕЙНЫЕ ЛЮДИ

Бытовые надобности сводят меня с безыдейными людьми, которых я не понимаю, не знаю и опасуюсь. Безыдейные люди ставят жизнь выше смысла. Вот пример. На детской площадке встречаю мальчика 5 лет. Разговариваю с ним. Он по секрету сообщает мне, что у него есть нож. Через секунду он действительно достаёт кухонный нож и показывает мне его. «Зачем он тебе?» — спрашиваю я. «Чтобы защищаться от обидчиков», — отвечает мальчик. «А родители знают про нож?» — продолжаю я расспрашивать. «У меня есть только мама. Она знает», — простодушно отвечает мальчик.

Нож мальчика является продуктом успешной социализации нового поколения России, его договора с миром. «Я принял тебя», — сказал ему мир, — только ты возьми с собой нож». Но социальное в человеке — это очень тонкая плёнка. В мальчике нет главного, ядра. В нём нет транссоциального, нет страха перед Богом, то есть нет первичного самоограничения, которое было у Кириллова. Без этого ограничения любая социальная плёнка легко протыкается, и человек, как резиновый мяч, сдувается.

У встреченного мной мальчишки уже был смысл жизни, который приготовил его к встрече с другими. Но этому смыслу не предшествовала работа с бессмыслицей. В нём было только нечто социальное, не опосредованное мистериальным.

Фёдор ГИРЕНКО,

профессор философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова

СИТУАЦИЯ

Люди со стороны

Прошлой осенью село Тотьма попало, как здесь говорят, в «осадное положение». Суть этого «положения» заключалась в том, что жизнь деревенского люда взяла под круглосуточный контроль милиция (ныне, естественно, именуемая полицией).

Что же в деревне случилось? История такова. Несколько лет назад здесь поселились выходцы из Азербайджана. Людям «со стороны» выделили землю, они занялись животноводством. Казалось, жить бы в мире да радоваться.

Но со временем возникли некие недоразумения. На приезжих стали косо поглядывать местные. Поводы находились: то якобы «кавказцы» приторговывают спиритом; то за живность плохо смотрят — и она гуляет по чужим огородам... А по осени пропал баран с «азербайджанской» фермы. Подозрения пали на местных жителей. И хоть похитителя не нашли, отношения между «коренными» и «приезжими» стали ещё более обостряться...

И вот грохнуло — в прямом и переносном смысле. Как обычно, сын азербайджанского крестьянина Аслан Алимов с приятелем отправились охранять в ночь ферму. При нём было ружьё. Около одиннадцати ночи Алимов увидел недалеко от фермы уазик с тремя местными парнями. Те якобы «разведывали охотничьи угодья» и «подкармливали зверей»... Диалог между «охотниками» и «охранниками» шёл по привычной схеме: «Опять барана хотите прихватить?» — «Ты сам баран, что ли?» — «Я — баран?» Наливающаяся взаимной неприязнью перепалка закончилась погоней и стрельбой, которую открыл из ружья Аслан Алимов. Выстрел оказался смертельным для двадцатилетнего Александра Статенина, прибывшего с друзьями разведывать охотничьи угодья... Напомню: ближе к полуночи.

Конечно, расследовать чрезвычайное происшествие являлась милиция. «Стрелок» Алимов был арестован. Однако круговорот самосуда на этом не завершился...

Не прошло и недели, как в три часа ночи заргорел дом, в котором жила азербайджанка, родная тётка Алимова с двумя детьми. Женщину спасал сосед, тоже азербайджанец, Фаиль Байрамов. Эта солидарность обошлась ему дорого. Вечером следующего дня подожгли и его дом. А когда Фаиль попытался задержать поджигателя, в ход был пущен нож...

Так началось разгораться в Тотьме пламя самосуда.

И тогда местные милиционеры взяли деревню под круглосуточный контроль. «С целью недопущения вспышки межнациональной розни», — как пояснил начальник РОВД, — село держим под контролем».

Да, в Тотьме ныне вроде бы спокойно. Но на прочный мир между местным населением и приезжими это не похоже. Я не склонен разделять полицейский оптимизм хотя бы потому, что один из участников этой драмы, Фаиль Байрамов, спасавший из горящего дома детей соседки и за это пострадавший от мстительного ножа, заявил:

— Если милиция не разыщет поджигателей и тех, кто пырнул меня

ножом, мы сами их отыщем и накажем.

Вот так проявились в российской глуши «этническая толерантность» и прочие параметры «межнациональных отношений».

Но разве только в одной Тотьме возникают подобные ситуации? Вот ещё один пример конфликта на национальной почве, свидетелем которого я был сам.

Дело было в крохотной деревеньке Дубовка. Небольшой фермой даже не владел, а лишь управлял «человек с Кавказа». Он купил несколько старых заброшенных избушек и стал селить в них горемык, прибывающих на российский просторства из своих родимых мест (подозреваю, что там им жилось совсем несладко). Эти люди буквально за еду и кое-ка-

Итак, сколько мигрантов (а это в первую очередь граждане СНГ) способна без опасности для себя принять Россия? Я не зря говорю «опасность», ибо горьковатый опыт Германии, Франции, Англии и некоторых других стран свидетельствует: при всей толерантности принимающей стороны некая критическая масса мигрантов начинает нарушать, скажем так, социальное спокойствие в стране.

Возникает проблема: люди со стороны — благо? помеха? или балласт? Для соседей, для властей, для общества?

Взята хотя бы те же Поволжье. Ситуация такова.

В последнее десятилетие сюда со всех концов бывшего СССР прибыла сотни тысяч человек. Переселя-

ботиться предоставлением рабочих мест коренным москвичам, а уж затем думать о привлечении работников из зарубежья...

Такой взгляд на проблему вполне здрав, логичен и понятен. Человек, не просто получающий энное количество денег за сделанную работу, но ещё и ощущающий, что он обустроивает свою землю, своё постоянное пребывание на ней, — это уже патриот своей страны.

И уже одно это соображение как бы должно расставить по местам все приоритеты.

Однако пока что картина — увы! — иная. И не только в Москве, Санкт-Петербурге или Казани. Как видим, уже и в российской глубинке частенько заезжий работник теснит местного...

Отчего российские работодатели отдают предпочтение «людям со стороны»? Вразумительный ответ на эту загадку я услышал в небольшой деревеньке Дубовке от местного жителя Степана Котова. И звучал он так: — Заезжих вместо нас берут, потому что, во-первых, им на карман можно давать в разы меньше, чем нам, а в платёжках рисовать в разы больше. Они распишутся, а откат — хозяину. Второе. Пришлые люди за гроши будут делать всё, что им прикажет наниматель. А мы, конечно, склонны права качать... Ну и третье: поселить их можно в любом сарае — перебьются. А если жаловаться захотят, кто их слушать будет? Кто они есть для наших властей? Хоть бы и для той же полиции...

Недавно Владимир Путин, рассуждая о проблеме взаимоотношений «мигранты — местные», жёстко высказался за административно-судебные наказания для тех, кто организует «резинковые квартиры», в которых прописывают по несколько десятков человек, кто крышует незаконную миграцию. Всё это надо несомненно делать. Но ведь надо ещё как-то понудить российский алчный до беспредела «нюккапитализм» платить российским работникам достойную, не унижающую человека зарплату. И в этом случае, думаю, даже без особых карательных усилий проблема незваных гостей сама собой постепенно уладится естественным путём.

Иначе получается так, что и власти, и российский бизнесмены в погоне за собственными прибылями, отдавая рабочие места пришельцам, вольно или невольно подрывают социально-экономическую стабильность в стране, плодят внутреннюю безработицу, осложняют межнациональные отношения. Нетрудно предвидеть, к чему может в конце концов привести такая миграционная политика...

Пока что она приводит к взаимной неприязни и межэтническим конфликтам. И даже к самосуду. Как в той же деревеньке Тотьма.

А если заглянуть подальше? В завтра или послезавтра? Что нас ждёт?

Жан МИНДУБАЕВ, собкор «ЛГ», УЛЬЯНОВСКАЯ ОБЛАСТЬ-РЕСПУБЛИКА ТАТАРСТАН

РИА «Новости»

кие корма для личного скота работали пастухами, скотниками, сторожами.

А местный народец тем временем копил неприязнь к приезжим...

И ведь вспыхнуло! «Люди со стороны» отмечали день рождения одной из многочисленных дочерей. Мимо шли местные парни. Слово за слово — и началось! Сначала «азеры» потрепали деревенских парней. Затем те бросились в соседний посёлок за подмогой. Драки продолжались всю ночь, прибывшие на помощь парни из окрестных деревень по оврагам вылавливали и били «чужих»...

Результат: мигранты съехали, ферму закрыли.

Отвлечёмся от частного. Порассуждаем. Возникает несколько вопросов. В каком количестве нужны сегодня России мигранты? В каком качестве? И что является главной причиной возникновения перманентно тлеющей, а время от времени вспыхивающей неприязни местного населения и «людей со стороны»? Вспомним Кондопю, московские и питерские межнациональные «разборки» — да мало ли их вершится ныне.

Целыми семьями; оседали и в городах, и в сёлах. В Ульяновск прибыло около семи с половиной тысяч семей; а в сельской местности осело вдвое больше — целые семнадцать тысяч!

Важнейшая деталь: в Ульяновской области в год выдаётся около тысячи патентов на трудовую деятельность прибывшим гастарбайтерам. Это при том, что здесь и своих безработных хватает.

И кто эти патентообладатели? Молодые учёные, квалифицированные инженеры, толковые специалисты сельского хозяйства? Да нет, подсобные рабочие, рыночные торговцы, грузчики, скотники, пастухи. То есть работники отнюдь не самых высших квалификаций.

Невольно задаёшься вопросом: зачем надо благосклонно принимать граждан из так называемого ближнего зарубежья? Неужели перевелись уже (или спилились?) в российских городах и сёлах поголовно все?

Кстати, подобные недоумения звучат всё громче и громче. Припоминается, что как-то нынешний мэром Москвы высказался в том смысле, что в первую очередь надо бы оза-

МНЕНИЕ

Неизбежность мигрантов

Вспомню. В 92-м, будучи в Киргизии по командировочным делам, попал на 60-летие журнала «Ала-Тоо». Приехали писатели из Казахстана, Туркмении, Узбекистана, России — из Татарстана, Якутии, Алтая... В общем, тюркоязычные литераторы. Каждый из них, выступая, говорил на своём языке. Они друг друга понимали. Как белорус украинца или украинца русского. А я — нет. И потому отвлёкся, задумавшись. Очунился от аплодисментов, от хохота в зале. Выступал писатель с Алтая. Я с ним познакомился в гостинице. Спокойный, не очень разговорчивый парень. А тут, на трибуне, — совсем другой. Перемена меня так поразила, что я вдруг догадался!

Да ведь иноязычные писатели, съезжаясь в Москву, нередко бывали малоразговорчивыми, неловкими, потому что общались с нами на русском, не родном для них языке! Так же выглядели бы мы в Дрездене со своим школьным «дойчем». А здесь, на трибуне, в стихии своего языка, мой скованный и молчаливый знакомый оказался и пламенным трибуном, и шутом, и трагическим актёром, и филологом. Зал то хохотал, то взрывался аплодисментами, то замирал в драматическом напряжении.

Конечно, не может быть сравнений с атмосферой тех лет (с незабываемыми дружескими отношениями в многонациональной советской литературе) и сегодняшними страстями по поводу мигрантов. Пример этот я привёл для того, чтобы показать: ОНИ — ТАКИЕ ЖЕ, КАК МЫ. Абсолютно. Во всём. Такие же, как наши писатели и наши дворники.

Нынешнее обсуждение в прессе этой проблемы во многом генерировано статьёй Владимира Путина «Россия: национальный вопрос».

Владимир Путин писал: «Когда начинают кричать: «Хватит кормить Кавказ», — ждите, завтра неизбежно последует призыв: «Хватит кормить Сибирь, Дальний Восток, Урал,

Поволжье, Подмосковье...». Именно по таким рецептам действовали те, кто привёл к распаду Советский Союз».

Абсолютно верно. Ещё очень к месту было бы напомнить, что сама наша экономика многонациональна, что мы не в последнюю очередь живём на татарскую и башкирскую нефть, на нефть и газ с земли ненецев, коми, хантов и манси, на платину и никель с земли долганов и неанасанов, на золото и алмазы с земли якутов. Для многих, я убедился, эти факты — откровение. А ведь имея такой материал для демонстрации нерушимого экономического единства российских народов, грех им не пользоваться.

Но политики наши не пользуются.

Мигранты — ТАКИЕ ЖЕ, КАК МЫ.

Но человек так устроен, что старается оправдать себя. Мы находим причины для своей неприязни: они не уважают наши обычаи, языка не знают и не хотят учиться, их дети в наших школах держатся особняком... Давайте регистрировать их только после сдачи экзамена по русскому языку... Как будто не понимаем, что нет смысла НАМ беспокойиться о русском языке дворника-таджика: он освоит его, никуда не денется, потому что для него — производственная необходимость.

Однако есть и вроде бы объективные оправдания и объяснение нашему настороженному отношению — ЭТНИЧЕСКАЯ ПРЕСТУПНОСТЬ. Вот цифры и факты — из нашей реальности.

«В Москве 60% преступлений совершаются иногородними гражданами» (2005 год, РИА «Новости»). «Армия гастарбайтеров может стать армией разбойников» («Известия», 31 октября 2008 года).

«В России гастарбайтеры объединяются в банды» («Interfax. Ru», 21 мая 2009 года).

«Мигрант — угроза нации» («Газета. Ru», 22 мая 2009 года).

«По статистике, около 49% преступлений в Москве совершаются приезжими. Причём речь только о раскрытых преступлениях. Если же считать нерас-

крытые, то можно говорить о 70%» («Коммерсантъ», 22 декабря 2010 года).

Страшно? Но посмотрите официальную статистику на сайте МВД. По годам. Или же — обобщённую, в Википедии, ссылка: «Преступность в России». За 9 лет, с 2003 по 2011 год, доля преступлений граждан СНГ составила 1,5 процента от общей преступности.

При этом глава Федеральной миграционной службы Константин Ромодановский отмечает: около трети преступлений мигрантов — это поддельные документы о регистрации.

И вот отчёт УВД Южного административного округа столицы, очевидно, репрезентативный, я думаю, для всей Москвы.

В январе — сентябре 2011 года на территории ЮАО зарегистрировано 17 643 преступления. Из них гражданами СНГ — 438 преступлений, что составляет 2,4 процента.

Наверно, включая и треть за нарушение правил регистрации.

Из ежегодных 40 тысяч убийств журналисты выбирают для постоянного информационного сопровождения только убийства с участием кавказцев или среднеазиатов.

Так создаётся атмосфера. Прямо скажем: нами манипулируют. (Кому это надо, кому это выгодно — вопросы отдельного рассмотрения.) Потому не стоит удивляться нынешней ситуации, не стоит удивляться, что даже в школах московские дети и дети мигрантов относятся друг к другу настороженно.

Нам надо учиться у Западной Европы, а не злорадоваться, когда там что-то происходит: мол, видите, они зашли в тупик. Кто сказал, что интеграция будет проходить безболезненно? Мы-то вообще в начале пути, а у Западной Европы уже накоплен опыт десятилетий, в том числе и негативный, на этой основе у них создана общеевропейская Стокгольмская программа.

Воспользуемся ли мы её опытом? Или нет?

Сергей БАЙМУХАМЕТОВ

КНИЖНЫЙ РЯД

Чудесный мир детства

Книги, прочитанные в детстве, как правило, порождают одни из самых ярких, задушевных и интимных воспоминаний любого человека. Недаром большинство мемуаристов, запечатлевая наиболее значимое и не повседневное, рассказывают именно о своём чтении в детские и юношеские годы. А вот экземплярам самих детских книг везёт гораздо меньше. Юная аудитория щедро дарит им свидетельства своей любви в виде вырванных страниц, пятен, рисунков типа «каляки-маляки», росчерков. Найти в букинистической торговле детскую книгу хорошей сохранности — большая удача. Тем более если её возраст превышает сто лет.

Уникальный шанс увидеть качественную подборку детских иллюстрированных книг XIX — начала XX века представит широкой публике в конце ноября — начале декабря 2011 г., когда в Центральном доме художника на Крымском Валу пройдёт очередная книжная ярмарка интеллектуальной литературы Non fiction. В её рамках состоялась выставка экспонатов из личного собрания председателя совета Национального союза библиофилов и руководителя Роспечати М.В. Сеславинского «Гирлянда из книг и картинок: детское чтение в дореволюционной России». Впечатление от 250 образцов полиграфической продукции, изготовленных для детей различного возраста, лично я испытал огромное. Даже нашёл время, чтобы побывать на экспозиции ещё раз после торжественного открытия и спокойно, без суеты, её осмотреть.

Давно известна старая истина: выставка сродни театральному представлению. Для того чтобы о ней сохранилась долговременная память, необходимо её зафиксировать. К счастью, в нашем случае усилиями автора проекта М.В. Сеславинского, творческого коллектива издательства «Детская литература» и дизайн-студии «Самолёт» появился великолепный двухтомный альбом, одноимённый выставке, содержание которой он раскрывает. Следует отметить, что книга является своеобразным объектом экспонирования. Посетитель выставки может увидеть лишь одну из её многочисленных сторон (переплёт, обложку, титульный лист, один разворот с текстом или иллюстрациями). В этом плане альбом позволяет составить более объёмное представление о детской книге прошлого, предлагая по несколько иллюстраций для каждого экспоната. Кроме того, здесь есть библиографические описания и подробные аннотации.

Альбом открывается серьёзной статьёй М.В. Сеславинского, в которой даётся общая характеристика феномена русской детской дореволюционной книги, содержится библиографический и историографический обзор основных работ по данной теме. Сразу отметим, что, несмотря на наличие монографий Э.З. Ганкиной и С.А. Карайченцевой, вышедших очень небольшими тиражами, история книги детей в России требует дальнейшего изучения. М.В. Сеславинский совершенно справедливо подчёркивает, что из-за плохой сохранности «проблема созерцания, любования, визуального восприятия детской русской книги прошлого, на наш взгляд, с каждым годом становится всё более и более острой». Кропотливая собирательская деятельность позволила автору сформировать репрезентативную выборку изданий, способную «адекватно продемонстрировать всю богатую палитру детской и отчасти юношеской книги дореволюционной России». Действительно, в рецензируемой книге речь идёт о художественной, познавательной, энциклопедической, игровой литературе.

Многие представленные в альбоме книги поистине уникальны. Например, подборка из 16 азбук конца XVI — начала XX века. А уж про детские настольные игры и говорить не приходится. Особый жанр детской книги, «в котором литература, изобразительное искусство и средства полиграфии слиты в неразрывное целое», занимал свою нишу в издательском репертуаре всех крупнейших русских дореволюционных издателей. За рассказом о каждом из них следует великолепный изобразительный ряд. Из него можно представить, в каком виде приходили к юным читателям второй половины XIX в. «Робинзон Крузо» или «Хижина дяди Тома», включённые в серию «Золотая библиотека» М.О. Вольфа. Увидеть прекрасные хромолитографии, которыми снабдил своё издание «Мюнхгаузена» А.Ф. Девриен. Просто умилились небольшой книжечкой-раскладушкой «Моя киска», выпущенной в начале XX столетия фирмой Кнебеля.

Выполненному на превосходном полиграфическом уровне, снабжённому качественным научным и справочным аппаратом альбом «Гирлянда из книг и картинок» уготоваана долгая жизнь как источнику, который будет оказывать стимулирующее воздействие на новые поколения библиофилов и исследователей-книгочеловечков.

Александр САМАРИН

МАСТЕРА

«Талант — это как раз то сомнение, которое есть в человеке всегда»

Народному художнику России, вице-президенту Российской академии искусств, академику Евгению Михайловичу ЗЕВИНУ — 65 лет. «От неконформиста до народного художника» — так автор обозначил тему своей юбилейной выставки, которая открылась в Российской академии искусств. В экспозиции представлены выдающиеся работы, в их числе раритетные полотна запрещённых в 60–70-е годы выставок. С 80-х работы Зевина экспонировались на международных выставках в Бельгии и Финляндии, Германии и Великобритании, Израиле и Франции, США и Японии; были многократно представлены на аукционах Phillips, Bonhams, Christie's, Phillips de Pury, а также в Королевской академии в Лондоне. Полотна художника находятся в крупнейших музеях и галереях Европы, США, Израиля, Канады, России.

— Вы сейчас в расцвете творческих сил, многого достигли. Можете ли поставить какую-то точку, подвести итог?

— Моё видение — никогда не останавливаться, всё время искать что-то новое. Создав произведение, ты начинаешь в нём сомневаться и находишь какие-то новые подходы, для того чтобы довести его до совершенства. Хочется сделать нечто особенное. Пройдёт время, и у тебя должна возникнуть внутренняя уверенность, что ты сделал это правильно. Я считаю, что художник должен всегда сомневаться в своём творчестве и всегда искать что-нибудь новое, чтобы усиливать то, что он делает, и то, что он сделал!

— Фазиль Искандер считает, что «ваше новаторство тут же, на месте, оплачивается самой верной и самой старинной монетой — талантом»...

— Талант — это как раз то сомнение, которое есть в человеке всегда!

— Если есть сомнение, значит, талант связан с «муками творчества»?

— Если есть возможность заниматься живописью, надо говорить спасибо, что судьба даёт тебе такую возможность. Это счастье! Если тебе запрещают этим заниматься, а тебе этого хочется и у тебя получается, вот это муки!

— Эта выставка представляет ретроспективу вашего творчества за последние десятилетия. Что всё-таки объединяет картины столь разных периодов?

— Ретроспективные выставки всегда особенно интересны. Персональные выставки интересны вообще, хотя их нужно делать очень редко, на мой взгляд, раз в пять—десять лет. Когда ты выставляешь большую экспозицию работ, то сразу видно: что ты сделал хорошо, а что — плохо, от чего тебе нужно отойти, а к чему нужно стремиться. Эта экспозиция даже для меня лично очень многое открыла. Для интереса я повесил рядом две работы: одну 71-го года, а другую — 2011-го. Сел и начал смотреть, что же между ними общего, ведь сорок лет — большой срок! Оказалось, что эти разные по сюжету, по технике живописи, по фактуре холста произведения переключаются по отношению к исполнению, отношению чисто духовному. Если внимательно

приглядеться, это писал один художник.

— Бульдозерные выставки — это часть нашей истории. Расскажите, что осталось как самое острое воспоминание?

— Я участвовал в выставке в Измайлово. Это был праздник. Прекрасный тёплый сентябрьский день. Съехалась вся интеллигенция Москвы, около тридцати тысяч человек, это в те-то времена, когда даже пройти туда было сложно! Студентов художественных вузов останавливали на платформе метро. Я считал и считаю, что искусство никогда не должно зависеть от властей. Вот убей меня, я по сей день не знаю, почему надо было запрещать неконформистов?! Сколько людей уехало — Рабин, Целков, Кабаков.

— А вы не уехали?..

— Я тогда молодой был... какой-то ранний и считал, что всё наладится. Я очень рано стал участвовать в выставках (у меня есть работы 69-го года — тогда мне всего двадцать два было). Ко мне и приходили, и вызывали, и всякое такое, но я почему-то относился к этому легко. Боль-

шая проблема в те времена — ты должен был быть в союзе, иначе ты тунеядец. После 74-го меня приняли в молодёжную секцию, а в 79-м уже в союз. Рекомендации мне дали очень известные художники, считалось, что у меня очень хорошее живописное качество. Вот недавно я поехал на «Винзавод», и мне так пахло нашей обстановкой 70-х! Всё полуразрушенное, как-то подвалы, но художники-то сильнее были, намного сильнее!..

— Многие исследователи отмечают, что напряжённый ритм ваших произведений в сочетании с внутренним движением, объёмом и цветом напоминает музыкальные композиции. Вы сами ощущаете музыкальность своих полотен?

— С молодых лет я дружил с известными музыкантами. Очень любил авангардную музыку: Шнитке, Губайдулину, Денисова. В 70-х годах в Доме композиторов у меня было даже две выставки. Мне всегда казалось, что живопись — это та же музыка, а поэзия и музыка — это та же живопись! Я стараюсь, чтобы зритель «услышал» картину, загорелся, чтобы это как-то действовало на него.

— Видите ли звук и слышите ли вы цвет?

— Да, я вижу по звуку цвет и по цвету звук. Василий Кандинский по шуму города мог сказать, какого он цвета: Париж — голубой, Берлин — серый. Передать ощущение целого города одним образом, одним цветом — это гениально! В своё время это произвело большую революцию. К Кандинскому я отношусь фантастически хорошо. Не могу сказать, что я на нём основываюсь, но принимаю его во внимание в своём творчестве... Я вижу звук, потому что он для меня осязаемый. Это неперенная составляющая живописного полотна, будь это фигуративная картина, натюрморт или пейзаж... Я всегда стараюсь передать его в своих картинах.

— Над чем вы сейчас работаете?

— Сейчас? Сложно сказать. У меня меняется в чём-то стиль, я стараюсь делать какие-то новшества. Пишу много натюрмортов. Но я не считаю их натюрмортами, они у меня выдуманные, они — не натурные. Я просто передаю своё состояние. Я могу поставить одну чашку, а вокруг создать сам по себе полный натюрморт — это образы, и передать их состояние, цвет, и как они соотносятся с моим теперешним настроением. Художник не может жить без того, что его окружает. Я всегда считал, что вокруг нас, — то и в тебе, то и на полотне...

Беседу вела Татьяна ЭСАУЛОВА

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА представляет: книжная коллекция

Узнай все тайны первым!

ВЕЛИКИЕ ТАЙНЫ ИСТОРИИ

Новый том — в продаже каждую среду!

Соберите всю коллекцию из 45 томов! Подробности на www.lgz.ru

Дорогие читатели,

если вы не успели купить нужный вам том в киосках печати, то вы можете приобрести его в редакции «Литературной газеты» по адресу: г. Москва, ул. Щепкина, д.47, стр. 1
Телефон для справок: (495) 688-80-78

99* руб. за одну книгу

с 14 марта

99* руб. за одну книгу

с 21 марта

«Божественным безумцам» моим – Владимиру и Лидии... С надеждой...

Вот, наступают дни, говорит Господь Бог, когда Я пошлю на землю голод, — не голод хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов Господних. И будут ходить от моря до моря и скитаться от севера к востоку, ища слова Господня, и не найдут его.

Ам., 8: 11–12

Из шапки на семейном совете вытянули «Владимир» — в честь воеводы и основателя государства, в честь легендарного кончившего с собой поэта-трибуна и заодно великого князя, обратившего в христианство языческую Русь.

Однако отправленный исполнять волю судьбы отец на пути к загсу решил переименовать долгожданного сыну в честь себя, дать ему имя Василий.

Если, впрочем, довериться ономастике о Павла Флоренского, разницы здесь почти нету; по его мысли, это в сущности одно имя в разных обстоятельствах...

Владимир Великий, залучивший при крещении имя Василий, переименовался, «лишь отжался от стихийной сырости, отнюдь не потерпев трагического надлома...».

За малолетством, а точнее сказать, за отсутствием лет авторский протагонист Василий Курилко-Кирик, равно как и сам автор, хитроумно сокрывшийся за его спиной, не понесут, будем надеяться, и в нашем повествовании повреждающего урона.

Урона подлинности в поисках её обречения...

Вот так!

В исполсованной автоматными очередями Германии, где папа Курилко-Кирик служил в железнодорожной командуре помощником команданта г. Франкфурта-на-Одере, как и все его русские ровесники, Вася сделался октябрьском, по возвращении в Россию, в г. Яминск, едва дотерпев, вступил в пионеры, а в комсомол, в комсомольцы, зачавя неладное, записывался уже без охоты, выказывая более прагматическое благоразумие, нежели требующий обстановкой трепет сердца...

В тридцати же четырёхлетнем возрасте «отжатый» Достоевским, жизнью и кое-какой учёбой в разных учебных заведениях, был крещён в православную веру, и в смрадно-сером заволочённом небе его пыхнул первый сулящий жиденькую надежду промельк...

«Ибо всякий просящий получает, и ищущий находит, и стучащему отворят (Мф., 7, 8)».

До настоящей метанойи было ещё далеко, но и в таком, с краешку и чуть-чуть изменении сознания наружу — словно раки из-под сдвинутой коряги — стали выходить, обнаруживая себя, неведомые доселе смыслы...

«Что посещет человек, то и пожнёт: сеющий в плоть свою от плоти пожнёт тлене, а сеющий в дух от духа пожнёт жизнь вечную...»

Есть ли вообще у человека настоящий и подлинный выход либо судьба его и вправду плываема, как думали древние?

Или по существу тот же вопрос, поставленный поуже и иначе: а что, собственно, сеет (если она сеет) литература, любимая и прекрасная наша мадам де Лигатерот?

«Заниматься искусством можно... — сказал один из оптинских старцев, — но всё это нужно делать как пред взором Божиим...»

И добавил:
«Все стихи в мире не стоят строчки Божественного Писания...»

Уж не замолкнуть ли в тряпочку в самом деле, засомневался тогда Василий, не замолчать ли напрочь, чтобы не искушать и не искушаться, как рекомендовал ей её (литературы) авторитетный титан?

Увы...

Дух Божий дышит где хочет, а дух лукавый, следуя по пятам, извращает и сводит на нет едва ль не всякое усилие души человеческой...

Утишить страсти, усмирить волнения, усилиться ежмгновенно в чистоте сер-

дечной, в различении добра и зла... это ведь чуть не в противосторону от привычных векторов изыщной словесности!

Но козь нащупать и подудержать всё-таки звук, если вот и в падшести, во внутренней проказе попробовать, попытаться не съехать на плотскую и столь лобезную чуть не всем логику побед и услаждений, если не... не... то...

«...отложит образ жизни прежнего ветхого человека, истевающего в облыстительных похотях, и облечётся в нового человека, созданного по Богу, в праведности и святости истины...» (Еф., 4: 22–24).

Эти бедные селенья, эту скудную природу... тайный тютчевский свет смиренной этой наготы девятилетний Вася видел из окна поезда сам, воочию.

После покаянной, но всё равно уютной Германии, после наусупленной Польши и плотненько застроенной Белоруссии похилившиеся заборы в русских голых полях шемили сердце узнаваемой и странно сбывающейся мечтой-желанием...

Наскучавшиеся вдостыть, истомившиеся в тоске по Родине они возвращались домой.

Возвращались на родной и родимый Южный Урал, в оборонпромышленный полузасекреченный Яминск, где Василию придётся ходить в школу и, затоённо всматриваясь в окружающее, медленно возрастать...

Душа же его скучала по Кургану, по полудеревянному степному городишке в сибирском Зауралье, куда в почти деревенский дедушкин дом на окраине два-три лета подряд его отвозили родители...

Хорошо было купаться и рыбачить на быстром Тоболе неподальку, хорошо ступать босыми ногами по нежной и прохладной придорожной пыли, узнавая, как пахнет она под дождеком и ещё лучше после него, под солнцем...

Хорошо было сохнуть без полотенца и расчёски, неся на плече надутому до звона камеру от полуторки, отблескивающую чёрным, когда мокрая, и матово-белёсую, когда высохнет...

Хорошо было осязать кожей, как греется, как горячет она, согреваясь, на уставшем плече.

Бабушка пекла в печи жаворонков, шаньги и пресные булочки с конфеткой-подушкой посередине... Прямо на земляном тротуаре их улицы Сибирской играли с пацанами в клёк, а там, дальше, в сторону рынка и города, на заболоченной частойстой поляне, где паслись привязанные на кольшых козы, можно было выгадать место и для футбола...

У одного парня с соседней Береговой была настоящая «вухзатжная» голубятня, а другой поступил в ФЗУ и ходил в новенькой чёрной форме с высокой, как у офицера, фуражкой и мог запросто, бл спор, влезть на любой стои́л на прицепленных к ботинкам скобах...

Выходя гулять, нужно было успеть выкрикнуть «Сорок один, ем один!», чтобы опередить встречное — «Дай хавочки!».

Если не успевал, следовало делиться хлебом, шаньгой или с чем ты там выходил.

Делиться самому, собственно волей было неприлично и не стоило. Все всегда было голодными, но побираться «никто пока ещё не собирался».

И никто ему, Василию, не завидовал... Завидовал он, поскольку не всегда был своим среди своих, а иной раз и просто был чужаком, чужим... Однажды его даже побили за гонор, а раз, когда на быстрине случилось попасть в водоворот, наоборот, спасли, вытолкнув, рискуя собой, из воронки...

Поэтому он, видать, и томился во Франкфурте по Кургану больше, чем по Яминску, потому и тянулся после к простецам-работягам, поскольку ни разу, ни единого разу так и не «нажился» у деда досыта...

Родина это была у него? Рай?

Время двигалось внутри себя трудно, точно неочищенное растительное масло.

Поначалу медленно-медленно — догонит ли Ахиллес черепаха? — а после, спустя ещё сколько-то, полегонечку «рас-

качиваясь» — школы, драки, кинотеатр «Октябрь» на улице Кирова, первые эротические (пионерлагерные) захмеления... — кое-как всё-таки разогналось.

Первое подозрение о некоем всеобщем недоговаривании, утаивании, увелении глаз...

Словно бы все идут (сформулирует он позже), стремятся всерьёз поначалу, а потом, не дойдя решающего шага до двери, за которой «всё и откроется», сворачивают в сторону, на своё, на самоочевидную ближайшую выгоду, на дешёвку, глупость... на... неправду...

И нечаянная решающая удача наконец с очередной школой, взавраправу по-настоящему хорошей, где первым же домашним заданием на летние каникулы — «Война и мир»...

Словно он поплыл тогда по чужой и не обозримо широкой реке, будто раз-другой,

Хочешь... как Кир и Прес, Кушай кашу геркулес!

В мрачные минуты Василию приходило, случалось, на ум, что это сам же Жора и нащарапал.

Однажды на перемене они стояли между рядов парт, и «глупый», эксцентричный, чрезвычайно порою остроумный, непредсказуемый и чистый сердцем левый стопер товарищески поинтересовался:

«А ты, Кир... эт-то... всё ходишь, приглядываешься к жизни... Ты сам-то как, не думаешь попробовать?... Прозой...»

Курилко-Кирик хэмкнул («нечто невразумительное»), пожал нераздающимися покуда крыльцами и, смутившись, отретировался «куда подальше» от приятеля, поскольку, как это бывает, Жора попал не в бровь, а в глаз.

Владимир КУРНОСЕНКО

Совлечение бытия

Отрывок из романа

17 января во Пскове на 65-м году жизни скоропостижно скончался известный прозаик Владимир Курносенко — автор многих книг, лауреат литературных премий. В литературу он пришёл из медицины, которую, в сущности, никогда не оставлял: уже будучи автором книг, работал на скорой помощи... Главная тема его творчества — мучительный, бескомпромиссный поиск смысла жизни человека, поиск Бога — с особой пронзительностью звучит в завершённом писателем незадолго до ухода романе. Его начальные главы «ЛГ» предлагает вниманию читателей.

Владимир Курносенко (один из последних снимков) ▶

случилось, и потонул даже в её воронках и заворотах, и словно вот всё-таки выплыл в радостном преодолении, *доплыл*...

Доплыл же и выбравшись на сухой бережок, припрыгал за собою пахнущую снежком и порохом плотненькую захватанную многими пальцами обложку и длинно, дрогнув под конец горлом, вздохнул.

И, вздохнув, *почувствовал душу*...

Из районной, чрез два квартала, библиотеки понёс, стал взносить (как дровишки) на пятый их этаж по три-четыре тома «архивского» Достоевского, кожею под засученным рукавом чувствуя глинящевые прохладные переплёты...

Записки из подполья. Записки из Мёртвого дома.

Родion Романович. Николай Всеволодович. Иван Фёдорович...

И не то князь Лев Николаевич Мышкин, сам ли Фёдор Михайлович, а не то так и снова он, Вася-Василь, и не из Швейцарии, не из заснеженной Сибири с каторги, а из оккупированной южной Восточной Германии возвращаясь, видит из вагонного окна... эти «бедные селенья», эту «скудную природу» и смиренную, благословлённую Царём Небесным «наготу»...

Жора Опреснокор, ассимилированных иудей, играл левого стоппера за вторую юношескую Яминска и, будучи единственным в миллионголовом городе автором издающейся в столице «Пионерской правды», посещал поэтическое ЛИТО при Яминском дворце пионеров...

Жора в футбол, а Курилко-Кирик неплохо бегал и прыгал в длину, и их фото-портреты, ухо к уху, висели в вестибюле школы на стенде «Наши спортсмены».

В туалете на третьем этаже было нащарапано на стене, по извёстке:

Поскольку Василия не то что «включко попробовать», а грызло, жгло и мучало, наподобие запазущного лисёнка, выевого внутренности у немотствующего в строю юноши-спартанца... «Не знаю, Жорка, — хэмкнул он поэтому на *попавшее* вопрошание, — может, и попробую...» — и отошёл, отступил за учительский стол к окну (*подальше*)...

Он стоял, успокаиваясь и глядя на мокрые лавочки, на кусты акалий с лохматыми набухшими почками, на затянутое хмарью низкое небо, в недрах которого трепеща горело сокрытое до срока солнце и пред... предчувствовал, и предощущал, что всё, наверно, сбудется... что вряд ли он будет (и это *хорошо*) знаменит, богат и «счастлив в браке», но зато он станет *человек по профессии*, как понимал писательство Александр Блок, он будет искать и отыщет, скорее всего, смысл человеческого существования, и с Божией и с чьей-нибудь ещё помощью разгадает, как и зачем жить...

А пока... пока терпи, Василий! Ну какая тебе проза в шестнадцать лет! Вон у Хемингуэя — нужно (хорошо бы) сходить на войну... Минимум лет десять...

И тут, в это мгновение, косвенно подтверждая, подводя черту и возвещая о конце перемены, зазвенел звонок...

Уотца Василия близился отставка в запас, и старший его брат, трюдившийся снабженцем на заводе шампанских вин в городе Черноморске, предложил купить у него полдома на берегу моря.

Главное-де — окажутся рядом, станут *жить да радоваться* на старости лет, любящих на радующих детей и возрастающих внуков, вспоминая собственных мать и отца и чудесное нищее степное детство...

На семейном совете было решено: с плеча не рубить, но поехать одному Ва-

силию, а там оно видно будет, там поглядим...

От легконой рыженькой мадам де Лигатерот *разведчику* было ведомо и про Гамбринус, и о *или у вас есть приличных бомб?* из пьесы Славина «Интервенция», и про молодого человека, *ку* которого всегда есть в запасе пара слов...

Это было, но в ту пору казалось более чем важным; вдобавок — закончи он, Василий, тамошний *меди́н*, распределись в *Азмор* (Азовско-Черноморское пароходство), не миновать стать ему судовым *лепилой* на каком-нить *белом с красной трубой корабле-пароходе*... Те ж самые Рио-де-Жанейро, Ла-Манш, Азорские острова и проч. проч. из так называемых *романтических* застарелых идей, что лишь стгоряча и могут влететь в победную но совсем твёрзую младую головушку...

В Черноморске, как и в Яминске, стояла советская власть, кругом висели те же портреты и лозунги, однако ж «всевыходом» и разрешением всех бед здесь, в портовом городе, вслух и подслуно предпологалась и почиталась *«рубчик»*. *Рубль*... Или, как обозначил понятие папа Чичикова, — *копейка*...

Все шутки, намёки с подтекстами, весь нерв, смысл и кручина трепетали и расцветали вокруг этого, вокруг *неё*...

Зато как раз эти-то уверенные в повадке люди, столь смачно и остроумно шутившие над словом буже «раздаданною» ими загадкой жизни, в сутевых (экзистенциальных) зонах понимания вещей напоминали больше сбившихся в кучу овец, бредущих гуртом неведомо куда и куда неведомо, трение боками друг о дружку принимая и за компас, и за генеральную философию, и за ближайшую причину обид.

...И таких мягких, пахуче-нежных, ласкающих саднящее его сердце вечеров не было у Курилки-Кирика ни до этого города, ни никогда после.

Узкими убитыми бутом улочками — Светлой, Уютной или даже просто Приятной — он раннеесенними прохладными вечерами мог неспешно прогуливаться, спускаться по замшевшим разрушающимся ступеням в подвальчики с дешёвым вином («бодети»), мог выйти как-нибудь на рассвете к морю и на скалистом ли взгорчине, на волнорезе восстановить или хоть восстанавливать по памяти строки:

*Придается всё.
Лишь тебе не дано примелькаться.
Лни прохадат,
И годы проходят,
И тысячи, тысячи лет...*

Или наугад, в прозе, про командира первого эскадрона Хлебникова:

*«Нас потрясла одинаковые страсти.
Мы оба смотрели на мир, как на луг в мае,
как на луг, по которому ходят женщины и кони...»*

Василий не знал на ту пору, хорошо это или плохо — *страсти*, но он успел где-то прочесть, что сребролюбие, а стало быть, выходило, и *рубчик* — это чуть ли не главный корень всех зол и несчастий...

Глядя в слишком то кучерявую жёлтую пену у берега, он думал, что литература (мадам де Лигатерот) — это ещё и знахарка-колдунья, нащептами своими заговаривающая боль жизни, и потому она чаще ищет всё-таки не истины, а прельщения (лести-лжи), что она и вообще, быть может, *грех*, поскольку тогда не во спасение человеку...

Как нарочно, назло (хотя, наверно, во благо Василию) занятия в институте откладывались... В ту осень на юге одной шестой вспыхнула эпидемия холеры...

Несолоно хлебавши, но твёрдо теперь зная, надо ему это или нет, Василий воротился восвоися, в...

*Великолепие зорь
достается рабочим...
Ксения Некрасова*

Из Черноморска цел-невредим Василий воротился в Яминск, окончил, как смог, шестой курс, интернатуру и, поработав год-другой общим хирургом в районе, стал делать попытки поступить на

сценарный, а потом, через год, во ВГИК же и на заочный в Литинститут «параллельно»...

Смерть, г де твоё жало?

И штука к подступившему сроку оказалась не в одной только жажде творчества... Пребывая последние годы в тайном унынии, в недоверии к себе и жизни, он заподазревало мало-помалу, что чего-то, может, не понимает, недозахватывает провинциальным своим умом-сознанием, а поэтому надо вырваться за очертающийся круг, пробовать, пока не устал, искать настоящего утешения воспалённой мрачащейся души...

Поступило их на заочное трое. Квалифицированный рабочий с кузнечно-прессового Серёга Иеремиев, перешедший вскоре на дневное отделение да так и оставшийся навсегда в столице, и, помимо Василия, выпускник монтажного техникума Олег Гонькин, *Гоня*, отчисленный вследствие со второго курса за неупеваемость...

Этот-то Гоня и привёл стесняющегося своей прозы Курилку в литературное объединение (ЛИТО) металлургического завода.

Значительных их, ЛИТО, в середине 70-х в городе было два — при Дворце металлургов и второе при Дворце железнодорожников.

В ж/д ставку руководителя делили «детский поэт» по фамилии Мехлис и диковатого вида «научный фантаст» неизвестной Василию фамилии, но время от времени попадавший на глаза в читальном зале публичной библиотеки...

Объединение железнодорожников считалось прозапальным и интеллектуальным, с оттенком если не диссидентства, то обострённого гражданского достоинства, а металлургов — *простым*, рабочим и «патриотическим»...

Занятия проводились по воскресеньям, с полудня, и в дни, близкие к авансовым и зарплатным, имели вторую часть.

Вторая, *«скверная»* эта часть проходила в околдворцовом сквере на лавочках, под бормотуху с плавильными сырками, где горячие споры и стиходекламации иногда завершались и прямой рукопашной...

Зато первая, «легитимная», осуществлялась в красном уголке, за столами, и была не хуже литинститутских или вэлковских обсуждений, не слабее семинаров-совещаний молодых писателей, с точно так же загодя назначенными «оппонентами», авторским самопредставлением и свободным критическим словом всех заинтересованных и задетых...

Если у тех, центровых, у *жедовских*, в чести были братья Стругацкие, Мандельштам, Мария Петровых и Пауль Целан («Волос твоих золото, Грехтен...» и т.д.), то здесь, у *рабочих*, высоко ценились Есенин, Павел Васильев и Ярослав Смеляков, а строки для аргументации приводились из Рубцова, Прасолова и Николая Глазкова... из замечательной (как-то раз) Ксении Некрасовой:

*Предмета суть
Есть совершенство мозга...*

Не останься в душе Василий тем же мальчишком-получужаком с улицы Сибирской, не продолжай втайне претерпевать не избегающуюся никуда тоску по Родине, выбор, вероятно, был бы другим...

Дворец железнодорожников стоял в двух кварталах от его дома, а до Дворца металлургов трамвай № 3 вёз без малого час...

Он выбрал *работяг*, выбрал и полюбил их простодурный восторг пред затянувшейся игрою в Пушкина, их доверчиво-настороженную душевность и горячую кровь, где он неожиданно-негаданно оказался так товарищески принят и ненарочно обогрет...

Обсуждались преимущественно стихи — циклами, подборками и по одному, но, коли подворачивалась под колесо проза, никто не робел и прозы; проза так проза, рассказ так рассказ...

С последнего стола в среднем ряду поднимался бывший паровозный машинист Митрич и, шумно вздыхая, несильным шагом в подшитых валенках шёл к трибуне, на ходу, как в оперетте, обронивая как бы венакор: «Угу... Прям тебе повести Белкина.» — и это, понятно, не без сарказма, не без насмешливо-отрезвляющего автора яду...

После войны, в конце 40-х, когда Василий Курилко-Кирик только зарождался, Митрич уже издал настоящий отдельной книгой роман, а литературу, «мадам де Лигатерот», он любил больше, чем собственную жизнь, и об этой ветреной, однако не до конца, кажется, всё-таки беспутной... м-м... дамочке знал и ведал, мнилось ему, *всё*...

Роман его назывался «Машинист». Крехтя, хмыкая и сдержанно кашляя в чёрный, навек прокопчённый на паровозе кулак, повода под растянутым на пузе пуловером опавшим плечом, он этими хмычками, междометиями, а пуше всего мимикой обрисовывал картину очевидной неудачи, постыдной и дерзкой в её легковесности, — выражал своё, старого мастера, честное и прямое неодобрение «новомодио» всех этих *тащев-звонцев*...

Еле дождавшись ухода Митрича от трибуны, за первым столом по центру вскакивал («как *встрепанный*») член Союза писателей Фила Колонок и, клекая без разбору фистульно-мальчишеским своим альятом, начинал знакомую всем песню про «язык»...

Как крупнееющий, где-то сразу за Рубцовым, поэт современности, он — это всё же угадывалось по отдельным возгласам и жестам — скорбел и сокрушался душою, что язык у *нашего автора* оставляет желать лучшего и никуда не годится, что, к величайшему его, Фили, сожалению, язык «вторичен», трафаретен и избобилует штампами, что, увы и увы, куда лучше и благоразумнее было бы автору подумать о чём-нибудь другом, нежели литературное творчество, а может, раз уж такой зуд, следовало повременить и с рождением...

Уморившегося Фило сменял Миша Шахбатьев, *друг степей калмык*.

Он выходил к кумачовому столу руководителя, опирался недолгой смуглой рукой в покрытую красным сукном столешницу и сладко, специфически сюсюкая, заводил:

«Ну щё вы, музыки? Щё? Ну хоросый зе рассказец! Вы щё?»

Между тем печка, от которой, по выражению Митрича, танцуются все танцы-звонцы, и источник света, которым создаётся рельеф и от которого клалутся тени на ковре, и здесь, на ЯМЗ, и у железнодорожников, и во Дворце пионеров у Жоры Опреснокора, и на творческих семинарах Литинститута, и на совещаниях молодых писателей неназываемо предполагались самоочевидными и у всех всегда одинаковыми... Поэтому романтическое попадание пальцем в небо в виде скромного намека на *любовь к добру*, принимаемое за тайную суть искусства, давало дорогу любому добросовестному самозаблуждению.

Слова *родина, талант, душа, добро*... — никем никогда как понятия не исследованные, несли в себе всеми налету схватываемый «необходимый» оттенок сакральности и приобщения...

И, наоборот, отсутствие задушевно-сдержанных объяснений в любви к Родине, свежих неожиданных метафор и рифм вызывало тотчас же подозрительность, чувство артельного отвращения и не желающего разбираться презрения к напускаемому дымовую завесу «парозиту»...

Что ж это в самом деле такое — *художество*? Умелая маскировка, имитация истины, «нарязанье» этой имитации под нечто угодное лукавому миру и падшей душе или это наоборот — освобождение истины из «вражских» тенёт и пленений стереотипов?..

ТВОРЧЕСКАЯ КУХНЯ

Десять минут

«У системного администратора Никиты заглохла машина. Задёргалась вдруг, то поднимая обороты двигателя, то сбрасывая до полной его остановки.

— Ну, давай же, — шипел красный от злости Никита, перемещаясь нервными скачками в потоке остальных чинно едущих автомобилей.

— Что ты меня позоришь? Вот пойду, куплю новую, раз ты такая развалина!

Машина, в ответ на его примитивные подначки, презрительночихала и глохла.

— Слушай, Миша, — позвонил Никита своему знакомому автослесарю. — Тут такая беда...

В нескольких сочных и нецензурных эпитетах он описал суть происходящего.

— Сложно, но можно помочь, — ответил Миша.

— Сколько будет стоить? — спросил Никита.

— Баксов сто диагностика, плюс сам ремонт — как получится, — начал объяснять Миша. — Ты же понимаешь: пока прозвоню все датчики и цепи, пока разберу трамблёр с расходомером воздуха, протестирую «мозги», проверю давление насоса и форсунку мовновпрыска. В общем, времени немало, сам видишь.

«Если бы я что-то понимал, — вздохнул Никита про себя. — Хрен бы я к тебе поехал».

Через полчаса Никита загнал упирающуюся «ауди» в ремонтный бокс Миши.

— Слушай, ты же вроде компьютерщик? — хмырясь, спросил Миша.

— Ну, можно сказать и так, — подтвердил Никита.

— У меня тут беда — пароль от электронной почты вспомнить не могу. Уже всё, что можно, перепробовал. Раньше ноутбук автоматически заходил под

«Как обычно, — довольно улыбнулся Миша, слушая ровную работу двигателя. — Сетка в баке забила. Десять минут дел».

В это время Никита поочерёдно нажимал кнопки браузера: настройки — безопасность — сохранённые пароли.

«Ну вот, отлично — все пароли есть. Работы на десять минут, и за ремонт машины платить не нужно. Красота», — потирая руки, радовался он.

Закончив печатать, Писатель, откинувшись на спинку кресла, смотрел статистику готового рассказа.

— Чуть больше чем две тысячи знаков — негусто. Заплатят мало, — рассуждал он вслух. — Сейчас добавлю на описание бокса Миши, растяну диалоги тысячи на три, ну и к дорожным мытарствам Никиты можно дописать что-нибудь.

— А? Что ты говоришь? — спросила заглянувшая в комнату жена. — Я тут хотела тебя попросить...

— Меня сегодня и завтра не беспокоит! Я новый рассказ пишу! — рыкнул Писатель в послешно закрывающуюся дверь, от которой уже неслись благоговейные извинения.

И снова в комнате Писателя воцарилось уединённое безмолвие, среди которого был слышен ожесточённый стук клавиатуры. Через десять минут вместо него раздался удивительный вздох, парашелчок компьютерной мышки, а затем всё затихло окончательно.

Максим САМОЙЛОВ

Михаил ПАРФЕНОВ

моим именем, а сейчас... Можно что-то сделать?

— Сложно, но можно, — не без схиства ответил Никита. — Баксов сто будет стоить. Там, понимаешь, придётся брутфорсить сервер электронной почты, а они защищены — о-го-го как, да и долго это всё. Значит, нужно работать сразу с нескольких компьютеров: разные ай-пи и...

— Не надо подробностей, — замахал руками приунывший Миша. — Слушай, а давай так: я тебе машину починю, а ты мне пароль — бартером. Идётся?

— Давай ноутбук, — сказал Никита. — Я на работу поеду, там поковыряюсь.

...Миша, не открывая капот, поднял «ауди» на подъёмник и открыл шланг топливного бензонасоса. Дунул в него компрессором, прикрутил на место, опустил машину.

«Сложно, но можно помочь, — ответил Миша.

— Сколько будет стоить? — спросил Никита.

— Баксов сто диагностика, плюс сам ремонт — как получится, — начал объяснять Миша. — Ты же понимаешь: пока прозвоню все датчики и цепи, пока разберу трамблёр с расходомером воздуха, протестирую «мозги», проверю давление насоса и форсунку мовновпрыска. В общем, времени немало, сам видишь.

«Если бы я что-то понимал, — вздохнул Никита про себя. — Хрен бы я к тебе поехал».

Через полчаса Никита загнал упирающуюся «ауди» в ремонтный бокс Миши.

«Сложно, но можно помочь, — ответил Миша.

— Сколько будет стоить? — спросил Никита.

— Баксов сто диагностика, плюс сам ремонт — как получится, — начал объяснять Миша. — Ты же понимаешь: пока прозвоню все датчики и цепи, пока разберу трамблёр с расходомером воздуха, протестирую «мозги», проверю давление насоса и форсунку мовновпрыска. В общем, времени немало, сам видишь.

«Если бы я что-то понимал, — вздохнул Никита про себя. — Хрен бы я к тебе поехал».

Через полчаса Никита загнал упирающуюся «ауди» в ремонтный бокс Миши.

ОФИЦИАЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ

ПРИКАЗ

по Театру имени 20-летия российской демократии

В связи с тяжёлым материальным положением театра и продолжающимся финансированием искусства по остаточному принципу, а также в связи с возросшим интересом богатых слоёв общества к театральному искусству в дополнение к существующим тарифам (галёрка — 50 руб., партер — 70 руб.) вводить следующие тарифы и услуги:

Место за кулисами (с наблюдением волнения актёров перед выходом на сцену) ..... 50 руб.
 То же, сидя в кресле, ... 100 руб.
 То же с наблюдением народного артиста России ..... 150 руб.

Наблюдение волнения молодой актрисы перед выходом на сцену ..... 200 руб.
 Наблюдение переодевания её же перед выходом на сцену ..... 400 руб.

Помощь в переодевании её же перед выходом на сцену ..... 600 руб.
 То же tet a tet ..... 1000 руб.

Советы артисту, как и играть (за 1 совет) ..... 20 руб.
 То же с обязательным выполнением ..... 180 руб.
 Советы народному артисту России, как и играть (за 1 совет) ..... 200 руб.
 То же при всей труппе ..... 2000 руб.

Выход на сцену вместо актёра в массовке ..... 80 руб.
 в главной роли ..... 1000 руб.
 в роли царя ..... 1 000 000 руб.
 в роли В.И. Ульянова (комич.) ..... 20 коп.

Изменение концовки пьесы по желанию клиента:
 женитьба Чацкого на Софье ..... 400 руб.
 удушение Отелло Дездемоной ..... 600 руб.
 дикий крик народа в финале Бориса Годунова ..... 800 руб.

Примечание: приостановка действия спектакля во время разговоров постоянных клиентов по сотовому телефону — бесплатно.

Ксерокопию снял Сергей САВАРЕНСКИЙ, САНКТ-ПЕТЕРБУРГ

ПОДМОСТКИ «КЛУБА ДС»

Владимир СОЛДАТОВ

КУЛЬТПОХОД

Чьё наследие дороже?

Государственный академический Малый театр, который не прочь побаловать зрителей образами зарубежной классики, показали премьеру спектакля «Наследники Рабурдена».

Созданная почти полтора века назад комедия Эмилия Золя, пронизанная элементами чёрного юмора, выдержала проверку временем. Помимо прочего сейчас к ней добавляются и ностальгические нотки о вегетарианских временах, когда для решения проблем с наследством не бросались слома голову заказывать киллера, а разбирались со всеми возможными хитростями и розыгрышами в семейном кругу.

Поставленный режиссёром Владимиром Бейлисом в помещении филиала на Ордынке спектакль «Наследники Рабурдена» являет собой

образец жизнерадостного зрелища, по которому явно скучают современные зрители, — с хорошими костюмами (художник А. Трефилов) и декорациями (художник А. Глазунов). Тут уж если мебель так мебель, посуда так посуда, сейф так сейф. Есть на что посмотреть.

Говорить лишней раз о мастерстве артистов Малого театра — значит ломиться в открытую дверь. Актёры разных поколений играют в высшей степени профессионально, выразительно, у всех безупречная дикция (то, чего порой не хватает исполнителям даже в «продвинутых» театрах). Сразу видно, наследие Шепкина, его ставшие классическими принципы работы на ролью здесь по-прежнему ценят. А оно для нас куда как дороже наследия Рабурдена, сколько бы денег у французского шутика ни было.

СТЕНГАЗЕТА КЛУБА «РОГА И КОПЫТА»

Хроника
 Во время вчерашнего народного гуляния в городском парке состязание по перетягиванию каната между двумя группами отдыхающих завершилось ничью — канат порвался ровно посередине.

Роман ПОХОЖИН

Память
 Проститься с погибшим в перестрелке криминальным авторитетом Вовой Женьевским пришли сотни людей. По сведениям МВД, их было восемь человек.

Бизнес
 После запрета на использование игровых автоматов некоторые предприимчивые хозяева таких заведений перешли на игровые пистолеты.

Спорт
 В связи с получением нашей страны права на проведение чемпионата мира по футболу в 2018 году принято решение о бесплатном выделении многодетным семьям земельных участков для строительства стадионов.

Полезные советы
 Если вы хотите наполнить свою тусклую жизнь интересом и смыслом, возьмите в банке кредит.

Валентин ЧЕРВЯКОВ, БАЛАШИХА

ДИАЛОГИ

Игры взрослых людей

► — Охломбов, а давай с тобой сейчас сыграем в Моцарта?
 — А это как?
 — Да ты пей, пей, не спрашивай...

► — Милый, ты будешь играть со мной в Робинзона Крузо?
 — Ой, как романтично! А что надо делать?
 — Да ничего особенного. Но секс у тебя теперь будет только по пятницам.

► — Потытульева, в Квазимодо играть станете?
 — А в чём суть игры-то?
 — Суть-то в чём... Как бы это вам сказать помягче... В общем, ваша пластическая операция не совсем удалась...

► — Солнышко, ты мечтала сыграть в Белоснежку?
 — А как?
 — Да проще простого. Мы к тебе с ребятами после бани всемером заглянем.

► — В Гагарина будешь играть?
 — Буду.
 — Ну тогда садись за стол, махни рукой — и поехали!

Евгений ОБУХОВ

ИЗБА-ЧИТАЛЬНЯ

Без возрастного ценза

Выходных данных нового сборника стихов Леонида Чернакова «Часы с квакушкой» (М.: Октопус, 2011) указано, что книга рекомендуется для чтения детям младшего дошкольного возраста. Ясный пень, такая мелюзга, как правило, ещё читать не умеет. В лучшем случае они будут разглядывать великолепные иллюстрации Екатерины Вашиной (что уже неплохо). Читать же «Часы с квакушкой» придётся вслух представителям старших поколений. И они выполнят просьбу отпрысков с плохим скрытым удовольствием. В этом и заключается секрет мастерства Л. Чернакова: благодаря тонкой иронии его яркие звучные стихи способны увлечь и детей, и взрослых. Разумеется, рассказать о специфике поэзии своими словами невозможно. Лучше привести какой-нибудь образец, например «Картошку в мундире».

Всё только представьте:
 В соседней квартире
 Сегодня я встретил
 Картошку в мундире.
 «Картошка, — сказала я, —
 Мне в этом наряде
 Хотелось бы вас
 Увидать на параде!»
 Картошка в ответ мне:
 «Что может быть проще!
 В двенадцать часов
 Приходите на площадь:
 В девятой колонне,
 В четвёртом ряду
 Я мимо трибуны
 Сегодня пройду».

ИРОНИЧЕСКАЯ ПОЭЗИЯ

***
 Для нас иметь запас на чёрный день —
 Обязанность, сравнимая с привычкой.
 Чтoб не пугало повышение цен —
 В записке всё, включая соль и спички.

Объём кладовки трудно оценить
 При нынешнем обилии продуктов,
 А свежеть сложно длительно хранить,
 И что-то обязательно протухнет.

Но мы готовы к жертвам. Наш девиз —
 «Потратим всё, но сделаем запасы!»
 Теперь пусть хоть все цены рухнут вниз —
 Нам целый месяц это «мимо кассы»!

***
 Давайте выйдем из подъезда
 Не так, как раньше и вчера,
 Чтoб вовсе не было и места
 Вражде в нас с самого утра,
 И оснований для ареста
 И изымаья топора!

***
 От наших воплей о «пути России»
 Не скрыться самым заткнутым ушам.

Как население всяких там Бразилий
 Без этого живёт — не знаю сам!

Слепая вера в достижимость цели
 И невозможность далее идти —
 Вот это нам присуще качели
 Особенного нашего пути!

Блоковские мотивы
 Ошалев от водки, баб и денег,
 Полов тяги к праведному миру,
 Ты своей душе навесишь ценник
 И с утра пораньше двинешь в храм.

И, перед иконой ставя свечку
 И шепча губами чету,у,
 Ты построишь из себя овечку
 В перманентной страсти к настуху.

Предвкушая телематч футбольный,
 Ты потопчешь крашеиный настил
 И уйдёшь в уверенность полной,
 Чтo Господь грехи твои простил.

Артём СУЛТАНОВ, КАЗАНЬ

ТУРИЗМ

Круиз как ощущение

Когда я ставлю себя на место туриста, которому надо сделать выбор и остановиться на каком-то одном из предложенных речных круизов по Европе от «ТАРТУС-ТУР», то я понимаю, как трудно это сделать. Действительно, что предпочесть? Дунай... не только голубой, но серый, сизый и даже чёрный. Его переменчивость — одно из впечатлений круиза, другое и очень значимое — созвездие столиц, городов, старинных замков и музеев. Вена, Братислава, Зальцбург и Будапешт — одни только названия звучат, как музыка вальса. Дунай притягивает и захватывает водоворотом впечатлений. Неслучайно эти круизы зовут «Классика Дуная».

«Батюшка» Рейн чаще всего — серого цвета, как убелённый сединами великан, несёт свои воды мимо прекрасных берегов Швейцарии, Франции, Германии и стран Бенилюкса. В отличие от новогоднего круиза, когда теплоход шёл вверх против течения реки, к Альпам, Страсбургу и Базелю, в майских круизах можно побывать в низовьях, практически у берегов Северного моря, там заканчивается эта удивительная река Рейн. Сегодня редко встретишь человека, который никогда не слышал о Бенилюксе. Слово красивое, запоминается сразу. Пока не знаешь, что это такое, — мерещится что-то связанное с сервисом: с роскошными

гостиничными номерами «люкс». У вас есть отличная возможность за одно путешествие увидеть три абсолютно непохожие одна на другую страны (и несколько совершенно уникальных городов — Амстердам, Гаагу, Антверпен, Брюссель, Гент, Брюгге и Люксембург). И конечно — гвоздь программы — день рождения королевы. В этот день пышные торжества устраиваются по всей стране. И в первую очередь в Амстердаме. День напролёт веселится столица Нидерландов. На улицах и площадях не протолкнуться. Под вечер небо расцвечивается фейерверками. Весь Амстердам участвует в карнавале. Всевозможные концерты и народные балы открыты для всех желающих. Все поют и пляшут: и молодёжь в умопомрачительных нарядах, и люди постарше в традиционной одежде. Одним из самых ярких зрелищ празднования дня рождения королевы является парад цветов. В Нидерландах цветы — это национальный символ, и как раз к главному празднику в Голландии расцветают тюльпаны. Бархатистые, с махровыми краями, вытянутые наподобие узких фуэжеров под шампанское или, наоборот, огромные, как маки... Парад начинается в городке Алмере и докатывается до центральных улиц Амстердама. В параде принимают участие около 10 тысяч человек и... миллионы цветов.

Весны ждёт измученная зимой и политикой Россия... Именно поэтому пейзажи Прованса весной по-особому очаровательны, будто нарисованы нежными оттенками акварели, а черешневые и яблоневые сады цветут как-то по-русски... Писать об этом трудно, ибо

это надо видеть и вдыхать аромат полной грудью. Поэтому особенно приятно в солнечные дни совершать неспешные путешествия. Теплоход SWISS PERL плывёт по реке Роне, а вокруг холмы, покрытые плотным ковром из маков и ирисов. Только в Провансе вы увидите самые разные эпохи и проявления цивилизации, являющие лицо нашей Земли. Здесь небольшие аббатства, прячущиеся в зелени; роскошные старинные папские дворцы, простодушные праздники и изысканные, утончённые фестивали. Перед вами великая Римская империя и Панская республика.

Многие известные люди искусства жили и творили в Провансе, среди них — Леонардо да Винчи, Петрарка, Боттичелли, Поль Сезанн, Эмиль Золя, Август Ренуар, Матисс, Марк Шагал, Пабло Пикассо, Альберт Камю, Стендаль, Альфонс Доде. И сегодня самые «богатые и знаменитые» здесь покупают замки и виллы, признавая тем самым неповторимость и очарование этого края. Что, как не процветание во все времена, мог ему предсказать Нострадамус! Кстати, тоже провансалец...

Если только выбирать по принципу: здесь я уже был, а здесь ещё нет... Но тут и этот принцип не срабатывает: тебя снова тянет в Вены и Зальцбург, в Кёльн и Амстердам, в Лион и Арль, многократно и одновременно. Это тот случай, когда утления не бывает, впечатления от встреч с Европой лишь обостряют жажду впечатлений.

На круизных теплоходах, если выдаётся день на реке, без стоянок, автобусных и пешеходных экскурсий, то ты просто идёшь по реке, и взглядом встречаешься со ждущей тебя и всех путников вечной печальной Лорелей, или величественным Вильгельмом на коне у слияния Рейна с Майном, или видишь средневековый замок — какие тайны хранит он? Просто попадаешь во власть неторопливого движения, мирно текущей речной во-

ды, с прекрасными и меняющимися берегами — это ли не счастье?!

Кроме общих объективных радостей, вообще событийных любых круизам, у «ТАРТУС-ТУР» есть ещё свои особенности: высочайший уровень организационного обеспечения, сопровождающий все поездки, замечательные береговые экскурсии, которые у них всегда с тщательно отобранными гидами. Даже для Европы, не говоря об Азии, — это нелёгкая проблема! Часто экскурсии для русских туристов ведут те, кто хотя бы маломальски знает язык, не более того. Здесь не забыть блестящую Софью Энгельберг, выпускницу Московского университета, ныне живущую в Германии, которая кладёшь знаний и буквально открыла нам и старинный университетский Гейдельберг с его потрясающим замком и отличия ранних и поздних соборных мозаик в Цюрихе и на Майнце с витражами позднего Марка Шагала, и прелесть французского Кольмара. Сочетание удобства и комфорта жизни на теплоходе с интересными экскурсиями, с точностью и гарантированностью отличной организации свойственно компании «ТАРТУС-ТУР». И это самое важное для меня ожидание от круизов. Поинтересуйтесь ближайшими предложениями на весну, лето и осень.

Анна КУЗНЕЦОВА

ПРИНОШЕНИЕ СВЯТОСЛАВУ РИХТЕРУ

Большой Зал Консерватории

20 марта

Государственная академическая симфоническая капелла России и дирижер В. Полянский

Бетховен Торжественная месса

Начало в 19-00

БИЛЕТЫ: KASSIR.RU 730-730-0

Каталог

Подготовил к изданию и напечатал книгу в любом оформлении от 5 экз. Тел. (495) 623-31-23.

Издательство «Перо»: * Издание книг * Публикация стихов и прозы в литературном журнале. www.pero-print.ru Тел. (495) 973-72-28; (495) 665-34-36.